

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

**К 100-летию С. В. Бромлей
и О. Н. Мораховской**

**Материалы международной конференции
29–31 октября 2021 г.**

Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-67
П781

Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы
Международной конференции 29–31 октября 2021 г. — М.: Инсти-
тут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. — 224 с.

Редакционная коллегия

О. Е. Кармакова — отв. редактор
И. А. Букринская, С. В. Князев,
А. В. Мальшева, О. Г. Ровнова

ISBN 978-5-7164-0779-4

© Коллектив авторов, 2021.
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2021

Содержание

<i>Е. П. Андреева. Жиндадарин, аред, ерыкало и артиль: экспрессивные наименования лиц в усть-кубинских говорах.....</i>	10
<i>А. Е. Аникин. Польский вклад в русскую лексику</i>	12
<i>Н. П. Антропов. О корреляции материалов двух атласов: общеславянский ↔ белорусский.....</i>	15
<i>Н. Г. Архипова. Песенники свадебного девичника как источник изучения языка и фольклора старообрядцев Южной Америки.....</i>	17
<i>Т. Е. Баженова. Характеристика говоров Среднего Поволжья по лингвогеографическим данным</i>	20
<i>Е. Э. Базаров. Замкнуть зал / замкнуться в зале: на границе регионального и просторечного.....</i>	23
<i>С. М. Белякова. Инвективная лексика как эстетическое поле (на материале тюменских говоров).....</i>	25
<i>Е. Л. Березович. Лексика камня как «новый» объект диалектологических исследований.....</i>	28
<i>М. В. Боброва. К проблеме составления диалектных фразеологических компендиумов (на примере материалов Пермского края)</i>	31
<i>Н. В. Большакова. Труд как маркер детской идентичности (на материале диалектной речи и традиционного фольклора).....</i>	33
<i>Л. З. Бояринова. Отражение мотивационных отношений при идеографическом описании диалектной лексики</i>	36
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Противопоставление западных и восточных говоров русского языка (на материале Диалектологического атласа русского языка и Восточнославянских изоглосс).....</i>	38

<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Русские диалектные дополнения к реконструкции чередования гласных в некоторых праславянских глагольных корнях	41
<i>Т. И. Вендина.</i> Русские диалекты в зеркале культурно-языковой диалектологии.....	45
<i>Н. С. Вербич.</i> Интонация украинской литературной и диалектной речи: сопоставительный аспект.....	49
<i>А. В. Войтенко.</i> Подмосковная микроономия в лексикографической перспективе	51
<i>Е. А. Галинская.</i> Некоторые видоизменения новгородского диалекта за последние четыре столетия	53
<i>Н. С. Ганцовская.</i> Костромские говоры: к определению понятия.....	55
<i>С. Гжибовский.</i> Своеобразие русского старообрядческого говора в Польше.....	58
<i>М. Глушковский.</i> Функционирование различных идиомов в речи старообрядцев Польши: самооценка, установка, языковая практика.....	60
<i>И. А. Горбушина.</i> Три возможные этимологии рус. диал. <i>путик</i>	62
<i>Т. А. Демешкина.</i> «Поколенческий сюжет» в автобиографическом дискурсе.....	64
<i>Л. А. Дмитрук.</i> Лексические средства выражения разговорности в драматургическом тексте: диалектизмы у А. Н. Островского	66
<i>Л. Н. Донина.</i> Говор казаков-уральцев в современном Каракалпакстане	69
<i>Л. А. Дубцова.</i> Атрибутивные конструкции с лексемой <i>время</i> в Томском диалектном корпусе	72
<i>С. В. Дьяченко.</i> Гласные непереднего ряда после мягких согласных в архаическом южнорусском говоре	74
<i>М. Ю. Евстигнеева.</i> Интонационное оформление фраз с семантикой завершенности в одном севернорусском говоре.....	76

<i>М. В. Ермолова.</i> Некоторые особенности перфектных и плюсквамперфектных форм в истории русского языка в свете диалектных данных (на материале говора Опочецкого района Псковской области).....	78
<i>С. С. Земичева, А. А. Васильченко, Л. А. Дубцова.</i> Текстовая разметка Томского диалектного корпуса: количественные результаты	81
<i>Л. Ю. Зорина.</i> Ещё раз о диалектных благопожеланиях (на материале говоров Усть-Кубинского района Вологодской области).....	83
<i>Е. Н. Ильина.</i> Вербализация представлений о региональной идентичности в борбушинском говоре.....	86
<i>Л. А. Инютина.</i> Отражение пространства Сибири в картине мира носителей старожильческих говоров XVII века (на материале региональных исторических словарей)	89
<i>И. И. Исаев.</i> Опыт исследования качественно- просодической структуры многосложного слова в роговатовском говоре.....	91
<i>И. Б. Иткин, С. В. Дьяченко.</i> К уточнению набора значений прилагательного <i>зрячий</i> в русских диалектах.....	93
<i>О. Е. Кармакова, И. А. Букринская.</i> Диалектная коммуникация: особенности повествования.....	95
<i>И. Б. Качинская.</i> Экзотическая лексика среди терминов родства (по материалам архангельских говоров).....	98
<i>Л. А. Климкова.</i> Мифологические рассказы: диалектный дискурс	101
<i>С. В. Князев.</i> Тональный акцент в говоре верхней Пинеги: простой или сложный? (на материале частиц <i>да</i> и <i>нет</i>).....	103
<i>Е. В. Колесникова.</i> Семантика прилагательного <i>желтый</i> в русских говорах.....	105

<i>Е. В. Колосько.</i> Устойчивые сочетания с местоимением <i>чѣ</i> в Словаре русских народных говоров.....	108
<i>Т. Н. Коробейникова.</i> Гласные на месте /о/ и /а/ в первом предупредительном слого в одном севернорусском говоре.....	111
<i>М. Д. Королькова.</i> Ремесленная лексика как объект диалектной лексикографии (на материале СРНГ).....	115
<i>Е. В. Корпечкова.</i> Гласные южнорусских говоров с разными типами диссимилятивного вокализма (количественная и качественная характеристика).....	118
<i>А. М. Красовицкий.</i> Редукция гласных в севернорусском наречии по данным ДАРЯ.....	121
<i>Н. А. Красовская.</i> Лексические единицы в описании свадебного обряда (по записям Н. В. Глаголева).....	124
<i>С. А. Крылов.</i> О применении дистрибутивно-статистического подхода в сфере русской диалектологии.....	127
<i>О. Ю. Крючкова.</i> Речь диалектоносителя-старообрядца (феномен «смешанного» текста).....	129
<i>И. С. Левин.</i> Региональная вариативность в русской лексике: количественное исследование.....	132
<i>М. О. Леонтьева.</i> «Трудовая» мотивация в соматической лексике Русского Севера.....	134
<i>Т. П. Лённгрен.</i> Из неопубликованных материалов диалектологической экспедиции к казакам-некрасовцам.....	137
<i>А. П. Майоров.</i> Инодиалектные слова в говорах семейских Забайкалья.....	139
<i>И. И. Макеева.</i> О некоторых диалектных особенностях списков Кормчей ранней русской редакции.....	142
<i>Я. В. Малькова.</i> К этимологии некоторых диалектных лексем с семантикой брезгливости.....	144

<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный и винительный падежи при отрицании в западнорусских говорах: корпусное исследование.....	146
<i>Н. В. Маркова.</i> Особенности форм настоящего времени глагола в заонежском диалекте	149
<i>Т. И. Мочалова.</i> Наименования оврагов в русских говорах на территории Республики Мордовия	151
<i>Т. И. Мурзаева.</i> Формы глаголов 3 лица в одном из южнорусских говоров Саратовской области.....	153
<i>С. А. Мызников.</i> Диалектная лексика в фольклорных текстах с <i>contrario</i>	155
<i>Я. В. Мызникова.</i> «Это не хвала — истинная правда»: адресант и адресат в диалектном дискурсе.....	157
<i>Г. Д. Неганова.</i> Ландшафтная лексика в говорах костромской низины: номинация равнинных мест	160
<i>Е. А. Нефедова.</i> Земля: лингвистическая и культурная семантика.....	162
<i>О. В. Никифорова.</i> Фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной <i>блин</i> в нижегородских говорах	164
<i>Л. Н. Новикова.</i> Когнитивный аспект диалектного словообразования (на материале тверских говоров).....	167
<i>Е. А. Оглезнева, О. В. Пустовалов.</i> Русские говоры китайского Трехречья в современной языковой ситуации.....	170
<i>Д. Пасько-Конэчняк.</i> Лексические гибридные формы в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше	173
<i>М. Пост, С. В. Князев.</i> Об интонации общего вопроса в двух русских говорах с тенденцией к пословному тональному оформлению.....	175
<i>В. А. Пыхов.</i> Ареалы наименований куропатки в славянских диалектах	177

<i>О. Г. Ровнова.</i> К вопросу о стилистической характеристике диалектного слова (на материале говора старообрядцев Южной Америки)	180
<i>С. Л. Ронгонен.</i> Лексические особенности рукописной поваренной книги русских старообрядцев Южной Америки	182
<i>Р. В. Ронько.</i> Прайминг переключения кодов в опочечких говорах: корпусное исследование	184
<i>И. И. Русинова.</i> Названия человека со сверхъестественными свойствами в русских говорах Пермского края: ареальный аспект	186
<i>Д. М. Савинов.</i> К проблеме соотношения системы и узуса в русском диалектном языке	189
<i>Е. С. Смирнов.</i> Устный ангарский текст как транслятор кровнородственного культурного кода.....	190
<i>О. Д. Сурикова.</i> К вопросу о мотивированности деантропонимных номинаций (на материале восточнославянских заговоров).....	193
<i>А. В. Тер-Аванесова.</i> Счетная форма существительных мужского рода: пути развития в русских говорах.....	195
<i>М. В. Турилова.</i> О связи значений ц.-слав. <i>глумитися, поглумитися</i> и русских диалектных обозначений помешательства	198
<i>Н. В. Удалов.</i> Фонетические особенности говора Агафьи Лыковой	201
<i>М. В. Флягина.</i> К вопросу о мотивационных признаках диалектных географических названий (на примере донских народных географических терминов).....	204
<i>Е. В. Цветкова.</i> Местная географическая терминология в костромской микропонимии (названия, образованные от слова <i>лыва</i>)	206
<i>Т. В. Шалаева.</i> К этимологии лексики архангельских говоров (<i>плоть</i> ‘вранье, враки’, <i>ша́пки</i> ‘плечи; верхняя часть спины’).....	209

А. К. Шапошников . Славянские диалектизмы и реконструкты праславянского лексического фонда	212
<i>В. Н. Шапошников</i> . Интонационная структура и синтаксис в современной разговорной речи	213
<i>М. Н. Шевелева</i> . К истории диалектного будущего типа <i>иму делать, имём делать</i>	216
<i>А. В. Ширкунова</i> . О функционировании относительных прилагательных в диалектных высказываниях	218
<i>Ю. А. Шкураток</i> . Русские диалектные заимствования в коми-пермяцкой мифологической лексике	220

Е. П. Андреева (Вологда)

**Жиндадарин, аред, ерыкало и артиль:
экспрессивные наименования лиц
в усть-кубинских говорах**

Номинации человека в языке диалекта неоднократно привлекали внимание исследователей. Локальные факты вологодских усть-кубинских говоров позволяют дополнить общую картину. Материалом для наших наблюдений послужили данные Словаря вологодских говоров и его картотеки.

Одно из значений диалектного слова *артиль* (*артель*) 'группа лиц, компания'. В составе одной группы, «артили», рассматриваются слова, обладающие денотативной близостью (обозначение лица), содержащие такие коннотативные семы, как пейоративная оценка, эмоциональность, образность. Маркируя особенности внешности человека, отрицательные черты его характера и поведения, данные лексемы позволяют судить об идеале, сложившемся в народном сознании. Эти собственно характеризующие имена «погружают нас в мир ценностных представлений о человеке, существующих в говоре, в мир понятий об этическом и эстетическом» [Оглезнева 2005: 79].

В составе отмеченной ТГ выделяется ряд ЛСГ.

1. Наименования лиц по внешним признакам, физической природе. Общим названием некрасивого, уродливого человека служит существительное *объяв*. Другие слова конкретизируют, какие черты внешности нарушают народное представление о красоте: *жи́харко* 'тощий, болезненный человек', *жиндада́рин* 'высокий, тощий человек', *отто́ныш* 'человек невысокого роста', *пестёра* 'толстая, неповоротливая женщина', *тупёрда* 'крупная, толстая, неповоротливая женщина', *долгого́ловка* 'человек с головой продолговатой формы', *уко́лочей* 'неуклюжий человек'.

2. Наименования, характеризующие внешний вид человека: *ара́п* 'грязный, неопрятный человек', *отерёбок* 'неказистый, неаккуратно одетый человек', *фуфло́* 'неаккуратный, плохо одетый человек', *отелёпок* 'неуклюжий, неаккуратный человек', *кулёма* 'женщина, не следящая за своим внешним видом', *огломы́зда*

‘женщина, носящая платок на затылке’. Слова этой группы свидетельствуют о негласно существующих требованиях к внешнему виду: ценились аккуратность, опрятность, чистота одежды.

3. Наименования человека по его отношению к труду. Слова этой группы имеют общее значение ‘человек, ведущий праздный образ жизни, бездельник, лентяй’, обладают прозрачной внутренней формой, что усиливает их экспрессию: *батялка*, *бóтень*, *валявка*, *валявок*, *валёк*, *ви́слядь*, *óслопень*. Более узкое значение имеет лексема *зимогóр* ‘бродяга, босяк, живущий случайными работками’.

4. Наименования, характеризующие человека по особенностям характера и поведения: *áред* ‘жадный, чересчур скупой человек’, *скоды́рня* ‘скупая, прижимистая женщина’, *растащи́дбмка* ‘расточительный, бесхозяйственный человек’, *кóпа* ‘медлительный, нерасторопный человек’, *разва́ра* ‘медлительный, неповоротливый человек’, *пышку́нья* ‘медлительная женщина, долго собирающаяся и задерживающая других’, *панафи́дник* ‘злой, недобрый человек’, *ско́день* ‘неудобный в общении человек’, *су́парень* ‘человек, любящий поспорить’, *сколды́га* ‘необщительная, завистливая, недобрая женщина’, *соке́ра* ‘женщина, которая склонна ссориться, не терпит замечаний’, *балахо́н* ‘человек, который вызывает общее волнение, переполох, баламут’, *ерыка́ло* ‘задира, драчун’, *óхлопень* ‘хулиган’, *зюзьмо́* ‘пьяница, потерявший человеческий облик’, *валя́вка* ‘человек, не привыкший к порядку, опрятности, неряха’.

Внутри данной ЛСГ выделяется подгруппа — названия ребёнка: *ви́слеть*, *ви́хледь* ‘непослушный, избалованный ребёнок’, *варза́*, *варзу́н*, *висля́дка* ‘ребенок, склонный к проказам, шалостям; озорник’.

5. Наименования людей по их отношению к еде: *жо́рло* ‘человек, который много ест; обжора’.

6. Наименования людей по их интеллектуальным способностям: *óхлупень* ‘глупый, с трудом соображающий человек’.

7. Наименования людей по особенностям их речевого поведения. *балея́* ‘человек, который много говорит’, *барахво́стка* ‘лгуныя’, *скула́* ‘человек, который ноет, плачется, докучает кому-л. жалобами’.

Таким образом, привлеченные к анализу номинативы не только характеризуют человека, но и оценивают его с точки зрения определенной социальной нормы, эталона, существующего в народном сознании. В докладе рассматриваются продуктивные словообразовательные и семантические модели экспрессивов, описывается этимология отдельных слов, дается их ареальная характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

- Оглезнева Е. А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имён существительных русских говоров Приамурья) / Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. — 184 с.
- Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вып. 1–12. Вологда: ВГПИ/ ВГПУ, 1983–2007.

А. Е. Аникин (Новосибирск)

Польский вклад в русскую лексику

Е. А. Хелимский в начале 2000-х гг. высказал мнение, что польский вклад в русскую лексику выявлен далеко не полностью. К этому можно добавить, что данные словаря М. Фасмера, касающиеся полонизмов, могут быть расширены в отношении лексики из памятников письменности и диалектных словарей, а иногда и топонимических данных. Так, топоним *Голитиния* в Северной Германии не следует выводить непосредственно из нижненем. *Holstên*: для русского топонима очевидно посредство польск. *Holsztyn* (+ *-ia*), соответственно рус. *голитинец* < польск. *Holsztyniec*.

Ниже приводятся еще несколько возможных полонизмов, отсутствующих в словаре М. Фасмера.

бисяга ‘попона под выюки’ 1687, *бизяга*: 8 *попонъ бизягъ* 1568 [СлРЯ XI—XVII 1: 186]. Несмотря на разницу в значении, едва ли отделимо от укр. *бѣсáру*, ст.-укр. *бисага* ‘сума’ 1627 [ЕСУМ 1: 176],

ст.-блр. *bisaga* ‘переметная сума’ 1540 [ГСБМ 2: 6]. Источник этих слов ст.-польск. *bisagi* мн. ‘переметная сума’ (польск. *biesaga*, *biesagi* мн.) < ср.-лат. *bisaccium*, *-a* мн. из *bis* ‘дважды’ и *saccus* ‘мешок’. Значение русского слова (отраженного также в словаре Т. Фенне) ‘попона под выюки’ вполне могло возникнуть по метонимии из ‘перекидной выюк’, а исход слова — быть переосмыслен по аналогии со словами на *-яга* типа диал. *висяга* ‘цеп, молотило’ [СРНГ 4: 299], *коняга* и др. Колебание *с/з* возникло на рус. почве. Не исключена контаминация (но едва ли этимологическая связь) *бисага* и рус. диал. *писяга* ‘одеяло на оленьем меху’ [СРНГ 27: 52], самодийского происхождения.

вытрих ‘растение меченосица семейства мотыльковых’ [СРНГ 6: 42, без локализации] < польск. *wytrych* редк. ‘растение *Coronilla Securidaca*’, также *klucz*, *otwieracz*, букв. ‘ключ, отмычка, открывалка’. Подобные названия дают растениям, будто бы «открывающим» клады. Фитоним *wytrych* этимологически тождествен польск. *wytrych* ‘отмычка’, которое происходит из немецкого имени собственного *Dietrich* (перенос на отмычку из-за сходства имени с нем. *Dieb* ‘вор’?). Ср. ст.-польск. *Wietrzych* (XV в.) наряду с *Dzietrych* [Brückner: 110—111]. Подобный перенос наблюдается в случаях с рус. *фóмка* от *Фом(к)а*, нем. *Peterchen*, *Klaus* ‘отмычка’.

Из польского происходит ст.-рус. *вытрухъ* ‘орудие взлома, отмычка (?)’: ... *сестра де Кондрашкина Танка ковала вытрухи, чем замки оттирают въ ызбе* 1697 [СлРЯ XI—XVII 3: 268], хотя *-у-* в предпоследнем слове неясно. Ср. укр. диал. *вітрих* ‘отмычка’ < польск. [ЕСУМ 1: 385].

глéня ‘несколько бревен, связанных вместе’ смол., пск. [СРНГ 6: 195], ‘часть плота в виде связки нескольких бревен’: *у плот магло ухадить десить глений* смол. [СлСмГ 3: 28] < польск. (на лесосплаве) *glenia* (и *gleń*) ‘пара связанных плотов’ недостаточно ясного происхождения. Вариант *гляя-гуска* ‘ряд бревен или брусьев, связанных для сплава’ на Березинской системе между Березиной и Зап. Двиной [СРНГ 6: 196], видимо, из **гленя-гуска*, *-гуска* сравнимо с выражением (*идти*) гусем, *гуськом* ‘вереницей’.

дик ‘кабан, вепрь’ зап., Литва [СРНГ 8: 55]. Судя по географии, из польск. *dzik* ‘то же’ < праслав. (сев.) **dikъ*, *-a* ‘дикий зверь

(реже дикое растение), обычно кабан, вепрь' от адъектива **dikъ* 'дикий'. Менее вероятно, что рус. *дик* рефлекс **dikъ* наряду с польским словом.

жид, *-á* 'клякса': *посадил жид на письмо* смол. [СРНГ 9: 168], *жид* 'клякса на бумаге' [Д₃ 1: 1345] < польск. *żyd* 'то же' (*zrobić żyda*) от *żyd* 'еврей', ср. рус. *жид* и т. п. Польскому антисемитизму XIX и начала XX в. было свойственно именовать «жидов» кляксами, а кляксы «жидами» [Богданов 2012: 112]. Знач. 'клякса' вписывается в ряд других значений слова *жид*: «презрительное название еврея, скупой, скряга, корыстный скупец' [Д₃ 1: 1345]. Далее связано с укр. (<? польск.) *жид* 'клякса', чеш. *žyd* м., *žyda* ж., словц. *žid* м. 'пятно, полоса на стене, не поддающиеся побелке' [Machek: 727]. Лит. *žydas* 'клякса' < польск. или блр. В поисках истоков образа «еврея-кляксы» в польском предложено его сопоставление с немецким выражением *Judenfleck*, букв. 'еврейское пятно', которое исторически связано с *Judenflick*, букв. 'еврейская нашивка' — название отличительного знака, носившегося средневековыми евреями, и вновь ожившего в годы нацизма. В Средневековье был популярен тезис о неустраимости еврейского «родового пятна» [Богданов 2012: 118—121]. Слово *жид* 'клякса' проникло в литературный язык, где, однако, является раритетом. Ср. у Достоевского: ... *ставил на нужной бумаге или жиды, или какое-нибудь совершенно ненужное слово* («Господин Прохарчин»).

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов К. А. Из истории клякс. Филологические наблюдения. М., 2012.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Изд. 3, испр. и доп., под ред. И. А. Бодуэна де Куртэнэ. М., 1903–1911.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СлСмГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–. Смоленск, 1974–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1966–.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.

Н. П. Антропов (Минск, Беларусь)

О корреляции материалов двух атласов: общеславянский ↔ белорусский

В процессе работы над картами «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА) обычной (и естественной) рабочей практикой является обращение к материалам и их картографическим проекциям в уже изданных национальных атласах славянских языков/диалектов. Как правило, речь здесь идёт об уточняющих моментах разного рода, когда материалы последних со значительно более частой сеткой населённых пунктов подтверждают (чаще) либо не подтверждают (значительно реже) фактографические опции ОЛА. Однако иногда возникают и вопросы дискуссионного характера, требующие переоценки или, во всяком случае, необходимой научной рефлексии в этом направлении сделанного ранее в национальных атласах с позиций осмысления материалов ОЛА.

Как раз с такой проблемой пришлось столкнуться автору при комментировании белорусских материалов рабочей карты по вопросу РМ1530 Lpl *konjъ* «Вопросника ОЛА» морфологического выпуска фонетико-грамматической серии «Существительное», который готовит Словацкая национальная комиссия ОЛА. В индексе этой карты представлены 4 группы белорусских номинаций местного / предложного падежа из 71 н. п., которые возможно объединить — по убывающей частоте — морфонологическими реконструкциями в соответствии с принятой в ОЛА системой обобщающей транскрипции: 1) *kon-ъ=-ax-ъ* ('*kon'ax*, *ka'n'ax* и вар.; здесь и далее -ъ= после -n- указывает на его мягкость), 2) *kon-ъ=-ix-ъ* ('*kon'ix*), 3) *kon-ъ=-ěx-ъ* ('*kon'ěx*, '*kon'ex*), 4) *kon-ъ=-ьx-ъ* (*ka'n'ox*).

Не вызывает вопросов наиболее распространённая форма с окончанием -'ax-ъ (> -яx), т. е. Lpl *a*-основ, заместивший исконные

флексии всех типов именного склонения при унификации окончаний мн. ч.

Прозрачна и флексия с исконным *-ьх-*, то есть *kop-ь=-ьх-ъ*, которая, как известно, является наследием LpI типа склонения на *-й*, причём ударение падало здесь, как правило, на флексию, хотя и не вполне регулярно для предшествующих периодов развития восточнославянских языков и их диалектов. Но в белорусских диалектах ударность флексии *-ох / -ёх* регулярна, хотя, безусловно, не без исключений. Трансформация исконной флексии очевидна: *ь → ('e) → 'o*, — что не нуждается в особых комментариях.

Формы *kop-ь=-ix-ъ* (фиксации в 11 н. п.) и *kop-ь=-ёх-ъ* (5 н. п.) являются исконными для типа склонения на *-jo*. Однако в современных источниках ни по исторической грамматике, ни по диалектологии белорусского языка они фактически не упоминаются либо упоминаются вскользь: *-ъхъ*, например, как флексия в номинативах в языке фольклора. К месту отметить, что в старобелорусских памятниках, по наблюдениям Е. Ф. Карского, примеров с *-ix-* и *-ёх-* зафиксировано достаточно много.

Полагаю, что упомянутая ситуация связана с тем, что флексии на *-ix* и *-ex* в LpI не были отражены на карте № 106 «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» (ДАБМ; Мінск, 1963), на которой картографированы только лексемы (именно *людзі, грудзі, сані, гасці, лапці, сені*, т. е. парные либо plt) с ударными и безударными *-ях*, а также ударным *-ёх*. Отдельным знаком на карте показаны флексии лексем (но не указывается, каких именно), в которых не обозначено ударение; но это единичные случаи. А между тем в полевых материалах карты № 106 (том «Каментарый» ДАБМ. Мінск, 1963) такие фиксации отмечены в 8 пунктах. Конечно, на более чем тысячу пунктов сетки атласа это ничтожное количество, и, вероятно, именно поэтому их объединили с рефлексами *-ях*, имея в виду, по умолчанию, конечно, заударную редукцию *-'а-* в финали. Естественно, эти редкие фиксации не отражены на карте, хотя во многих других случаях такое малое количество фиксаций (собственно, диалектных уникализмов, особенно интересных и показательных с исторической точки зрения) авторов атласа не смущало.

Дело, однако, в том, что заударная редукция *-a* в белорусских говорах выражена довольно слабо, и в особенности это относится к случаям с предшествующей мягкостью гласной фонемы. Последовательная трансформация заударного *-'a* в супплетивный аллофон $[i^e]$ / $[e^i]$ теоретически, безусловно, возможна, но их очевидное даже на не самый искущённый слух различие в речи информантов не позволяет считать это явление регулярным. Именно поэтому в материалах ДАБМ даже в одном пункте в разных лексемах встречаются и *-'a*, и *-i* либо *-e*.

Таким образом, есть основания считать, что реконструкции *kop-ь=-ix-ъ* и *kop-ь=-ёх-ъ* для ОЛА отражают реальную ситуацию конца 50-х — начала 60-х годов прошлого столетия, то есть отражение в белорусских говорах исконных, но впоследствии утраченных (пра)восточнославянских форм Lpl. Особенно это относится к лексемам, объединяемых реконструкцией *kop-ь=-ix-ъ*, предварительное картографирование которых совершенно отчётливо указывает на особый северо-северо-восточный (микро)ареал распространения флексии *-ix-*, причём на этот же ареал указывают фиксации ряда лексем с той же финалью, не картографированные специально в ДАБМ.

Н. Г. Архипова (Благовещенск)

Песенники свадебного девичника как источник изучения языка и фольклора старообрядцев Южной Америки

Свадебный девичник (девишник) является необходимой формой предсвадебной обрядности старообрядцев Южной Америки, когда подругами невесты готовится приданое, шьется свадебная одежда и исполняются песни «на заказ» для жениха и его нежных друзей.

Песни представлены в рукописных или печатных сборниках (песенниках), достаточно разнообразных в жанрово-тематическом отношении и специфических в языковом плане. Было проанализи-

ровано 4 песенника, предоставленные русскими старообрядцами, переселившимися в 2016–2021 гг. в Амурскую область из Уругвая и Бразилии, а также 5 песенников, скопированных и отправленных автору старообрядцами, в настоящее время проживающими в Уругвае, Бразилии, Боливии, Чили. Общий объем проанализированного материала — 857 страниц.

Старообрядцы сохранили в своем репертуаре свадебные песни, бытовавшие в Российской империи еще в первой половине — середине XIX в.: «Иван Грозён», «Во саду было, во садичке», «Не было ветра», «Как по реченьке плыла лодочка», «На воротах два соколика сидят», «Кто у нас богатый» и др. Некоторые из этих песен отмечены в сборниках народных песен П. В. Киреевского (1860–1874 гг.) [Собрание народных песен 1986: 403, 410].

Широко представлены в песенниках лирические песни: «По Дону гуляет», «Калина», «Прощайте, локоны витые», «Маша» и др. Многие из этих песен популярны и в современной России, однако в песенниках старообрядцев содержатся уникальные варианты этих произведений: изменены сюжетные линии и структура текста, идейная нагрузка персонажей, финал.

Широко представлен жанр народного городского романса (баллады): «Моряки вы, моряки», «Когда мне было лет пятнадцать», «Какой мальчишка был забавный» и др.

Авторская песня представлена многочисленными произведениями, главным образом конца XIX — середины XX вв.: «Звезды на небе» (муз. Б. Борисова, сл. Е. Дитерихс), «Зачем сидишь до полночи» (муз. А. Варламова, сл. С. Стромилова), «Отойди, не гляди» (муз. А. Варламова, сл. А. Бешенцова) и др.

Не было обнаружено полного совпадения текстов из песенников девичника с текстами, представленными в изданных в России сборниках. В подавляющем большинстве случаев в песенниках старообрядцев происходит либо расширение текста за счет увеличения количества стрóf (например, в песне «Кто у нас богатый»), либо его сокращение (например, в песне «Когда было мне лет пятнадцать»); отмечаются варианты, не зафиксированные в отечественных собраниях народных песен («При долине куст калины»).

Частотны лексические, морфонологические и иные варианты: *своячница — своячина, прижимчитому — прижимчивому, приго-*

варивал — сприговаривал, скатёркой — скатёрткой, вербовой — гербовой, полюбить — сполюбить, подумаю — соподумаю, захотела — схотела, закричала — скричала и др.

Отмечено нарушение грамматической сочетаемости: *Ты лети как ясный солнце; Ты бойца на дальней пограничной, От Катюши, передай привет.*

Особенности графики, орфографии и пунктуации:

1. Все слова в названии песни пишутся с заглавной буквы: *Когда Было Мне Лет Пятнадцать; Вот Вечер Вечерет; Невинная Жертва* и др.
2. Буква Ё употребляется непоследовательно: *слег, её, ещё, чёрными, помёрала — помёрла — померла.*
3. Часто вместо буквы И употребляется Й: *Чюдный месяц пльвёт над рекой / Всё в объях ночной тйшыны / Нйчего мне на свете не надо / Только вйдеть тебя мйлый мой.*
4. Не ставятся знаки препинания перед обращением: *Позволь, позволь ты нам мамаша; Ты не гни калину ветер* и др.
5. Нарушаются правила оформления прямой речи и границ предложения: *Позвал он мать и ей велел. «Позволь, позволь ты нам мамаша, <...> прожить.*
6. Нарушаются правила постановки знаков препинания в простом и сложном предложении: *И если раз её увижу — То я ещё смогу прожить; А он же изменщик, коварный, такой, Усыпал, младенца словами.*
7. Наряду с морфонологическим отмечен фонетический тип письма и диалектные особенности говоров старообрядцев, подробно исследованные в [Ровнова 2012; 2014]: произношение звука, близкого к [а], в безударной позиции на месте /о/: *марския, табаю*, а также в заударной позиции: *Сам на утра бабай стал*; произношение звука, близкого к [а], в суффиксе -ев глаголов и прилагательных: *бушавала, сйренявый*; произношение звука [и] на месте фонем /э/ или /о/ в безударной позиции: *Возлй школы на полянкй / Сталй танкй на прйвал / Йй вйсёлый звук гармошкй / Всю деревню во круг собрал; Трйнал дйвйчй кудрй / Байкальской вйтйрок*; прогрессивная ассимиляция по мягкости: *на пйреднем стенькя разйн; ей ты фйлькя черт пляшы; не бойся казачькя*

ктебе не прийду; протетический [j] в указательных местоимениях: *этот ропот, эти руки, пае́тим кудря́м*; суффикс -чик на месте литературного -щик: *йзменчы́къ каварны́й; барабанчык* (барабанщик) и мн. др.

Таким образом, песенники старообрядцев Южной Америки предоставляют богатый материал для исследования как жанрово-тематических особенностей песен свадебного обряда, так и диалектных особенностей говоров старообрядцев, отраженных в устойчивом, автоматически воспроизводимом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Ровнова О. Г.* Рукопись на диалекте как источник сведений о говоре старообрядцев-синьцзянцев (Южная Америка) // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. — С. 140–142.
- Ровнова О. Г.* Говор старообрядцев Южной Америки по письменным материалам // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. № 3. — С. 374–400.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского / Предисл., послесл., состав. В. И. Калугина. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1986.

Т. Е. Баженова (Самара)

Характеристика говоров Среднего Поволжья по лингвогеографическим данным

Среди основных характеристик, определяющих специфику говоров Среднего Поволжья, называется вторичность лексических диалектных особенностей по отношению к говорам раннего (исконного) русского заселения.

Достаточно полная картина фонетических и морфологических особенностей уже представлена на картах регионального атласа [Зиброва, Барабина 2009] и атласа поволжских говоров [Баранникова 2000]. Задача системного описания региональных

лексико-семантических особенностей затрудняется сложностью самого объекта изучения — переселенческих говоров Поволжья, характеризующихся подвижностью диалектных систем. С учетом диагностирующих фонетических и морфологических признаков основных диалектных типов установлено, что вторичные говоры с северными (окающими) основами располагаются преимущественно в приволжских и соседних областях, а в более отдаленных от Волги право- и левобережных районах — говоры среднерусского, а иногда и южнорусского типа.

В более ранних по времени образования говорах приволжской полосы выделяются многие признаки диалектных основ материнских говоров, среди которых есть архаичные (рефлексы старого «ять», былого цоканья и др.). Эти говоры отличаются гомогенностью, о чем свидетельствуют их широкие связи с владимирско-поволжской основой, и устойчивым набором типологических признаков, которые можно наблюдать в системном проявлении на уровне предударного вокализма.

Говоры других территорий Среднего Поволжья, удаленных от Волги, особенно заволжских районов, образовались позднее. Они отличаются от приволжских говоров разнообразием диалектных основ. В их образовании большое значение имел фактор междиалектного контактирования, поэтому материнские окающие и акающие говоры подвергались здесь значительному нивелированию. Со временем изначальная пестрота переселенческих говоров сменилась здесь относительно однородными объединениями среднерусских и южнорусских говоров, причем картина их ареального варьирования в левобережье более мозаична, чем в правобережье. В Заволжье можно наблюдать уникальные с точки зрения диалектного членения русского языка типы вторичных говоров (среднерусские говоры с южнорусской основой, говоры с полидиалектными основами).

В условиях сложного лингвистического ландшафта Среднего Поволжья, где диалектное слово в каждой частной диалектной системе живет индивидуальной жизнью, задача лингвогеографической репрезентации диалектной лексики является одной из наиболее сложных. В готовящемся к изданию «Лексическом атласе самарских говоров» собрано 84 карты, на которых представлено

более 410 лексем и лексико-семантических вариантов (без учета единичных фиксаций лексем, отмеченных универсальным обозначением и приведенных в комментариях к картам). Это можно рассматривать как свидетельство наличия системных связей на уровне лексики в говорах Среднего Поволжья и сохранения многообразия лексических различий во вторичных говорах переселенческого типа.

Особую ценность имеют фиксации диалектных лексем с устойчивой локализацией, которые можно использовать в качестве самостоятельного критерия при определении диалектного статуса и внутридиалектного членения говоров Среднего Поволжья.

В северных приволжских районах встречаются диалектные наименования ягод с суффиксом -иг(а): *земляни́га*, *клубни́га*, *ежеви́га*. В раннепереселенческих говорах Самарской Луки и прилегающего Правобережья Волги, а также в окающих говорах на северо-западе Самарской области зафиксированы лексемы *кули́га* 'поляна, участок в лесу', *ко́лок* 'небольшой лесок', *волжа́нка* 'гриб волнушка', *де́бря* 'чаща, дремучий лес' и др., имеющие, согласно лексикографическим источникам и картам ДАРЯ и ЛАРНГ, ареалы и отдельные фиксации во владимирско-поволжских окающих говорах и примыкающих к ним севернорусских вологодских, архангельских, ярославских, костромских, вятских говорах.

Преимущественно на юге области в заволжских районах отмечены лексемы, зафиксированные в словарях и лексических атласах с указанием на тульские, воронежские, рязанские, орловские, курские, тамбовские южнорусские говоры: *вони́ючка* 'душистая трава (о.н.)', *гай* 'небольшой лиственный лес', *куро́вник* 'разные виды полыни', 'заросли кустарника' и др.

В пределах отдельных тематических групп диалектной лексики самарских говоров также устанавливаются междиалектные связи с говорами ближайших территорий, откуда в Среднее Поволжье пришли наиболее ранние и массивные переселенческие потоки, прежде всего с владими́ро-поволжскими говорами.

На основании имеющихся лингвогеографических данных сформировалось общее научное представление о словарном составе поволжских говоров, отмечены основные особенности диалектной лексики: 1) преобладание междиалектной лексики, характеризую-

щейся широкой употребительностью; 2) сосуществование в частных диалектных системах лексических единиц, имеющих различную диалектную приуроченность; 3) отражение в лексике широких связей с говорами соседних регионов и результатов межъязыковых контактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. — Саратов, 2000. — 104 с., карт.
- Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. — Самара: Самарский университет, 2009. — 116 с., карт.

Е. Э. Базаров (Москва)

Замкнуть зал / замкнуться в зале: на границе регионального и просторечного

Лексические и стилистические нормы современного русского литературного языка, как известно, отражаются в нормативных (прежде всего толковых) словарях. Однако иногда словари могут либо не содержать в своем словнике определенной лексемы, либо давать малоактуальные или даже откровенно устаревшие рекомендации, не соответствующие современному употреблению, либо представлять читателю небесспорную информацию о функциональных возможностях языковой единицы (значение сопровождается дискуссионной стилистической пометой). С другой стороны, наличие в лексикографическом пособии сведений о норме употребления слова не может уберечь от ситуации, когда некоторые носители языка, не опираясь на данные словарей или вовсе игнорируя их и руководствуясь субъективным, эмоционально-оценочным отношением к определенному слову, формируют и экстраполируют свои собственные представления о норме его употребления.

Так случилось, например, со словом *кушать*, которое сегодня подвергается чрезвычайному остракизму: одни считают, что это слово разрешено использовать только детям, другие относят его

к числу просторечных, грубых, «деревенских», третьи утверждают, что это слово встречается лишь в речи неграмотных людей, и, соответственно, запрещают использовать его другим. (Автору тезисов даже доводилось «обелять» слово *кушать* на страницах журнала, читательница которого задала вопрос: «Слышала, что **нельзя** говорить «кушать» в значении «есть», так ли это?»¹) С подобными, кстати сказать, довольно устойчивыми заблуждениями мы сталкиваемся, когда слышим утверждения типа: «В русском языке нет слова *нету*, *ложить*, *чё* (или *шо*), *ехай*, *пекёт* и т. д.).

К числу таких одиозных слов, вызывающих неоднозначную реакцию, можно отнести и слово *зал* в значении «большая комната в доме, квартире». В наиболее известных толковых словарях (МАС, БАС, БТС под ред. С. А. Кузнецова, ТСРЯ Н. Ю. Шведовой, «Активный словарь» под ред. Ю. Д. Апресяна) этого значения мы не найдем, однако в речи многих носителей русского языка, проживающих в разных регионах России, слово вполне употребительно. Дискуссии относительно слова *зал* вспыхивают с завидным постоянством: жители в основном Москвы и Санкт-Петербурга считают это слово маркером провинциальности. В социальной сети Facebook, под постом, в котором автор использовал слово *зал*, находим комментарий (орфография и пунктуация сохранены): *Можно маленький совет дам? Не используйте слово «зал» в Москве — «коренные в пятом поколении» очень любят хихикать, когда слышат его — типа, сразу понимают, что приезжие*. И рассуждения подобного рода отнюдь не редкость.

В некоторых случаях нормативные словари снабжают слова такими стилистическими пометами, которые могут удивить носителей диалектов/региолектов. Яркий пример — глаголы *замкнуть* («запереть, закрыть на замок, на ключ» и «запереть кого-л. в комнате, в каком-л. помещении») и *замкнуться* («запереться на замок, на ключ в каком-л. помещении»). В МАСе данные значения сопровождаются пометой «прост.», в БТС — «нар-разг.», в БАС-1 обнаруживаем, что *замыкаться* дано с пометой «простореч.», а *замкнуть* — без помет, зато уже в БАС-3 и то и другое слово в рассматриваемых

¹ См.: журнал «Читаем вместе. Навигатор в мире книг», № 3 (176), март, 2021, с. 43.

значениях — «устар. и прост.». Интересно, что в ТСРЯ Н. Ю. Шведовой, можно сказать, ситуация прямо противоположна БАС-1: *замкнуть* — «устар. и прост.», *замкнуться* — без помет. В «Активном словаре» *замкнуть* в значении ‘запереть’ дается с пометой «уходящ.». При этом в региональном узусе Забайкалья употребление данных глаголов в рассматриваемом значении вполне живо и актуально сегодня. В работе «Русская разговорная речь Бурятии» находим следующие примеры:

Учителей начинают старых замыкать на сничку / (палочку в пробое замка?)²;

Я вот работала, я даже спортзал мыла, приходила вечером замыкалась и мыла...³.

Квалифицировать ли такие употребления как просторечные или региональные, включать ли их в словник общезыкового словаря (например, в еще не изданном 3-м томе «Академического толкового словаря русского языка», работа над которым ведется в ИРЯ РАН, упомянутое значение слова *зал* планируется отразить) и если да, то в каком виде, как оцениваются рассматриваемые значения современными носителями языка — эти и другие вопросы предполагается обсудить в рамках доклада.

С. М. Белякова (Тюмень)

Инвективная лексика как эстетическое поле (на материале тюменских говоров)

Сфера инвективной лексики, функционирующей в русских диалектах (в данном случае — тюменских говорах), может быть признана особым эстетическим полем сценарной структуры. Сценарность обусловлена употреблением инвективной лексики в определен-

² Русская разговорная речь Бурятии: лингворегионоведческий аспект : монография / А. П. Майоров, И. Ж. Степанова, Е. В. Зырянова. Улан-Удэ, 2018. — С. 103.

³ Там же, с. 77.

ной коммуникативно-деятельностной ситуации, представляющей собой «комплекс интенций, акций, состояний, оценок и соответствующих подсистем номинаций» [Химик 2000: 159]. Сценарная структура предполагает «разворачивание» поля в соответствии с его составляющими (субъекты, объекты, акции, состояния и т. д.) и его полную или частичную реализацию в определенных коммуникативных условиях. В эстетическом поле инвективов представлены субъект, объекты (один или совокупность), действие (единичный акт или постоянная интенция).

Лингвисты справедливо говорят о существовании инвективной функции языка, являющейся разновидностью его экспрессивной функции. См., например, работы О. Н. Быковой (1999), Н. Д. Голева (1999), А. В. Курьянович (2005) и др. Н. Д. Голев напрямую связывает наличие данной функции с возможностями творческого использования слова, а значит, на наш взгляд, и с эстетической функцией.

Рассматриваемое поле имеет свои структурные и функциональные особенности, набор инвектив, отражает стратегии их использования. Выбор бранного слова, как и любого другого, характеризует личность говорящего, его жизненные установки. Для общего обозначения «инвективного фонда» диалектоносителями используются экспрессивные лексемы *охул*, *соромщина* и словосочетания *плохие / поганые / скверные / худые слова*. Эти средства выражают общую отрицательную оценку речевого и общественного явления (несмотря на широкое употребление матерных слов в диалектной речи). Возможно, это объясняется тем, что здесь, как и в сфере «Алкоголь», отражена женская точка зрения на социальное явление.

В поле выделяются следующие семантические центры:

- сквернословить, употреблять инвективы: *изрыгать соромщину, нести соромщину, нести матерщину*;
- выругаться (единичный акт употребления ругани): *на бога взять, всех богов собрать, обозвать поганым словом*;
- наименование сквернослова: *охульник, матерщинник, матерливый, матюгастый*;
- инвективы по отношению к одному лицу: *блыкень, варнак, глаза собачьи, дивуля, дурачок, кикимора, лесной, лешак*,

лешачья пасть, лешачи́ная морда, лихорадка, пади́на, пропасти́на, уличная собака, урод, халда, холера, змея подкоподная, чучело огородное, шкуродёр;

- инвективы по отношению к группе людей: *при́плеть; сплѣх да вывих; шор, да мор, да мышшьи го́вна; черти; шу́шера.*

Как видим, это яркое поле отрицательной эстетики, образованное сферой-реципиентом. Основная прагматика таких слов и выражений — нанесение оскорбления, «словесная агрессия», объективация чувства раздражения. В поле представлены различные средства экспрессивного характера, хотя они довольно однотипны. В качестве сфер-доноров выступают животный мир, народная мифология, высокая сакральная сфера (Бог), болезни и др. Каждый из названных семантических центров обладает своей спецификой.

Так, в состав предикатов входят не только экспрессивные глаголы речи (*обозвать, нести*), но и глаголы физиологического состояния (*изрыгать*) и помещения объекта (*взять, собрать*), также развивающие семантику речевого акта. Примечательным фактом выступает употребление в данном контексте лексемы *бог* (*на бога взять, всех богов собрать*), что можно расценить как тактику «осквернения святого».

Наиболее распространенными являются инвективы, адресованные одному лицу (непосредственно или опосредованно, вне прямой коммуникативной ситуации). Их семантика и мотивация разнообразны, однако исходные лексемы, как правило, уже несут пейоративную оценку, которая может усиливаться за счет экспрессивных суффиксов (*змеи́ща, пропасти́на*), локативных определений (*подкоподная змея, уличная собака*). «Коллективные» инвективы более однотипны, для этих целей используются собирательные существительные со значением ‘отбросы, мусор, нечистоты’.

Семантика наказания, выявляемая в инвективах, преимущественно связана с вербальным «перемещением» человека во враждебное пространство, куда его отправляет говорящий или переносит слабо персонифицированная непреодолимая сила. Этот мотив является здесь одним из основных. Важным признаком поля является ирреальный модус, реализующийся в различных коммуникативных ситуациях.

Значимым для диалектоносителей является «преемственность», семейная склонность привычки к сквернословию, безусловно порицаемая: *В кого он екой охульник, слова не скажат без матерка. // Отец матершынник, и робята в его — матюгастые.*

При рассмотрении данного поля следует учитывать восприятие этих языковых средств как с точки зрения говорящего, так и с точки зрения адресата, в чем также проявляется его сценарный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Быкова О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). — Красноярск, 1999. — С. 91–103.
- Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — С. 11–59.
- Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). Вып. 3 (470). — Томск, 2005. — С. 106–111.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. — СПб., 2000.

Е. Л. Березович (Екатеринбург)

Лексика камня как «новый» объект диалектологических исследований¹

Лексика камня — условный термин, поскольку он характеризует лексическое объединение, группировку которого осуществляет наивное, а не научное сознание. Это совокупность обозначений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

всего того, что наивное сознание категоризирует как «камень»: цветных камней, минералов, минералоидов, горных пород. Разумеется, в это множество может быть включена и официальная (научная) номенклатура минералогии и геологии (которая, как правило, закреплена в международной практике и в кодифицирующих документах), особенно в тех случаях, когда в нестандартном дискурсе используется то же обозначение, что и в стандартизованном. Однако в первую очередь такой термин удобен и приемлем для называния всего того, что относится к нестандарту — к диалектам, просторечию, профессиональному жаргону.

Лексика камня почти не изучалась диалектологами-русистами, поскольку она кажется не связанной с крестьянской традицией: добыча и обработка камня в большинстве случаев не вписывается в круг традиционных занятий носителей русских диалектов, появилась относительно поздно и при определенном уровне развития промышленности; строительный камень в русской деревне использовался довольно редко, а драгоценные и полудрагоценные камни были, как правило, недоступны.

Однако детальное рассмотрение этого вопроса показывает, что представления о целом ряде «каменных», их добыче и использовании получали номинативное воплощение в лексике русских народных говоров. Важно выявить **тематические сферы**, где такие слова встречаются наиболее системно. Так, самой разработанной сферой является лексика биоорганических ювелирно-поделочных материалов (главным образом, гидрогенных и флорогенных), т. е. названия речной, морской и прочей «органики» (более легкой для обнаружения и добычи, чем неорганика): жемчуга, янтаря, коралла, белемнита, аммонита, фульгурита, окаменелого дерева. Эти материалы использовались не только как украшения (особенно жемчуг), но и как обрядовые предметы (в ряде магических практик — медицинских, промысловых, метеорологических и др.); более того, добыча жемчуга и его обработка были настолько значимыми и успешными промыслами, что имели развитую и детализированную лексическую «составляющую» (вгл. *балабонщик* ‘крупный белый бисер, возможно, раньше и речной жемчуг, которым расшивали косник’, сев.-зап. *садить жемчугом* ‘вышивать жемчугом’, сев.-зап. *плашка*

‘темный мелкий жемчуг, добываемый в реках’ и проч.). Об укоренности этого лексического пласта в народном сознании говорит и наличие обратимых метафорических моделей; ср., к примеру, модель «название ягоды» ⇔ «обозначение жемчужины».

Кроме изучения отдельных тематических сфер «каменной» лексики, представленных в различных группах говоров, необходимо исследовать те **диалектные зоны**, где такие лексические единицы наиболее продуктивны. Их можно спрогнозировать с опорой на географию старых центров добычи и обработки камня: Самоцветный пояс Урала, Горная Колывань, район Шерловой Горы в Забайкалье и проч.; ср. примеры среднеуральской лексики: *дымарь*, *дымчак* ‘дымчатый кварц’, *укропник* ‘кварц с кристаллами эпидота’, *гороховый камень*, *икряник* ‘разновидность арагонита’, *пушик* ‘разновидность слюды’ и проч. Помимо названий собственно «каменных» и их разновидностей, в круг изучаемой лексики должны входить обозначения лиц, орудий, процедур, связанных с добычей и кустарной обработкой камня, форм рельефа, видов и природных условий залегания камней, особенностей их формирования и взаимодействия друг с другом etc. К сожалению, даже в названных зонах «каменная» лексика собиралась скупо, поскольку диалектологи обычно не включали ее в поле объектов направленного сбора, поэтому необходимо в ближайшее время интенсифицировать эту работу, составив необходимые опросники, а также самым пристальным образом изучить письменные источники — отчеты о камнедобыче, записки путешественников, этнографические описания etc.

Первостепенная задача — **подготовка словаря** нестандартной лексики камня, который должен включить в себя не только диалектную, но и социолектную составляющую. В связи с этим встает и важная теоретическая задача: изучение **особенностей взаимодействия профессиональных и территориальных лексических пластов** в современных условиях, а также возможностей их **дифференциации**. Последний вопрос трудно решаем: так, довольно сложно понять, «по какому ведомству» — диалектному или социолектному — следует «прописать» слова типа *занорыш* ‘пустота, в которой обнаруживаются драгоценные или самоцветные камни’,

дыроватик ‘горный хрусталь с пустотами’, *конский хвост* ‘включения в кристалл демантоида’ и проч. Такие критерии, как сфера бытования лексики и ее происхождение, в современных условиях весьма размыты. К примеру, записав на Среднем Урале термин *кобыльи рёбра* ‘ихтиоглипты кварца в письменном граните, обнажающиеся при изломе и напоминающие ребра’, мы предположили, что вследствие специфичности реалии это слово следует отнести к профессиональной лексике горщиков. Однако впоследствии выяснилось, что оно известно местному населению за пределами профессионального сообщества и вписывается в круг локальных моделей образной номинации (ср. название скалы *Кобыльи Рёбра* на Чусовой), что, казалось бы, должно способствовать квалификации термина как диалектного. При том, что указанный вопрос в настоящее время является в известной мере схоластичным, его разработка будет способствовать развитию теории как диалектологии, так и социолингвистики.

М. В. Боброва (Санкт-Петербург)

К проблеме составления диалектных фразеологических компендиумов (на примере материалов Пермского края)

1. К настоящему времени силами диалектологов Пермского края накоплен обширный лексический и фразеологический материал, который нуждается в обобщении. Источником сведений служат уже опубликованные и пока не обнародованные данные, в том числе: 1) аспектный «Фразеологический словарь пермских говоров» Н. К. Прокошевой (Пермь, 2002), полный «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», ряд дифференциальных диалектных словарей; 2) картотеки словарей; 3) записи живой народной речи русских, проживающих на территории бывшей Пермской области; 4) записи живой народной речи русских и русской речи коми-пермяков, проживающих в Коми-Пермяцком округе Пермского края; 5) данные, полученные в соответствии

с Программой собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров.

2. Параллельно с продолжающейся работой по фиксации уникальных региональных языковых данных целесообразно создание компендиума, который позволил бы объединить сведения по разным частям края и приблизил бы пермских лингвистов к решению ряда актуальных вопросов (среди них — разработка полной классификации пермских говоров). Такой обобщающий труд может иметь форму электронного пополняемого справочника, который позволит корректировать принципы составления и неизбежные для такого масштабного проекта недочеты и ошибки, а в более отдаленном будущем — дополнить корпус различными сведениями (историческими, сопоставительными и т. п.).

3. При обобщении разрозненных материалов, в том числе фразеологических, составители подобных словарей-компендиумов неотвратимо столкнутся с рядом трудностей. Основные проблемы определяются следующими факторами:

- 1) разнящиеся способы и принципы сбора данных. Естественна, в частности, неполнота или неточность материалов при сборе их недостаточно подготовленными студентами и школьниками;
- 2) разнящиеся принципы отбора материалов. Если при работе с первичными записями составители компендиума смогут вести непосредственный отбор данных, то при анализе опубликованных материалов они обнаружат примеры несходной квалификации аналогичных диалектных фактов (ср., в частности, случаи подачи предложно-падежных конструкций типа *без вѣдомства*, *(в)суверѣзку*, *(с)дичá*, под. — в качестве наречных или же фразеологических, в слитном или раздельном написании);
- 3) неточности и ошибки, допущенные при интерпретации диалектных материалов. Например, обнаруживаются факты небесспорного определения статуса компаративных конструкций в качестве свободных либо устойчивых (ср.: *Что ты, как немтырь, говоришь?! Скажи толково*, где *немтырь* — ‘заика’), несоответствия выделенного фразео-

логического оборота заголовочному слову (ср.: *тураева мельница* под заголовком *турай*), видового несоответствия глаголов во фразеологизме и в толковании (ср.: *по замужью пойти* ‘жить замужем’), смешения частиц *не* и *ни* (ср.: *не костей не мощей* ‘нет, не было никаких известий о ком-либо’), неточностей при формулировании дефиниций (ср.: *на большую букву послать* ‘грубо материть кого-либо’), расхождения в толковании тождественных фразеологизмов составителями разных словарей или словарей, создававшихся одними составителями в разное время (ср.: *страшнóй ба́куль* ‘говорун’ и ‘об озорном, веселом человеке’) и др.

4. Очевидно, что при составлении сводного фразеологического словаря невозможным окажется механическое копирование имеющихся интерпретаций, представленных в словарях, научных статьях, монографиях, диссертациях. От коллектива составителей потребуются выработка четких и единообразных принципов сбора, отбора и репрезентации диалектных данных.

Н. В. Большакова (Псков)

Труд как маркер детской идентичности (на материале диалектной речи и традиционного фольклора)¹

Работа посвящена проблемам детской идентичности в традиционной народной культуре. В центре внимания данной публикации находится вопрос отношения к труду как самих детей, так и окружающего социума.

В традиционной народной культуре под детством понимался гораздо более короткий (по сравнению с современной периодизацией детства) промежуток времени, разделенный на периоды в соответствии с видами работ, которые ребенок мог выполнять

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003

по хозяйству: *В дѣцтве ф поле хаділа; Рányша з дѣцтва как привáжывали: харóмы патпахáть, пол мыть* [ПОС 9: 61]. С другой стороны, лень, леность младших членов социума порицается обществом: *Такіх лянотнікаў нігдзе ні відана, каб бацька работаў у полі, а сын з дзеўкамі хварсіў* [РСВ 1: 306]. Данные русских народных говоров показывают, что поведение лентяя не только осуждается, но и квалифицируется как «невзрослое» [Еремина 2003: 139], что усиливает негативную социальную оценку.

Содержание текстов различных жанров детского фольклора, записанного на Псковщине и на пограничных территориях, позволяет считать трудовую деятельность общественно значимым признаком взрослости, который формировался словесно уже с младенчества, а функционально — с раннего детства. Так, один из мотивов колыбельной песни отражает модель занятости взрослых в семье: *Зыбаю, позыбаю, / Отца пошлём за рыбою, / Мать пойдёт коров доить, / Бабушка — телят кормить, / Дедушка — назём возить* [РФ 2008: 254]; *Баю-баюшки, баю, / Отец ушёл за рыбою, / А мать платье полоскать, / А я дитятку качать* [НТКПО II: 80]. Адресованная непосредственно младенцу, колыбельная косвенным образом распространяла жизненный уклад и социальную норму и на других членов большой крестьянской семьи, в том числе и на старших детей.

На основании исторических источников установлено, что уже после 5–6 лет начинается приучение детей к семейному труду, а с 12–15 лет — к ремесленному производству [Филиппова, Василенко 2014: 277].

Редкие по сохранности записи псковского детского пастушеского фольклора как одного из наиболее архаичных жанров свидетельствуют о складывавшихся формах детского общения между собой, с домашними животными, с природными стихиями [Редькова 2008]. Относительную безопасность в поле обеспечивали маленьким пастухам переключки — «у́канья»: *Ты отошла куда-то, я ж не знаю, куда ты отошла, и мне надо у́кнуть. И ты мне гул даёшь. Ну вот и всё: сўкнулись; И дли себя вўкаешь, и песни поёшь, и поплачешь. И всяким разным голосám делали. И погромчэ, и потише, бывало, кричешь* [Там же: 12–13].

Труд как основа социального поведения выполнял защитную функцию для подростка в периоды кризиса детской идентичности. На современной территории Латгалии в бывшей Витебской губернии от 11-летней девочки записана редкая по содержанию частушка, отражающая возрастную трансформацию у мальчиков от детства к юношеству, что в традиционной культуре связывается с требованием перехода от одного вида деятельности к другому: *Хорошо в поле гоняться, / Надо поле забывать. / Стали все люди смеяться, / Что не знаю работать* [Фридрих 1926]. Текст, емкий по содержанию, отражает, кроме отмеченного смысла, такую действительную форму реакции общества на асоциальное поведение, как насмешка, дразнение.

Таким образом, традиционная культура за весь период ее существования и непосредственного транслирования от поколения к поколению выработала механизмы идентификации, которые обеспечивали взаимную связь взрослых и детей, детей между собой, их защищенность в переходные периоды, а также жизнеспособность самой социальной группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах : этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
- НТКПО — Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. / под ред. А. М. Мехнецова. СПб.; Псков: ОЦНТ, 2002.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л. / СПб. : ЛГУ / СПбГУ, 1967–2020.
- РСВ — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / пад рэд. Л. І. Злобін (ч. 1), А. С. Дзядовой (ч. 2). Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012–2014.
- Редькова Е. С. «Гойки-погойки, погоним домойки...» Детские полевые голошения, уканыя, заклички, наигрыши: Часть 1. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2008.
- РФ — [Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963–1991)] Krievu folklore Daugavpils Universitātes student

pierakstos (1963–1991) / F. Fjodorovs, red. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2008.

Филиппова Г. Г., Василенко Е. В. Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси // Проблемы педагогики и психологии. 2014. № 3. С. 277–286.

Фридрих — Русская фольклорная коллекция Ивана Фридриха. 1926 г. / URL : <http://garamantas.lv/ru/collection/886586/Russian-folklore-collection-of-Ivan-Fridrih?Record-page=4>

Л. З. Бояринова (Смоленск)

Отражение мотивационных отношений при идеографическом описании диалектной лексики

Идеографическое описание лексики предполагает её объединение в лексико-семантические группы. Исследование этих групп основывается на выявлении существующих в них системных связей между словами, характеризующихся различными проявлениями, к числу которых относятся мотивационные отношения. Нами принят анализ характера мотивационных отношений, выявленных в ходе идеографического описания диалектной лексики, в синхроническом аспекте. Исследование проводится на материале имён существительных и имён прилагательных. Лексическая база определена Словарём смоленских говоров (вып. 1–11).

Подавляющее большинство рассмотренных лексических единиц отражают непосредственную связь между предметом реального мира и его номинацией. Этим обусловлены прозрачность внутренней формы слова и возможность выявления лексем, находящихся между собой в мотивационных отношениях.

При наличии прозрачной внутренней формы отношения между мотивированным и мотивирующим чаще всего коррелируют с отношениями словообразовательной мотивации: *бырина*, *бырка* ← *бырить* ‘быстро течь’; *синёвка* ← *синить* ‘красить в любой цвет’; *рудый*, *рудяный* ← *руда* ‘кровь’; *перезимовалый* ← *перезимовать*.

Пары слов, объединённых мотивационными отношениями, представляют собой фрагменты одной из комплексных единиц словообразовательного гнезда — словообразовательной цепочки: *летошник* ← *летошний* ← *лето*; *незамузданный* ← *замуздать* ← *муздать*.

Многие лексико-семантические группы характеризуются наличием большого количества лексических параллелей, являющихся фрагментами другой комплексной единицы словообразовательного гнезда — словообразовательной парадигмы: *заверт*, *заверта*, *завёртка* ← *вертеть* ‘свёртывая, скручивая, делать что-л., изготовлять’; *смольчавый*, *смолявчистый*, *смоляный* ← *смола*.

Объём парадигм определяется чаще всего устной формой бытования диалекта и наличием эмоционально-оценочной коннотации, то есть факторами, способствующими возникновению большого количества лексических параллелей: *брюквашиник*, *брюквенник*, *брюквешник*, *брюквошник*, *брюковник* ← *брюква*; *вяз*, *вязанка*, *вязелье*, *вяземце*, *вязка*, *вязь*, *вязьмо*, *сусвязь* ← *вязать* ‘связывать что-либо’; *дупливый*, *дупловатый*, *дуплявый*, *дуплянистый*, *дуплянчистый*, *дупляный*, *дуплястый*, *дуплятый* ← *дупло* ‘пустота в стволе дерева’; *волгкий*, *волглый*, *волговатый*, *волговитый* ← *волгнуть* ‘становиться влажным, сырým’.

Мотивированные слова, у которых связь с предметами реального мира не прослеживается достаточно чётко, встречаются существенно реже. Однако у многих из них имеются однокорневые слова, свидетельствующие о наличии некоего общего семантического поля, в котором каждое из слов занимает определённое место. Например: *сутроки*, ср. *трёкать* ‘говорить зря, болтать’; *цевёё*, ср. *цевка* ‘деталь механизма цилиндрической формы’; *турлик*, ср. *турлучный* ‘сделанный из плетня, обмазанного глиной’; *серен*, *серено*, *серенье* ‘наст’; *ральё* ‘о вспаханной земле’, ср. *рало*, *орало*; *облоед* ‘обжора’, ср. *облоухий* ‘с большими ушами’; *щебетелный* ‘слабый, худой (чаще о детях), щуплый’, ср. *щеблёнок* (о ребёнке); *гламуздовый*, ср. *гламузник* ‘подлесок’. В данных случаях мы можем говорить о наличии у слов общей семы и предполагать существование соответствующих лексем в более ранние периоды существования диалекта. Эти обстоятельства позволяют, используя помету «ср.» («сравните»), в силу отсутствия мотивирующего

приводить для исследуемых слов наиболее близкие по семантике однокорневые лексемы.

Имеется еще одна группа слов, выявить мотивирующие для которых не представляется возможным: *луйда* ‘о здоровой, но ленивой девушке’; *лотва* ‘о болтливом человеке’, *спачье* ‘беда, горе’; *статечный* ‘богатый, обильный (об урожае)’; *разлоичистый* ‘расширенный кверху’; *лэзный* ‘пышнотелый, крепкий’; *прикрый* ‘сладкий, приторный’, ‘горький’; *маскалатный* ‘пресный, не выходявшийся (о тесте)’. В современных смоленских говорах не зафиксированы и однокорневые образования, проливающие свет на возможную мотивацию. Такая лексика также включается в соответствующие лексико-семантические группы, в некоторых случаях сопровождаясь ссылками на материалы Этимологического словаря М. Фасмера: *смовж*, *смуж*, ср. *смолж* (Фасмер); *статечный*, ср. *статок* (Фасмер).

Таким образом, при идеографическом описании лексики смоленского диалекта выявлено несколько типов мотивационных отношений между словами. Эти отношения позволили показать наличие системных связей исследованных слов в масштабах не только одного диалекта, но и общерусского языка как в синхронии, так и в диахронии.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва)

**Противопоставление западных и восточных
говоров русского языка
(на материале Диалектологического атласа
русского языка и Восточнославянских изоглосс)**

Членение русских говоров Европейской части России на северные и южные является традиционно классическим (карта Московской диалектологической комиссии) и присутствует в сознании не только лингвистов, но и рядовых носителей русского языка. Однако помимо горизонтального деления лингвистического пространства имеет место и другое — вертикальное, которое установлено в ре-

зультате введения в научный оборот материалов и карт Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). На основании изоглосс, представленных в ДАРЯ, К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [Захарова, Орлова 1970] были предложены такие единицы членения, как диалектные зоны, в частности западная, северо-западная, юго-западная, с одной стороны, которым противопоставлены северо-восточная, центральная и юго-восточная диалектные зоны, с другой. История формирования явлений, характеризующих западную и северо-западную диалектные зоны, исследована в монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» [Образование 1970], а также [Хабургаев 1980]. Таким образом, значимость вертикального членения стала очевидным фактом русской лингвогеографии.

Еще одним шагом, указавшим на особое положение западных говоров, явилась структурно-типологическая классификация Н. Н. Пшеничновой, также составленная на основе карт ДАРЯ. В рамках этой классификации Западнорусский диалектный тип выделился уже на первом уровне разбиения наряду с говорами Севернорусского, Южнорусского диалектных типов и Среднерусскими (переходными) говорами, в то же время, в отличие от других единиц, Западнорусский диалектный тип представляет собой разнородную совокупность говоров [Пшеничнова 2008].

Дальнейшее изучение истории складывания диалектных различий привело к необходимости создания проекта «Восточнославянские изоглоссы». Вдохновителем и организатором этого труда выступила С. В. Бромлей. Проект был задуман и обоснован в 80-е гг. XX в. и предполагал общую работу диалектологов академических институтов Белоруссии, Украины и России. О необходимости подобного исследования С. В. Бромлей писала во многих статьях: «... как раз те элементы языкового ландшафта восточнославянской языковой области, которые не укладываются в рамки современных национальных языков, относятся к наиболее древним. Они несут на себе отпечаток тех исторических эпох племенного и раннефеодального периода, на протяжении которых шел процесс формирования отдельных восточнославянских языков и их диалектов» [Бромлей 2010: 405]. Проект был реализован в виде четырех выпусков сборника «Восточнославянские изоглоссы», анализ пред-

ставленных карт выявил несколько типов членения лингвистического пространства [Попова 2017]. И в контексте этого диалектного континуума выделяется несколько изоглосс, противопоставляющих восточные и западные территории.

В качестве примера можно привести ареалы названий коллективной помощи в сельской работе. Восточный ареал охватывает русские говоры северного наречия, центральной и юго-восточной диалектных зон, где распространены номинации *пóмочь*, *пóмочи*, *пóмоць*. Во втором, западном ареале отмечены названия *толока́*, *толо́ка* и др. с корнем **tlak-*, в него входят русские говоры западной диалектной зоны, украинские и белорусские [Букринская, Кармакова 2016]. В белорусских говорах наименования *талака́*, *то́лака*, *тало́ка* известны практически повсеместно, лишь в центральных говорах южнее и западнее Минска зафиксировано слово *пóмочь*. На территории украинских говоров, судя по данным словарей, широко распространена лексема *толока́* в разных значениях; к сожалению, в Атласе укрїнської мови нет карты по названию коллективной помощи в работе. Заметим, что ареал названия *толока* в русских говорах практически совпадает с Западным диалектным типом структурно-типологической классификации.

Вертикальное членение представлено также на карте «Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот*» [Голубева 2000]. В белорусских, украинских и западных русских говорах отмечены формы И. п. ед. ч. муж. р. местоимения с основой на *-j-*: *той*, *тый*, *тэй*, которые образовались от старого указательного местоимения *тъ* присоединением окончания прилагательных, с отражением особой судьбы редуцированных. Этой территории противопоставлен обширный ареал, охватывающий северные, центральные и юго-восточные русские говоры, где распространено местоимение *тот*, возникшее в результате редупликации: *тътъ* из *тъ*.

В то же время, как уже было сказано, западные говоры, объединенные рядом изоглосс, являются неоднородными и могут быть поделены на небольшие территориальные подгруппы. Введение в оборот новых научных данных (в том числе корпусов диалектных текстов) позволяет проводить дальнейшее изучение формирования единства и различий названных диалектных образований.

ЛИТЕРАТУРА

- Бромлей С. В.* Восточнославянские изоглоссы // Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. — М., 2010. — С. 403–408.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Названия обычая коллективной помощи в сельской работе // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2016. — СПб., 2016. — С. 77–89.
- Голубева Н. Л.* Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот, этот* // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. — М., 2000. С. 94–105.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. — М., 1970. — 166 с.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. — М., 1970. — 456 с.
- Попова Т. В.* Восточнославянская лингвистическая проблематика // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. — М., 2017. — С. 240–262.
- Пшеничникова Н. Н.* Лингвистическая география (на материале русских говоров). — М., 2008. — 220 с.
- Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. — М., 1980. — 191 с.

Ж. Ж. Варбот (Москва)

**Русские диалектные дополнения
к реконструкции чередования гласных
в некоторых праславянских глагольных корнях¹**

Основой этимологического толкования является введение слова в определенное этимологическое гнездо. Лежащий в основе гнезда корень предоставляет тем большие возможности для этимологизации лексики, чем надежнее реконструирован его фонемный

¹ Доклад подготовлен в порядке реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

состав с возможными чередованиями корневого вокализма. Для многих этимологических гнезд при надежной реконструкции исходного вокализма и, соответственно, теоретической вероятности общей схемы чередования корневого гласного некоторые ступени чередования обнаруживаются только в единичных производных или вообще не подтверждены лексическим материалом. В подобной ситуации большое значение приобретает возможность подтверждения реальности таких ступеней чередования лексическими материалами, принадлежность которых к определенным этимологическим гнездам не вызывает сомнений ни в плане семантики, ни в отношении структурных характеристик. Все большее значение приобретает в связи с этим исследование диалектной лексики. Подтверждение редкой ступени огласовки в этимологическом гнезде открывает перспективы для введения в него дополнительных производных или подтверждения существующих, но считающихся спорными этимологических толкований. В настоящем докладе приводятся лексические материалы русских диалектов, содержащие единичные или не засвидетельствованные ступени корневого вокализма ряда глагольных этимологических гнезд.

Псков. набóенный — к праслав. **biti*. В этимологическое гнездо праслав. **biti* на основе корневого чередования **ei / *oi > *i / *oj* входит отглагольное существительное **bojь*; также и от префиксальных глаголов этого гнезда образованы имена с огласовкой в ступени **o* (**nabojь*, **otьbojь*, **sьbojь* и под.). От других глаголов с исходным вокализмом в ступени **e* регулярно образуются также итеративы с огласовкой в ступени **o*. В гнезде **biti* такой итератив неизвестен. Из праславянской глагольной лексики производность от глагола с огласовкой **oj* (ступень **o*) в гнезде **biti* предполагается для **bojati se* ‘бояться’ [ЭССЯ 2: 163–164] при перфективной функции исходной основы [ЭССЯ 2: 163–164]. Русск. псков. *набóенный* ‘утопанный, проложенный частой ходьбой’ [ПОСл 19: 219] как страдательное причастие прошедшего времени свидетельствует о производящем итеративе **nabojiti*, что позволяет объяснить структуру **bojati se* как вторичное производное от итератива **bojiti*.

Селигер. *клóпать* — к праслав. **klepati*. Для праслав. **klepati* / **klepiti*, к которым возводят глаголы с двойственной семантикой в славянских языках — ‘расплющивать, ковать, скреплять клепкой, накладывать, наваривать, насекаль (жернов) и под.’ и ‘колотить, шлепать, ударять’, — предполагают единый источник: звукоподражание [ЭССЯ 10: 7–9] К звукоподражанию возводятся также праслав. **klopati* / **klopiti* ‘ударять, хлопать, стучать’ [ЭССЯ 10: 69–70], хотя и в соответствующих глаголах семантика неоднородна: см. чеш. диал. *hrnec klopi* ‘горшок прикрыт’, словц. *klopit* ‘наклонять’ [там же, 69]. Даже если принять первичность звукоподражательной семантики для **klopati* / **klopiti*, которые признаются связанными усилением экспрессивности с **xlopati* [там же, 69], то для **klepati* / **klepiti* звукоподражание менее очевидно. И выделенные выше чеш. диал. *hrnec klopi*, словц. *klopit* свидетельствуют о возможности огласовки корня в ступени **o* также и для глаголов с «кузнечной» семантикой. Эту структуру корня **klop-* подтверждает русск. селигер. *клóпать* ‘валить в одну кучу, смешивать’ с производным *клóписто* ‘складно, дружно’ [Селигер 3: 47]. Следовательно, возможно предположение по меньшей мере о двух праславянских частично омонимичных гнездах (возможно, гомогенных омонимах): звукоподражательном **klopati* / *klopiti* ‘ударять, стучать’ и **klepati* / **klopati*/**klopiti* с семантикой ‘ковать, наваривать, накладывать, накрывать’. Соответственно получает подтверждение версия происхождения праслав. **klon'a* со значениями (в славянских языках) ‘ловушка для птиц, клетка, сеть’ из **klopn'a* [ЭССЯ 10: 68], из гнезда **klepati* / **klopati* ‘накладывать, накрывать’.

Север. *уркнóуть, урки* — к праслав. **rekt'i*. Огласовка в ступени редукции для праслав. **rekt'i* известна в форме повелительного наклонения в старославянском языке, а также в формах настоящего времени в древнерусском, чешском и польском языках, в основах с суф. *-*no-* в чешском и польском. Наиболее доказательны для признания праславянской формы настоящего времени с вокализмом в ступени редукции старославянская и древнерусская формы как наиболее древние фиксации. Дополнительным аргументом является фиксация форм с этой ступенью огласовки корня **rek-* в рус-

ских диалектах: арханг., псков., твер. *уркнѹть* ‘сглазить’ и *урки* мн. волог., псков., твер. ‘объем работы, заданный для выполнения в определенный срок’, новгор., твер., яросл., влад. ‘уроки, учебные задания’ [СРНГ 47: 337–338].

Псков., твер. *сынуть, усынуть* — к праслав. **sunŋti*, **sovati* / **sujŋ*. В этимологическом гнезде **sunŋti*, **sovati* / **sujŋ*, как справедливо заметил В. Махек, признается только полная огласовка корня в ступени **o* (**ou* > *u* / *ov*) [Machek² 593]. Русская диалектная лексика дает труднопроверяемые свидетельства реальности в этом гнезде огласовки в ступени продления редукции — **ъ*: > **у*: псков., твер. *сынуть* ‘положить, засунуть что-л. так, что трудно найти’ [СРНГ 43: 138], *усынуть* ‘забросить. затерять что-л.’ [СРНГ 48: 131]. Опираясь на фиксацию *сынуть, усынуть*, как родственных с **sunŋti*, **sovati* / **sujŋ*, можно, кажется, уточнить толкование происхождения слова *усынок* во всех его значениях. Диал. ворон. *усыночек* ‘маленький заливчик’ считается заимствованием: «ср. др.-чуваш. **ösön*, казах. *ösön* ‘ручей, река’ [Фасмер IV: 173]. Но *усынок*, помимо значений ‘рукав реки, узкая длинная заводь, залив, небольшой овраг, небольшой островок леса в стороне от большого лесного массива’ (все ворон.), которые могут восходить к заимствованию, имеет в ворон., брян., рост., дон., астр., чкал., урал., среднеобск., симб. говорах также значение ‘конусообразная сетчатая воронка, вставляемая в рыболовную снасть’ («рыба не выйдет из усынка») [СРНГ 48: 131]. Представляется возможным формирование этого значения у *усынок*, производного от заимствования, под влиянием собственно русского глагола *усынуть*.

ЛИТЕРАТУРА

- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* / Red. E. Havlová, A. Mátl. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 1997.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными* / Под ред. Б. А. Ларина, А. С. Герда, С. М. Глускиной и др. СПб., 1994–. Вып. 1–26–.
- Селигер — *Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь* / Под. ред. А. С. Герда. СПб., 2003–2010, вып. 1–6.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (1–23), Ф. П. Сороколетов (24–51), Ленинград = СПб., 1965–2019–.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41). М.: «Наука», 1974–2018–.

Т. И. Вендина (Москва)

Русские диалекты в зеркале культурно-языковой диалектологии

Современный этап развития диалектологии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. И в этом превращении диалектологии особая роль принадлежит когнитологии.

Успехи когнитивно-ориентированной лингвистики убедительно говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка» [Кибрик 2008: 75]. Более того, сама логика развития *зачем/почему-лингвистики* требует сегодня реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — «найти доступ к Человеку через язык», поскольку только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Не случайно осмысление языка культуры начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. «Если словарь народа, — писал крупнейший социолог языка, основатель европейской школы неогумбольдтианства

Й. Л. Вайсгербер, — является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» [Вайсгербер 1993: 143].

Но как и в чем искать конкретное основание пугающе пестрого и разнородного материала при описании языка традиционной культуры? Думается, что его основой является *смысл*, значение его единиц. Человек живет в пространстве смыслов. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования. «Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексю и бессознательную память социального коллектива ... в сплошной континуум культуры» [Пелипенко, Яковенко 1998: 19]. Будучи продуктом мыслительной деятельности человека, слово сохраняет формы «перехода» действительности в мышление (ср. известное гумбольдтовское определение слова: «Слово — не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был **осмыслен** речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова; именно здесь главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета... Поистине язык представляет нам не сами предметы, а лишь понятия о них» [Гумбольдт 1984: 130].

В этом отношении и сегодня остается актуальным тезис В. В. Колесова о том, что у нас до сих пор недостаточно осознана содержательная функция языка: «язык есть реальность мысли и, следовательно, культуры в национальных ее формах» [Колесов 1991: 49]. Но для того, чтобы понять эту «реальность мысли», нужно использовать такой лингвистический критерий, как количество словесных репрезентаций на единицу смысла, что позволит выявить не только «участки языкового напряжения», но и определить языковые лакуны, а главное — понять ту логику, которой руководствовался язык при отборе тех или иных признаков в качестве ведущих при номинации реалий внешнего мира (в докладе приводятся иллюстрации этого положения).

Это связано с тем, что в языке традиционной культуры действует принцип разной культурной разработанности частных смыслов.

В соответствии с этим принципом одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие — довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Это объясняется тем, что чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его, поскольку «смысл никогда не ограничивается “пространством” одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу» [Топоров 1992: 16]. Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и позволяет понять тончайшие нюансы глубинных смыслов языка культуры. Чтобы понять ту логику, которая лежит в его основе, нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла. Это говорит о том, что лексическая дублетность в языке мотивирована не только функционально, но и культурологически. Ведь «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую», — говорил Н. И. Толстой, отмечая высокий культурологический потенциал диалектного слова [Толстой 1995: 21].

Отсюда следует, что разная лексическая плотность того или иного семантического поля свидетельствует о разной культурной значимости слова в тех или иных диалектах, которая и привела к их дифференциации.

Таким образом, диалектное слово наряду с ареальной дает возможность увидеть культурно-языковую дифференциацию диалектов. Такой подход к диалектному слову позволит выявить своеобразные участки «языкового напряжения» русских диалектов, поскольку механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, что является важным для языкового сознания человека традиционной культуры. Если же принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно определить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка

культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Диалектное слово, таким образом, является яркой иллюстрацией одного из положений культурной антропологии, согласно которому «культура живет и развивается в “языковой оболочке”, влияя на ее характер и состояние» [Кармин 1997: 86], при этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое связано с осмыслением мира природы и общества. Изучая диалектное слово, мы сможем, таким образом, понять подлинную сущность нашей культуры, ибо именно диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации» [Лихачев 1996: 29].

ЛИТЕРАТУРА

- Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во МГУ, 1993. 224 с.
- Гумбольдт В.* О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 307–323.
- Кармин А. С.* Основы культурологии. Морфология культуры. СПб.: Изд-во «Лань», 1997. 512 с.
- Кибрик А. Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
- Колесов В. В.* Выступление в почтовой дискуссии «Русской речи» // Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Докл. и материалы почтовой дискуссии. М.: Наука, 1991. С. 42–54.
- Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. 159 с.
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1998. 376 с.
- Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
- Топоров В.Н.* Предисловие к книге В. Айрапетяна «Герменевтические подступы к русскому слову». М., 1992.
-

Н. С. Вербич (Киев, Украина)

Интонация украинской литературной и диалектной речи: сопоставительный аспект¹

Исследование интонации устной речи — одно из наименее представленных сегодня направлений украинского языкознания. Среди причин этого как сложность самого объекта изучения, представляющего собой комплекс взаимосвязанных звуковых элементов: мелодики, интенсивности, длительности, тембра, пауз, выполняющих ряд языковых функций, связанных с экстра- и интралингвистическими факторами, так и сложность процесса фиксации качественных материалов и с точки зрения собственно языкового, и технического.

Интонационную модель повествовательной фразы в украинской литературной речи принято представлять как повышительные тона на начальных безударных и на 1-ом ударном слоге с последующим постепенным спадом, который охватывает вторую половину корпуса, ядро и заядерную часть (с возможным вариантным завершением фразы — ровным тоном на заядерных слогах), локализацию частотного максимума на 1-ом ударном, реже — ядерном слоге.

В диалектной речи фиксируем разнообразность интонационных контуров. Так, для одних синтагм характерна значительная изменчивость интонационной кривой, более быстрые перепады ЧОТ, более высокое начало 1-го ударного и ядерного слогов фразы, более широкий диапазон. Другие контуры имеют более плавные изменения тона, приблизительно одинаковые показатели ЧОТ ударных слогов корпуса, меньшее количество перепадов в пределах синтагмы, более узкий частотный диапазон.

Типичный интонационный контур как в литературной, так и в диалектной речи — восходяще-нисходящий. Но в литературных монологах отмечаем восходящий тон до 1-го ударного слога либо

¹ Подготовлено в рамках научной работы № П-1-20 “Народна мова і літературний стандарт”, государственный регистрационный номер 0120U000188.

высокий уровень начала звучания, спад тона начинается на слоге с фразовым или логическим ударением, как вариант, — на заударном слоге. В диалектных текстах восходяще-нисходящий тон имеет разные реализации. В одних говорах, например восточнополесских, в большинстве случаев тон повышается в начале синтагмы, а спадает после 1-го ударного слога (как в литературном варианте). В других диалектах, например, западноволынских, повышение тона длится до главного ударного слога, спад начинается на ядре или же на заударном слоге и продолжается в затакте.

По-разному реализуется восходяще-нисходящий терминальный тон. В литературной речи такая разновидность конклюдивной каденции оформляет вопросительные или восклицательные фразы, реже отмечена как нетипичный вариант завершения повествовательных односинтагменных фраз, в единичных случаях — для особого выделения последнего слова повествовательной фразы. В диалектной речи такой тон наблюдаем во всех диалектах, правда, с разной интенсивностью проявления и различным функционированием. Например, в слобожанских говорах он мало представлен, в восточнополесских его появление обусловлено позиционно, а в говорах юго-западного наречия — это типичный маркер межфразового шва.

Особенность темпо-ритма литературной речи — предпаузальное удлинение последнего ударного слога во фразе. Вместе с тем максимальное время звучания характерно и для заударного слога в абсолютном конце фразы. В диалектных текстах, например в поднепровских и гуцульских говорах, максимально длительными становятся предпаузальные ударные, а в восточнополеских — предпаузальные заударные слоги. Такое противопоставление наряду с особенностями реализации тона на этих слогах дает возможность отличать западно- и восточноукраинский вариант мелодики диалектной речи.

Общими чертами литературной и диалектной речи стала корреляция степени важности информации и длительности ударных слогов, а также появление пауз хезитации, воспринимаемых как асемантический сегмент, который может исказить или даже разрушить систему, но в это же время активизирует просодические

параметры формальной связи частей системы, тем самым обеспечивая коммуникативную действенность спонтанного текста.

Таким образом, уже первые наблюдения дают возможность констатировать перспективность подобного сопоставления. Отдельные черты интонации литературной речи, которые функционируют как вариантные либо единичные случаи реализации, могут быть инвариантным, закономерным явлением в интонации определенных говоров. Детальный экспериментально-фонетический анализ интонации диалектной речи поможет объяснить особенности проявления различных параметров интонации литературной речи.

А. В. Войтенко (Москва)

Подмосковная микроонимия в лексикографической перспективе

Проблемы ономастики рассматривались в многочисленных работах отечественных лингвистов, начиная с последней трети прошлого века. Среди различных типов словарей, созданных в отечественной лексикографии за последние десятилетия, особое место занимают региональные словари, в ряду специальных — микроонимические. Источники диалектной ономастики могут быть разные, в частности — тексты, записываемые на свободные темы, анкетирование по программе аспектного регионального словаря. Систематическая работа по сбору материалов подмосковной микроонимии на кафедре истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета была начата в девяностые годы. Автор «Словаря говоров Подмосковья» и «Лексического атласа Московской области» Анастасия Филимоновна Войтенко, приняв решение о начале нового этапа лексикографического исследования Московской области, представила коллегам по кафедре соответствующую программу «Вопросы по топонимике и микроантропонимии региона», содержащую 61 вопрос. Ответы на эти вопросы дают сведения об имеющихся в отдельно взятом по-

селении микротопонимах (наименованиях природных объектов, всех типах ойконимов), антропонимия представлена бытующими среди местных жителей фамилиями, прозвищами, в том числе от-фамильными, семейными, коллективными. Основная часть материала была собрана нами за период экспедиционной работы с 1990 по 2007 год, в последующие годы материал дополнялся записями по отдельным районам и населенным пунктам. В картотеку будущего словаря вошли микротопонимы, антропонимы и микро-антропонимы, а также мезотопонимы в контексте апеллятивов. За последние годы произошли значительные изменения как в лингвистическом ландшафте, так и в административном подчинении территориальных образований Подмосковья. Выделение Новой Москвы не является достаточным основанием для исключения материалов по вошедшим в неё территориям из корпуса словаря.

Находящийся в нашем распоряжении фактический материал характеризует обследованные микросистемы изнутри, представляя собой по большей части тексты-ответы, расширяющие представление о возникновении и бытовании онима в интерпретации самих диалектоносителей, пространственной и событийной связи с другими объектами.

Попытка создания традиционного «бумажного» издания словаря требует решения ряда проблем, связанных со спецификой материала и принципиальной его организацией. Алфавитный принцип традиционно воспринимаемый как наиболее удобный для пользователя, разобщает информацию об объектах отдельной микроонимической системы, зачастую включающую наименования исчезнувших соседних деревень, которые служат производящими основами для ряда бытующих онимов (направления, дороги, участки леса, урочища и т. д.). При алфавитном порядке окажутся «оторваны от земли» многочисленные однотипные составные наименования с компонентами: *сад (Яблонево́ый, Барский, Колхозный), пруд (Школьный, Пожарный, Фабричный), кладбище (Старое, Новое, Никольское, Троцкое)* и т. д.

Идеальным решением, на наш взгляд, стало бы создание электронного словаря, построенного по типу гипертекста, но на сегодняшний день не существует коллектива, способного реализовать

такой проект. На данном этапе нам представляется целесообразной работа над созданием очерков по микроонимии каждого района с последующей их трансформацией в словарные статьи. Заголовочной единицей в таком случае является название поселения, а словарь становится неким подобием энциклопедии. Географическая и информативная неравноценность материала по отдельным районам и населенным пунктам приводит к мысли о важности организации имеющихся сведений по территориальному принципу, позволяющему при наличии алфавитного указателя, списков микропонимов и антропонимов, обеспечивающих навигацию для пользователя, а также фрагментов географических карт или планов населенных пунктов сохранить определенную картину взаимодействия элементов каждой микросистемы, столь важную для использования данного фактического материала в трудах по этнолингвистике и диалектной ономастике.

Е. А. Галинская (Москва)

Некоторые видоизменения новгородского диалекта за последние четыре столетия

В раннедревнерусский период новгородский диалект отличался от других восточнославянских говоров более чем тридцатью фонетическими и морфологическими особенностями. Но в позднедревнерусский период некоторые новгородские особенности стали расшатываться, а после покорения Новгорода и Пскова в конце XV — начале XVI в. новгородский диалект утратил многие свои древнейшие специфические черты и стал развиваться как один из великорусских говоров, сочетая отдельные сохранившиеся особенности с новыми. Новгородский диалект нового типа хорошо документирован письменными памятниками начиная с конца XVI в. Одним из таких памятников является текст 1597–1598 гг., разделенный по двум переплетам, — «Книга записная кабалам на холопей», РГАДА, ф. 1144, № 1 и «Книга кабальная записей на разных лиц», РГАДА, ф. 1144, № 4 (далее — ЗК).

1. Яркая черта ЗК — отражение регулярного изменения этимологического **ě* в [и] под ударением во всех положениях в слове, например: *бигае^м* К1-76, *намистника* (Р.п.) К4-224, *оути* К1-3, *не умие^м* К4-3, *двѣ* К1-22 об., *во двори* К4-212 и т. д. В современных новгородских говорах эта особенность практически нивелировалась. Здесь на месте **ě* произносится [е] перед мягкими согласными и в основном произносится [е] перед твердыми. Примерно так же выглядела картина распространения рефлексов **ě* в конце XIX — начале XX в.

2. Во втором предударном слоге в ЗК правильно употребляются буквы *а* и *о*, ср., например, этимологически правильное написание *на Ростегая* К1-71. Современные новгородские говоры относятся к неполно окаяющим. А судя по описаниям новгородского диалекта начала XX в., неполное оканье в предударных слогах еще только зарождалось. Таким образом, неразличение [а] и [о] во втором предударном слоге — это особенность, которой примерно 100 лет.

3. В заударных слогах неразличение [а] и [о] начало развиваться значительно раньше. Хотя в ЗК нет указаний на это неразличение, но в деловых текстах первой половины XVII в. (в челобитных грамотах и хозяйственных книгах) некоторые свидетельства уже есть: *з де^екаю*, *Но^егаро^д* и т. д. Таким образом, неразличение [а] и [о] в заударных слогах стало появляться в новгородских говорах в первой половине XVII в.

4. Древненовгородскому диалекту было свойственно произношение [ǰ] ([w]) в соответствии с /в/ в слабых позициях. Ср. примеры из новгородских берестяных грамот: *оу неи* 449 (посл. четв. XII в.), *оузати* 534 (XIII в.) и др. В ЗК есть материал, надежно свидетельствующий о такой реализации /в/ в середине слова: *Маурица* К4-212 об., *Маурицу* К4-212, *с Маурицею* К4-204 (имя *Маврица*). На произношение [ǰ] или [w] указывает и пропуск *в* в начале фонетического слова: *кабала ... на Якуша Васи^ева тре^х рубле^х* К1-105 об. Но есть и написания, указывающие на оглушение /в/ в [ф]: *у Фторого* (имя собственное) К1-96, 96 об. (2 р.), *лѣта ꙗз сто фторого* К1-97, *Витофтова* (Р.п.) К4-121 об.

В современных новгородских говорах фонема /в/ реализуется звуком [в] в сильных позициях и звуком [ф] в позициях оглушения.

Нет указаний на произношение [ÿ] ([w]) и в описаниях новгородских говоров конца XIX — начала XX в.; в рукописях первой половины XVII в. его отражение тоже не обнаруживается, в них отражено лишь позиционное [ф]. Следовательно, устранение [ÿ] ([w]) и окончательное укрепление позиционного [ф] произошло на протяжении первой половины XVII в.

5. В современном новгородском диалекте нет предлога *ув* в соответствии с предлогами *у* и *в*. А в конце XVI в. он еще присутствовал: *ув отца* К4-229, *ув Осипа* К1-133 и мн. др. В новгородских рукописях первой половины XVII в. предлог *ув* отражается ограниченно, и это свидетельствует о уже начавшейся в этот период тенденции к его исчезновению.

6. В новгородском диалекте произошла смена типа падежного синкретизма от Р.-Д.-М. с флексией *-ть* в обоих вариантах склонения (Р.-Д.-М. *водть, землть*) до Р.-Д.-М. с флексией *-ы/и* (Р.-Д.-М. *воды, земли*). Процесс шел постепенно, что свидетельствуется новгородскими памятниками письменности XIV–XVI вв., и в конце XVI в. оба типа падежного синкретизма сосуществовали в равной степени. В ЗК отклоняющиеся от нормативных написаний формы Р.п. на *-ть* и Д.-М. пп. на *-ы* встречаются в равных количествах. Ср.: Р.п. *у кабалть* К1-95, Д.п. *да^н своей сестры* К1-125, *на другои жены* К1-114 об. В XVII в. *-ы/-и*-синкретизм уже преобладал в новгородских говорах над *-ть*-синкретизмом, а в XX в. синкретизм Р.-Д.-М. пп. с окончанием *-ть* практически исчез, тут господствуют формы Р.-Д.-М. (П.) пп. с флексией *-ы/и*.

Н. С. Ганцовская (Кострома)

Костромские говоры: к определению понятия

1. Понятие *костромские говоры* до сих пор не имеет строгого терминологического статуса. Его толкование зависит от традиции употребления в общеразговорном языке, разных жанрах литературного языка и как объекта классификации в гуманитарных науках.

2. Наиболее широкий объём это понятие имеет по отношению к говорам в пределах современных границ Костромской области (создана 13 августа 1944 г. на месте прежних территорий Ярославской, Вологодской и Кировской областей). Очертаниям Костромской губернии в этом новообразовании соответствует лишь её западная часть; в составе Ивановской области оказался почти весь Кинешемский уезд, кроме северной его части, Островского района; подавляющая часть Поветлужья теперь относится к Нижегородской области; к Ярославской — часть правобережного Заволжья (сёла Левашово, Большие Соли). Однако новые говоры этих соседних областей уже не называют костромскими. Районы к востоку от Унжи ранее были частями Вологодской и Вятской губерний, их языковые идиомы близки к языковым комплексам Русского Севера, сейчас же диалекты этих новых территорий принято считать восточными костромскими говорами. И это в определённой мере оправдано хотя бы тем фактом, что в настоящее время существует обычай называть *архангельскими, псковскими, тверскими, воронежскими и др. говорами* совокупность говоров Архангельской, Тверской, Псковской, Воронежской областей, как бы ни были они сложны и разнородны, а также под этими названиями созданы словари говоров этих областей, монографии и др. Словосочетание *костромские говоры* в этом смысле в качестве термина принято при работе над составлением ДАРЯ, ОЛА и ЛАРНГ.

3. Наиболее точно, как кажется, словосочетание *костромские говоры* можно определить, связывая его с понятием *костромской край* (или с его синонимом *костромская земля*), который сейчас активно употребляют археологи¹ и который определяет говоры части Костромской губернии, вошедшей в состав Костромской области: «современные областные административные границы (имеются в виду границы Костромской области — Н. Г.) не во всём соответствуют реальным историческим границам прошлого», т. е. границам губернии. Именно эти границы по данным раскопок

¹ Археология Костромского края / под. ред. А. Е. Леонтьева. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской области. 1997. С. 3, 7, 150, 169, 192, 194, 195, 196, 197, 249.

очерчивают исторически единый культурный ареал². Словосочетание *костромской край* использовали члены Костромского научного общества (КНО). См., например, заголовок очерка бессменного председателя КНО В. И. Смирнова «Население Костромского края в прошлом и настоящем»³, и другого известного деятеля общества Ф. Рязановского «История края» в том же сборнике «Прошлое и настоящее Костромского края»⁴. В этом случае словосочетание *костромские говоры* употребляется в наиболее точном его терминологическом смысле.

4. В логически объяснимом, но непривычном для современного употребления значении термин *костромские говоры* можно было бы применить для наименования диалектов Костромской группы говоров севернорусского наречия (см. академическое членение по данным лингвогеографии 1964 года⁵). Это ареал западных костромских говоров Костромской области без присоединённых в 1944 г. вологодских и вятских территорий, а также почти все говоры Ярославской области. Однако в современной лингвистической традиции оперировать в этом смысле номинацией *костромские говоры* не принято. Напротив, в Ярославском областном словаре (ЯОС) в 10 выпусках под ред. Г. Г. Мельниченко, где описаны говоры всей Ярославской области и той части Костромской, которая до 1944 г. была в составе Ярославской области, вся лексика в своей совокупности автоматически (по умолчанию) считается ярославской. Ярославские говоры сейчас никто и ни в каком смысле не называет костромскими, разве что говоры некрасовских мест, но и тут употребляют термин ярославо-костромские говоры.

² Там же. С. 3, 107.

³ Смирнов В.И. Население Костромского края в прошлом и настоящем. Кострома: [б. и.], 1926. С. 59–91.

⁴ Рязановский Ф. История края // Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома: Типо-литография «Северная правда», 1926. С. 91–117.

⁵ Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. С. 267–268.

С. Гжибовский (Торунь, Польша)

Своеобразие русского старообрядческого говора в Польше

Говор старообрядцев, проживающих на северо-востоке современной Польши, — самое западное ответвление диалектного старообрядческого ареала, сформировавшегося в XVIII–XIX вв. в Прибалтике на базе юго-восточных псковских говоров¹, после 1945 г. стал островным, полностью отрезанным от общерусского языка, утратившим контакт даже с говорами староверов Беларуси и Прибалтики, с которыми имеет целый ряд псковских черт². В фонетике это сильное аканье и яканье, твёрдость [č], [c] и [šč], взрывной характер [g], слияние приставки и предлога у- с в- и т. п. Из других псковских черт следует отметить: деепричастия пр. вр. в функции сказуемого (*я радівшы в саракавým гаду́*); синкретизм форм Тв. и Д. пп. мн. ч. (*никакím судьбám няльзя́*), форм П., Д. и Р. пп. ед. ч. существительных а-склонения на (*на вайны́ дру́га нет; к Фі́мы*); специфические формы ср. ст. (*лягошэ, сладо́шчыя*); усечённые формы *мног, тож*; реликты второго полногласия (*сталóб, чалóнак*), и ряд других особенностей³.

С концом XX в. говор стал подвергаться значительному влиянию польского языка, приведшему к коренным изменениям отдельных участков его системы. Это проявляется прежде всего в лексике, но также в синтаксисе, и совершенно уникальным образом, не находящим аналогий в других говорах, в фонетике. Консонантизм

¹ См. об этом *Čekmonas V. Russian Varieties in the Southeastern Baltic Area. Rural dialects // The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact. V. I. Past and Presence / ed. by Östen Dahl and Maria Koptjevskaja-Tamm. 2001. С. 120.*

² *Grek-Pabisowa I. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław—Warszawa—Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. С. 167–171.*

³ *Касаткин Л. Л. (ред.) Русская диалектология. М.: Akademia, 2005. С. 270–271.*

говора почти полностью «полонизирован»⁴: мягкостная корреляция переднязычных согласных трансформировалась в корреляцию по месту образования — «зубной : среднеязычный» ([t : ć, d : ź, s : ś, z : ź, n : ń]); мягкий зубной [l'] заменён альвеолярным [l], мягкость которого, как и в польском языке, проявляется лишь перед [i] и [j], твёрдый же [ɫ] повсеместно заменяется губным глайдом [w]; удерживается мягкость [r'], изредка встречаются мягкие конечные губные согласные (*цёрькавь*); выдерживается мягкостная корреляция губных и заднеязычных согласных в сочетаниях типа [CV]; цепочки C'V : C'jV различаются, но у молодого поколения можно встретить и «асинхронную» мягкость польского типа ([bj'éwuɟ], [p'jáć]); в полонизмах наблюдается также подавление нейтрализации мягкостной корреляции перед [e] ([dyr'ektor]).

Яркой особенностью говора, указывающей на его уникальность, является обилие лексических полонизмов, приводящее иногда к непониманию их речи носителями других русских говоров, даже в Прибалтике. Д. Пасько-Конечняк зафиксировала в говоре свыше 2200 польских заимствований⁵. Многие из «полонизмов» находят параллели в белорусском языке и его говорах, подтверждая тезис о белорусском участии в формировании прибалтийского ареала⁶.

Элементами, которые говор старообрядцев в Польше разделяет с белорусским и польским языками и редкими русскими, а также украинскими говорами, являются конструкции с глаголом (*и*)*мётъ* для выражения самых разнообразных отношений (посессивность, обозначение возраста, долженствование, намерение и т. д.), а также сочетания *что* со словами типа *день, год, вечер* и т. п. для обозначения временной повторяемости.

⁴ Гжибовски С. Фонетические особенности русского говора старообрядцев в Польше // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире*. I. Тарту, 2010. С. 43–55.

⁵ *Paško-Konecniak D. Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze старообрядców z regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń: UMK, 2016.

⁶ Гжибовский С. К вопросу о диалектной общности русского говора старообрядцев в Польше и русских говоров Прибалтики // *Slavistika Vilnensis* 62. 2017. С. 154–166.

Уникальность говора старообрядцев в Польше заключается также в образовании лексем, свойственных только ему. Поиск номинаций для всё время возникающих новых явлений действительности приводит не только к заимствованиям, но также к языковому творчеству. Так можно объяснять появление номинаций, неизвестных другим русским говорам (*мытjоба, такjйшшй*) или имеющих особую огласовку (*мулjать, мjасель, малчанjты* с твёрдым [t]). К ним примыкают инновации, возникшие косвенным образом под польским влиянием (*вшчjлнуть*, ср. *wszczjć*; *аплjта*, ср. *opłacać się*; *ванпрjть*, ср. *uprac*; *мацjка*, ср. *masocha*; *ненаганjный*, ср. *nie-paganny*; *скрjпуница*, ср. *krzepnć*; *утjмничаны*, ср. *wtajemniczony* и т. п.), среди которых можно отметить неясные с точки зрения мотивации (*асумлjться* ‘руководствоваться совестью’, *атляглjсь* ‘отразилось, перенеслось’).

К особенностям говора следует также отнести своеобразные архаические элементы (*дей* вм. *де*, *дескать*; *jсто* ‘как следует, по-настоящему’; *кашчjнь* ‘проказы в канун *кутейника*’ и *кашчjнничать* ‘проказничать; *ямjть* вместо *имjть, имjть*).

Это позволяет утверждать, что говор старообрядцев в Польше является уникальным этнолектом, состоящим из самых разнообразных пластов языковой системы, в которой можно найти своеобразные языковые явления, специфические только для него, и такие, которые соотносят его иногда непрямым образом с другими этнолектами в их временной и пространственной перспективе, и тем самым представляет большую ценность как средство общения и как объект исследования языковых контактов.

М. Глушковский (Торунь, Польша)

Функционирование различных идиомов в речи старообрядцев Польши: самооценка, установка, языковая практика

Община проживающих в Польше старообрядцев насчитывает около 1000 верующих. Хотя в настоящее время основным языком общения как внутри группы, так и вне её является польский, около

50% до сих пор активно пользуются русским говором, происходящим из северо-западной части среднерусских говоров. Кроме того, члены общины употребляют также церковнославянский в качестве языка литургии и освоенный во время учебы в школе или в вузе литературный вариант русского языка. Рядом с билингвизмом и диглоссией с конца XX в. наблюдается ускоряющееся отмирание традиционного языка старообрядцев. Если для членов общины, рожденных в первой половине XX в., русский говор был первым и основным языком, то в очередных двух-трех поколениях осваивался первым, но в школьном возрасте постепенно вытеснялся польским языком, а для старообрядцев, рожденных в конце 1990-х гг. и в XXI в., стал вторым языком, употребляемым в ограниченной степени в домашней сфере в контактах со старшим поколением не как полноценный коммуникативный код, а как носитель традиционных ценностей¹. Такие тенденции привели нас в 2013 г. к выводу, что старообрядческая община в Польше теряет свой прежний характер религиозно-этнокультурно-языкового меньшинства, превращаясь в этноконфессиональное или даже конфессиональное меньшинство². Наблюдения во время полевых исследований в 2014–2018 гг. позволили подтвердить, что процесс исчезновения русского говора старообрядцев в Польше продолжается и сопровождается отмиранием традиций и обычаев в младшем и отчасти также в среднем поколении. Только деревенская часть общины считала русский говор социальной ценностью и важным элементом старообрядческой идентичности, а для городских старообрядцев это был лишь коммуникативный код, употребляемый их дедушками в деревне.

¹ Подробнее об этом: *Гжибовский С., Глушковский М.* Диглоссия и сферы употребления польского языка и русского говора в общине старообрядцев Сувальско-Августовского региона (Польша) // *Русские старообрядцы: язык, культура, история*. Сб. ст. к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2013. С. 379–389.

² *Gluszkowski M.* Asymilacja wyspy językowo-kulturowej: przypadek młodego pokolenia polskich staroobrzędowców // *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe* / red. E. Nowicka, M. Gluszkowski. Toruń: Eikon, 2013. С. 271–280.

Неожиданные события конца лета 2020 г., когда члены общины были вынуждены быстро организовать защиту старообрядческого кладбища в д. Бялогуры Сейненского района Подляшского воеводства³, привели к быстрому и заметному изменению установок в отношении всех групповых ценностей, в том числе и языка, что стало стимулом для проведения интернет-опроса о социальной роли всех языков, употребляемых в общине старообрядцев, самооценки их знания и сфер употребления.

В докладе, кроме представления настоящей социолингвистической ситуации и результатов опроса, будет сделана попытка выявить взаимосвязь установок в отношении старообрядческого говора и уровня сохранения псковских диалектных черт в речи представителей разных поколений исследуемой нами общины.

И. А. Горбушина (Москва)

Три возможные этимологии рус. диал. *путик*¹

Диалекты являются источником не только лексем, утраченных литературным языком, но и семантических моделей, восходящих ещё к праславянскому периоду. Обращение к диалектам, в частности, может оказать этимологу неоценимую помощь при определении исконного или заимствованного характера слова. Особенно это касается лексики тех регионов, где русские говоры смешаны с неславянскими, и происходит взаимопроникновение славянских и неславянских слов.

Примером такого сомнительного случая является русское диалектное слово *путик* ‘звероловное угодье’, ‘место, лесные тропы,

³ Ochrońmy cmentarz w Białogórach [Давайте спасем кладбище в д. Бялогуры]. <https://www.facebook.com/cmentarzwBialogorach/>

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

где ставятся силки и западни для ловли птиц и зверей’, ‘тропа или дорожка, проходящая между земельными участками, по которой идёт межа — граница земель’, относительно происхождения которого можно предложить по меньшей мере три версии.

По И. А. Елизаровскому, *путик* — деминутив от *путь*, т. к. это не проторенная дорога, а только направление, след пути. В северных говорах XV–XVII вв. произошёл перенос значения: ‘направление охотничьего пути’ > ‘охотничье угодье, земельный участок для звероловного промысла’, на котором прокладывается эта тропа [Бондарчук 1976: 46].

Другая возможная версия происхождения рассматриваемых слов — образование от глагола *путать*: ср. *путьо* ‘сеть, которой накрывают берлогу медведя...’ и (менее доказательно) *путевья* ‘рыболовные сети’ [Даль 1935: III, 564].

Третья версия предполагает заимствование из угро-финских языков: «ср. кар. ливв. *püüteä, püüdeä*, кар. твер. *püüdiä* ‘добывать дичь, рыбу’, ‘ловить рыбу’, люд. *püüädädä, püütä, püütä* ‘ловить зверей, рыбу’, при саам. лул. *piu iēt* ‘охотиться, рыбачить’ (SKES, 676–677)» [Мызников 2019: 638].

Словари фиксируют также формы *пудик* ‘территория, закрепленная за одним охотником’ Пудож. (СРГК, 5, 359), *путика* ‘охотничья избушка’ Пинеж. (Веегора) (Сими́на), *путья* ‘капканы, ловушки на зверей’ Онеж. Арх., 1948) (СРНГ, 33, 159), *путьюки* ‘ряд силков для ловли рябчиков’ Тотем. Волог., 1892 (СРНГ, 33, 159) [там же: 638].

Если *путик* — славянское слово, то выбор из двух вариантов (деминутив от *путь* или производное от *путать*) зависит от направления семантического развития: если в основе лежит сема ‘дорога’ (ведущая к ловушкам), то производящим словом должно быть *путь*; если же основная сема — ‘ловушки’ (на дороге), то производящее — *путать* (метонимический перенос с ловушек на дорогу к ним).

На направление семантического развития от ‘путь, дорога’ к ‘ловить’ указывает одно из значений слова *дорога* в русских диалектах: «удочка с блесной для ловли шук; дорожка» [СРНГ 8: 132]. Слово в этом значении введено в ЭССЯ в число продолжений праслав. **dorga*.

Аргументами в пользу версии заимствования слова *путик* из прибалтийско–финских языков являются: 1) распространённость этого слова на Русском Севере; 2) вариативность согласных по глухости/звонкости: *путик/пудик*. Правда, она возможна и в исконно славянской лексике, в том числе русской (*сросток — зроздочек, супрядка — субрядка*) [Михайлова 2013: 346].

Наконец, показательно, что форма *путик* как возможное уменьшительное от *путь*, по–видимому, встречается только в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарчук Н.С.* Семантика и география слова *путик* в деловой письменности XV–XVII вв. // Этимологические исследования по русскому языку. М., Изд–во МГУ, 1976. Вып. VIII. С. 42–48.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М., «Художественная литература», 1935.
- Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор–История, 2019.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., СПб., Наука, 1965–. Вып. 1–
- Михайлова Л.П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд–во КГПА, 2013.

Т. А. Демешкина (Томск)

«Поколенческий сюжет» в автобиографическом дискурсе¹

Термин «поколенческий сюжет» достаточно широко используется в литературоведении. Особенности его художественного воплощения на данном этапе развития литературы определяются тем, что «современная литература акцентирует иные проблемы, опре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 19-412-700001р_а.

деляющие модель “поколенческого” сюжета: с одной стороны, фиксирует в ситуации власти техноса, глобализации, компьютеризации, СМИ-технологий разрыв поколенческих коммуникаций или превращение их в рациональные и поверхностные; с другой стороны, осмысляя сшибки стереотипов и ценностей поколений как слишком частый в эпоху техноса процесс, сосредоточивается на проблеме открытия человеком смыслов актуальной реальности как поколенческих смыслов»². Возможность применения этого термина в лингвистике обусловлена резко возросшим интересом к истории своей семьи (предков), желанием сохранить эту историю и передать последующим поколениям (детям и внукам), что отразилось в появлении большого количества не только устных, но и письменных текстов, жанр которых сами авторы текста определяют как воспоминание. Особенно заметным стало это явление в региональной литературе. Так, только в 2020 году в издательствах Западной Сибири было издано три книги³, посвященные судьбам так называемых «спецпереселенцев» — раскулаченных и сосланных в Нарымский округ в 1930-х годах крестьян.

Авторами этих книг являются дети спецпереселенцев, родившиеся в местах ссылки или приехавшие в ссылку маленькими детьми вместе со своими родителями. Среди авторов есть профессиональные писатели (В. С. Арнаутов) и непрофессиональные (С. М. Мыльников), писавшие свои мемуары не для публикации, а «для своих близких, для детей и внуков». Как представляется, подобная литература должна стать один из объектов регионалистики — нового складывающегося направления, изучающего тексты, отражающие местную тематику (природную, историческую, социальную, культурную), особенности диалектной речи. В кни-

² Рытова Т. А. Поэтика «поколенческого» сюжета в романе А. Иличевского «Математик» // Вестник Томского государственного университета. — 2014. Вып. 381. С. 42–51.

³ Арнаутов В. С. Мы — пудинцы! Очерки по истории и современности Пудинской округи. — Кемерово: РПА «РЕКТАЙМС», 2020. — 408 с.; Мыльников С. М. С надеждой на будущее. На память внукам моим. Воспоминания. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. — 254 с.; Шаг навстречу прошлому — Томск: «Красное знамя», 2020. — 208 с.

гах много места отводится воспоминаниям жителей сибирских сел, записанных с сохранением черт устной речи, включающей лексику старожильческих говоров среднего Приобья, обозначающую помещения (*денник*), сельскохозяйственные орудия труда (*волокуша*, *лобогрейка*), одежду (*бродни*), предметы быта (*завозня*). «Поколенческий сюжет» реализуется в анализируемых произведениях уже на уровне названий, подчеркивающих связь времен (прошлого и будущего), осуществляемую автором: «С надеждой на будущее», «Шаг навстречу прошлому». Изданные книги могут послужить источником для изучения региональной идентичности, что также отражается в их названии («Мы — пудинцы»). В приведенных повествованиях отчетливо прослеживается противоречивость отношения авторов к своей малой родине. Прежде всего, она воспринимается и оценивается позитивно, эмоционально возвышенно, как место, связанное с детскими и юношескими годами. С большой любовью описывается природа, увлечение охотой и рыбалкой и т. д. Вместе с тем авторы стремятся передать боль воспоминаний своих родителей, подробности их тяжелого прошлого, ощущая ответственность перед будущим поколением.

Таким образом, поле диалектологических исследований может быть расширено за счет изучения региональной мемуарной литературы, включающей в том числе воспоминания и автобиографические рассказы диалектоносителей.

Л. А. Дмитрук (Кострома)

Лексические средства выражения разговорности в драматургическом тексте: диалектизмы у А. Н. Островского

Одной из актуальных проблем современного языкознания является изучение источников формирования лексического фонда нового русского литературного языка, который сложился в XIX в. в значительной мере на народно-разговорной речевой основе и до сих пор продолжает активно взаимодействовать с устными формами

существования национального языка — диалектами, жаргонами, просторечием. Непрерывные процессы лексико-стилистической перегруппировки, происходящие внутри словарного фонда, требуют постоянного наблюдения за разговорным узусом. Письменными источниками, где с наибольшей степенью достоверности воспроизводится живая разговорная речь носителей языка определённой исторической эпохи, являются драматургические тексты. Речевая ткань драматического произведения, построенная на диалоге, сориентированная в первую очередь на зрительское, а потом уже на читательское восприятие, представляет собой практически документальное воссоздание практики устного общения носителей языка современного автору исторического времени.

Так, в пьесах А. Н. Островского, драматурга, чья жизнь и творческий путь тесно связаны с костромским краем, северорусской диалектной традицией, персонажами являются мелкопоместные дворяне, купцы, мещане, крестьяне. Здесь отражена стихия разговорной речи жителей провинциального города, основу которой составляют общеупотребительные языковые единицы с включением регионально маркированных слов и выражений, характеризующих различные стороны повседневной жизни горожан. Это знаменательная лексика, обнаруживающая отступления от нормы на всех языковых уровнях: фонетическом (*енерал, лыцарь, проклажаться, сумлеваться* и др.), грамматическом (*меланхолиев, утоплюся, яблоков* и др.), словообразовательном (*сертучишко, помышление, убыль* и др.), лексическом, с заметным проявлением локальной окрашенности слов (*али, давеча, надоть, намедни, нешто, накось, наперёд, напраслина, окромя, особливо, сволочить, ужсо, хоша* и др.), фразеологическом (*балалайка бесструнная, балясы точить, громом ошибло, разве (с ним) сговоришь, поставлю на своём, хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю* и др.).

Так, слово *наме'дни* в комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» употребляется в значении ‘на днях’: «*Барабошев. <...> Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафит “Шато ля роз”, новый сорт, смягчит грудь и приятные мысли производит*» [Островский]. Данная лексема приводится с таким же значением ‘недавно, на днях’ без специальных стилистиче-

ских помет в [СРЯ XVIII: 13, 237]. В словарях же XIX в. наречие *наме'дни* дается в сопровождении пометы *Простон.* <ародное> и значением 'за несколько времени перед сим' [Сл1847: II, 382], либо в ряду диалектно ограниченных синонимов, как это представлено в словаре Даля: «*Наме'дни, наме'днись, наме'сь, наме'днича* нар. *Надысь, ногдысь, анадысь, номнясь, ономя, онаме'дни; недавно, незадолго, считая не часами, а днями (оными дни), даве*» [Даль: II, 365]. Думается, что рассматриваемое наречие уже в середине XIX в. стало перемещаться на периферию национального языка и уже во времена Островского воспринималось как локализм, в отличие от языка XVIII в., где слово *наме'дни*, судя по данным СРЯ XVIII, было стилистически нейтральной лексемой, как просторечное слово расценивался только его вариант *наме'днись* [СРЯ XVIII: 13, 237].

В словарях современного русского языка слово *наме'дни* приводится с семантикой 'недавно, на днях' и пометами *устар.* и *прост.* [МАС, II, с. 370]. В народных же говорах оно намного более продуктивно. В СРНГ указано четыре значения этого слова: 1. 'вчера' *Волог., Пск., Новосиб.*; 2. 'позавчера' *Пск., Смол.*; 3. 'в прошлом году' *Калин., Костром.*; 4. 'в настоящее время, нынче, сегодня' *Том., Иркут., Вят., Пск.* [СРНГ: 20, 31–32]. Однако эти семантические данные, как обладающие большей конкретикой, далеки от дефиниции лексемы, представленной в словарях русского языка XVIII–XIX вв. В современных костромских говорах слово *наме'дни* употребляется в своём исторически закреплённом значении 'недавно, на днях, несколько дней назад', без указания на определённый хронос [Ганцовская 2015: 226].

Таким образом, лексема *наме'дни* во временной перспективе подверглась ряду трансформаций: из сферы литературного языка переместилась в сектор разговорно-просторечной лексики, а на современном этапе в большей степени характеризует речь диалектоносителей. Драматургический текст, представляя собой фокус речевого узуса эпохи, при диахроническом подходе помогает оценить семантические и стилистические трансформации лексем, понять их роль в становлении русского литературного языка, формировании словарного фонда языка национального.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречья Костромы и Унжи. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. — 512 с.
- МАС — Словарь русского языка: в 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988.
- Островский А. Н. Правда — хорошо, а счастье лучше // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. — М.: ГИХЛ, 1960. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0174.shtml (дата обращения: 29.06.2021).
- Сл1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка. В 4 тт. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. — СПб.: Наука, 1984–2015.
- СРНГ — Словарь современных русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–44. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2011.

Л. Н. Донина (Санкт-Петербург)

Говор казаков-уральцев в современном Каракалпакстане¹

Народные говоры во всех регионах испытывают давление разнонаправленно действующих языковых и экстралингвистических факторов. В октябре 2019 г. удалось осуществить экспедицию для обследования диалекта, почти полтора столетия существующего в экстремальных условиях. В окрестностях г. Нукуса с 1874 г. проживало 7000 высланных на берега Амударьи яицких казаков. Этнографы и лингвисты, изучавшие их жизнь и говор в 1943 и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00415 «Сводная русская диалектная лексикография: проблемы и перспективы».

1945 г. (Е. Э. Бломквист), в 1957 г., 2014 г. [Агеева, Данилко 2016], установили, что казаки в условиях двуязычия «хорошо сохранили основные черты своего диалекта» [Малеча 2002–2003, т. 1, с. 7]. К иноязычному окружению добавились экологическая катастрофа, политические, этнические, экономические бедствия.

В Каракалпакстане в 2019 г. существовали две старообрядческие общины уральцев (около сотни человек). В хокимияте (оргane власти) Турткульского района работает одна из представительниц этой культурной общности, она организовала встречу с уральцами, проживающими в г. Беруний. Гликерия Долинина, возглавляющая эту общину, связала нас с уральцами из поселка Респo и близлежащих населенных пунктов.

Потомки казаков-уральцев сохраняют веру и по мере возможности порядок богослужения и жизненный уклад (обозначается глаголом *держать*: *Своё держим. Они там [в Калаче-на-Дону] держут ещё. Евдокия живёт в Казахстане... держит она. В день Пасхи ходим крестосоваться, кто знаем, обычай держим. Обряды содержим*). Равняются при этом на прошлые поколения: *Крутовёры, не мешались, крепкие. Крутовёры уральцы были, крутые были на веру*.

Все информанты активно используют лексику, связанную со старообрядчеством: *Лёстовка, бубёшки, бубенцы́, алилу́йи — три последние большие бубешки. Когда по лестовке молимся, 13 лестовок вымаливаешь; Смерто́вая одежда — чешки, надо лапти, вязали сами, чулки самодельные шью, произносишь Святы́й Боже, разговаривать нельзя; Самое главное, мама говорила, чтобы мне упрáвиться ('быть подготовленным особыми обрядами к смерти'). Неупрáвленный человек, за него нельзя молиться, к нему не идут на похороны, если умер так, что не успели дать попить святой воды*.

Фонетические и морфологические черты диалекта уральцы помнят (замена [с] на [ш]: *Говорили — п̄шкака́ли на рыбалку наши чабаки*; переход ударного [е] в [а]: *Дя́вки, жрать хотим*; формы вопросительного местоимения: *Чаво́-чаво́ ты сказала?*), но редко используют в речи: *«Орёшь» — плачешь. Пришли навестить старенькую, раньше в соседях жили: «Чё ты орёшь?» — «Не знаю чё орю, орю да орю»*.

Употребляемая старообрядцами лексика частью отмечена в [Малеча 2002–2003] как уральская, фиксировавшаяся в Нукусе (а), частью отмечена, но не отнесена к этой территории (б), частью отсутствует в словаре (в). *Сарафáн с галунцáми наш, чёрная земля, старинный атлáс, весь двойной. Боры́ — складочки сзади делают, сарафан праздничный с борами. Волосн́ик, сверху сорока, сверху платок.* Слова *галунéц, соро́ка* имеются в словаре Н. М. Малечи без указания на бытование в Нукусе (б), *боры́* — распространенное диалектное слово, не отмечено в уральских словарях, но скорее всего привезено на Амударью (называют *Дарья́*) с р. Урал (в), лексема *волосн́ик* зафиксирована с пометой о том, что встречается в Нукусе (а).

То же можно сказать и о бытовой глагольной лексике, например относящейся к приготовлению пищи: *С рыбой варили вареники, кладёшь начинку, потом залипаешь, рыбу отвариваешь, выбораживаешь друшлаком её.* Глаголы *залипáть, выбра́живать* уральские, они зафиксированы в словаре [Малеча 2002–2003, т. 1]. Но бытование глагола *залипать* ‘залеплять, обмазывать, замазывать’ в Каракалпакии не отражено (б), все примеры его употребления относятся к строительно-ремонтной сфере (*Залипала, залипала печку, а всё итвалилось*), а не к области приготовления пищи. Глагол *выбораживать* внесен в словарь с атрибуцией «Нукус 1943» со значением, характерным для периода, когда основным занятием в общине еще было рыболовство: ‘вылавливать рыбу бреднем’ (*Тарындой выбраживают всю ямку*). Уральцы сохранили старый глагол, переведя сферу его употребления из терминов рыболовства в названия кулинарных процессов (в).

Изменение значений отмечается и у существительных: *Рубачи́ — капуста квашеная, добавляют туда арбуз кубиками свежий, подают на поминках;* ср. на р. Урал ‘изрубленные и посоленные арбузы и дыни’.

Сравнивая три временных среза наблюдения за говором, отметим, что лексика групп (а) и (б) свидетельствует о сохранности говора, (в) — возможно, о его развитии.

Словарь говора пополняется дериватами: в 1943 г. отмечено *гунáнчик* «тюрк., уменьш. к *гунан* — молокосос» [Бломквист 1972, с. 281], нами записано собир. *гунáнье* ‘маленькие дети’. До-

бавляются местные названия бытовых вещей, продуктов (*кисáйки* ‘пиалы’, *маи́ава* ‘сухой маш — вид бобовых, распространенный в Средней Азии’) и др.: *Саргаза́, пострéлиха* — *шустрая девочка, быстро всё делает. Саргаза́* — искажённое «серые глаза», по-каракалпакски *сары кёз* — «светлоглазый», «сероглазый». Как видно из последнего и многих других примеров (*У нас мак не говорят, называют сéмя*), информантам свойственна развитая языковая рефлексия.

Присутствуя на праздниках и молениях, беседуя с уральцами, мы смогли предварительно оценить говор как сохранный. Главным итогом поездки считаем договоренность о посещении семей казаков-уральцев следующими экспедициями.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е. А., Данилко Е. С.* Казаки-уральцы — этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане (материалы полевых исследований). Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 249.
- Бломквист Е. Э.* К вопросу о двуязычии и тюркских заимствованиях в языке «уральцев» амударьинского оазиса (из наблюдений этнографа зимой 1943/1944 г. / Подгот. текста Н. И. Андреевой-Васиной и Д. С. Насырова // Сборник МАЭ. Л., 1972. Т. XXVIII. С. 265–301. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxviii/.
- Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург, 2002–2003.

Л. А. Дубцова (Томск)

Атрибутивные конструкции с лексемой *время* в Томском диалектном корпусе

Время, наряду с пространством, принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания и является существенным элементом любой картины мира. Изучение представлений о вре-

мени носителей традиционной народно-речевой культуры очень важно, поскольку диалекты выступают субстратом национально-мировидения, отражая национальную специфику в наиболее целостном виде.

В данном исследовании анализируются атрибутивные связи лексемы *время*. В качестве основного источника использовался Томский диалектный корпус. Материалом исследования послужил авторский подкорпус, включающий 378 текстовых фрагментов, содержащих атрибутивные конструкции с лексемой *время*.

Среди наиболее частотных выявлены атрибутивные конструкции, характеризующие природное время, которое состоит из двух циклов: годового, связанного со сменой сезонов года и месяцев, и суточного, заключающегося в чередовании восходов и закатов солнца. Конструкции представлены сочетанием лексемы *время* с прилагательными или с беспредложными формами существительных в родительном падеже: «*В летнее время бродни носили, чартки!*. Сапог мало у кого были. Бродни намажешь дёхтем и вымажет в церкви какой бабе юбку, ох крику-то». Годовой цикл регулирует хозяйственный быт и трудовую деятельность крестьян, для каждого вида работ существует специально отведённое для этого время. Особое назначение времени подкрепляется прилагательными *удобный, специальный, назначенный, отведённый*.

Суточный цикл также оказывает влияние на трудовую деятельность старожил: традиционно работы начинались с восходом солнца, а завершались на закате. Однако для некоторых видов деятельности более подходящим является ночное время.

Время как физическая величина характеризуется *однонаправленным движением* от прошлого к будущему. Прошрое в большинстве случаев получает отрицательные оценки: *плохая время, лихое, худое, суровое, трудное, тяжёлое, тёмное, нехорошее время*. Настоящее связывается с улучшением уровня жизни, появлением новшеств в пищевой культуре и оценивается положительно.

Атрибутивные конструкции используются диалектоносителями также с целью характеристики социального времени, которое воспринимается человеком как последовательность отграниченных друг от друга социальных событий или социальных состоя-

ний. Выделяются глобальные периоды, актуальные для общества в целом: война, смена общественно-экономических формаций, исторические вехи развития государства, этапы развития общества.

Основным способом проведения времени для жителей села является физический труд, занимающий ключевую позицию в системе ценностных ориентиров. Некоторые наименования крестьянских работ характеризуются с помощью атрибутивных конструкций с лексемой *время*: рыбалка, покос, сеноуборка, хлебоуборка, ремонт.

Атрибутивные конструкции указывают на ценностные ориентиры информантов и способствуют выявлению значимых временных отрезков, в их числе мирное время, работа, сфера прошлого.

С. В. Дьяченко (Москва)

Гласные непереднего ряда после мягких согласных в архаическом южнорусском говоре

Доклад посвящён характеристике звуков, реализующих в позиции после мягких согласных перед твёрдыми гласные фонемы непереднего ряда /a/ и /y/ в ударном слоге, а также фонемы неверхнего подъёма и /y/ в первом предударном слоге. Рассматривается длительность и качество этих звуков, выявляются различия между ударными и предударными гласными.

Материалом для анализа послужили аудиозаписи говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области.

Под ударением после мягких согласных фонемы /a/ и /y/ реализуются дифтонгами с *и*-образной начальной зоной. Дифтонг [иа] имеет среднюю длительность 173 мс, дифтонг [иу] — 154 мс. При этом переходная *и*-образная часть, как правило, отчётливо выражена. *И*-образная часть наблюдается после мягких согласных перед гласными непереднего ряда и в литературном языке, длительность её по отношению к общей длительности всего звукотипа составляет обычно от 15% [Князев 2006: 46] до 18% [Кузнецова 1965: 20].

В говоре Роговатого длительность этого участка в словоформах вне фразового акцента также составляет 15–18% от длительности всего гласного, однако в словоформах под фразовым акцентом, когда имеет место общее удлинение гласного, он составляет обыкновенно приблизительно 40% от общей длительности [иа] и около 20% от длительности [иу].

Ударный дифтонг [иа] состоит из двух частей: *и*-образная часть плавно переходит в *а*-образную. *И*-образная часть характеризуется следующими значениями первых двух формант: F1 450 Гц; F2 2650 Гц; *а*-образная часть — следующими значениями: F1 750 Гц; F2 1550 Гц.

Ударный дифтонг [иу] также состоит из двух частей: *и*-образная часть плавно переходит в *у*-образную. *И*-образная часть характеризуется следующими значениями первых двух формант: F1 450 Гц; F2 2450 Гц; *у*-образная часть: F1 450 Гц; F2 1100 Гц.

В первом предударном слоге после мягких согласных фонемы неверхнего подъёма, в соответствии с диссимилятивным принципом, совпадают в нескольких разных звуках в зависимости от гласного под ударением. Это могут быть звуки переднего ряда [е] и [и] (так называемые «краткие» аллофоны фонем неверхнего подъёма, наблюдающиеся перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов) и неоднородный звук [еа] («долгий» аллофон фонем неверхнего подъёма, наблюдающийся перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов). Гласная фонема верхнего подъёма /у/ в первом предударном слоге после мягких согласных, вне зависимости от ударного гласного, реализуется неоднородным звуком [иу]. Средняя длительность предударного [еа] — 143 мс, длительность предударного [иу] — 88 мс.

Предударный [еа] — это звук, на протяжении звучания которого существенно меняются значения его первой и второй форманты: F1 — от 550 Гц в начале звучания до 900 Гц в конце, F2 — от 2350 Гц до 1900 Гц. Таким образом, *е*-образный в начале звучания гласный к концу преобразуется в *а*-образный. Однако чёткую границу между *е*- и *а*-образными частями провести сложно, между ними существует очень плавная переходная зона (можно сказать, что весь звук — это переходная зона), поэтому точно измерить

формантные значения *e-* и *a-*образной части такого звукотипа затруднительно, а обозначение его как дифтонга является в определённой степени условностью.

Предударный [иу] также неоднороден, и в нём сложно выделить более или менее стационарные *и-*образную и *у-*образную зоны. Значения F1 меняются от 400 Гц до 450 Гц, а значения F2 — от 2400 до 1550 Гц.

Таким образом, предударные гласные являются более передними, чем ударные (их F2 в среднем выше на 350–450 Гц), что, по всей вероятности, обусловлено их меньшей длительностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. — М.: Изд-во Макс-Пресс, 2006. — 226 с.
- Кузнецова А. М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. — М.: Наука, 1965. — 78 с.

М. Ю. Евстигнеева (Москва)

Интонационное оформление фраз с семантикой завершенности в одном севернорусском говоре

На особое интонационное оформление в севернорусских говорах обращали внимание многие исследователи; среди них П. С. Кузнецов [Кузнецов 1949], Т. М. Николаева [Николаева 1977], Р. Ф. Пауфошима [Пауфошима 1983, 1989]. Северная речь часто характеризуется как монотонная, так как в ней наблюдается пословное оформление, в некоторых случаях без фразового акцента. Китайцы, послушав экспедиционные аудиозаписи, даже назвали услышанную речь тоновой.

Р. Ф. Пауфошима в одной из своих работ [Пауфошима 1989] описывала интонационное оформление фраз с семантикой завершенности в севернорусских говорах. Несмотря на то, что в данном исследовании акцент делался скорее на изменении регистра, в ра-

боте есть определённая классификация интонационных контуров, с которой пересеклись результаты моего исследования.

Для исследования мной была выбрана одна из экспедиционных аудиозаписей (около 40 минут), из числа собранных Л. Ю. Зориной, И. И. Исаевым, О. В. Никитиным, С. В. Шильниковской в Тарногском районе Вологодской области в 2012 году. Всего было размечено около 350 фраз.

В рамках своей работы я классифицировала фразы с семантической завершенности на основе тенденций движения основного тона. В результате были выделены два типа контуров, один из которых был разделён на два подтипа.

Для меня было важно движение тона на протяжении целой фразы. По этому параметру все контуры можно разделить на два типа:

1. Тон находится на одном уровне во всех словах, то есть в каждом слове наблюдается падение тона от начала к концу, колеблющееся в одном диапазоне.
2. В акцентированной словоформе, которая обычно находится в конце фразы, тон повышается на ударном слоге и на заударных слогах также продолжает расти. Это весьма необычное оформление фраз с семантикой завершенности, которое в литературном языке сопоставимо с ИК-4, в севернорусских говорах довольно часто встречается, например, в коротких ответах [Щигель 1985: 109].

Для типа 1 выделены два подтипа. Несмотря на то, что во всей фразе тон ровный: 1.1) фразового акцента может не быть вовсе; 1.2) в словоформе-акцентоносителе тон растёт до гласного ударного слога, а затем падает, в остальных словах фразы тон ровный.

Интонационный контур типа 1.1 является непривычным для носителя наддиалектного варианта русского языка. Именно для него характерно пословное оформление и «тоновость». Поскольку фразового акцента, привычного для носителя наддиалектного русского языка, нет, для этого типа стоит особо остро проблема определения границ фраз в северных говорах.

В свою очередь, контур типа 1.2 можно сопоставить с оформлением фразы литературного языка.

Результат данной работы заключается в том, что первоначальная разметка фраз была произведена без опоры на заранее определённую систему, таким образом было проверено соответствие интонационной системы, полученной в ходе анализа конкретного диалектного материала, уже описанным ранее контурам [Пауфощима 1989]; исследуемый говор встраивается в данное описание.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецов П. С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. 1. — М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. — С. 5–44;
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. — М.: Наука, 1977. — 278 с;
- Пауфощима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. — М.: Наука, 1983. — 110 с;
- Пауфощима Р. Ф.* Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров) // *Славянское и балканское языкознание*. Просодия. — М.: Наука, 1989. — С. 53–64;
- Щигель Е. В.* Особенности интонационной организации фразы в некоторых северно-русских говорах // *Диалектография русского языка*. — М.: Наука, 1985. — С. 102–111.
-

М. В. Ермолова (Москва)

Некоторые особенности перфектных и плюсквамперфектных форм в истории русского языка в свете диалектных данных (на материале говора Опочецкого района Псковской области)

Как известно, русским западным говорам свойственно особое употребление (дее)причастных форм. Прежде всего, речь идет о так называемом «новом» перфекте, который образуется с помощью причастий на *-и/-ви-* и на *-н/-т-*. Кроме того, (дее)причастия

в этих говорах отличаются от причастий и деепричастий в литературном языке по ряду других синтаксических и морфологических признаков. Анализ современных диалектных систем в сопоставлении с данными письменных памятников позволяет пролить свет на некоторые вопросы, касающиеся истории развития в русском языке как перфектных и плюсквамперфектных форм, так и причастий вообще.

В докладе будет анализироваться функционирование (дее)причастных форм в речи носителя опочецкого говора Псковской области Е. Г. Федоровой, 1929 г.р. по 4,5 часовой записи, сделанной в 2019 г. в д. Сорокино. Полученные данные будут сопоставляться с летописным материалом.

0. (Дее)причастные формы в речи Е. Г. Федоровой употребляются в нескольких функциях:

- в функции перфекта¹: *Вы по делам явилиши*;
- в функции глагольного обстоятельства при одном субъекте главного и второстепенного действия: *Сколько задав их, косилиши*;
- в функции глагольного обстоятельства при различающихся субъектах главного и второстепенного действия: *Садится скорее, никто не селши, есть*;
- в функции атрибута: *Яблоко расколоши висеть*.

Аналогичные функции предполагаются в [Скачедубова 2018; Ермолова 2020] и для *-л-*формы в летописном нарративе. Таким образом, ситуация в современных говорах наглядно демонстрирует, как одна форма может употребляться в качестве и результативной формы, и обстоятельства, и атрибута, и позволяет реконструировать аналогичный процесс, происходивший некогда с *-л-*формой.

1. Е. Г. Федорова использует две формы, каждую из которых в научной литературе принято называть плюсквамперфектом: «*быть* в пр. вр. + причастие на *-ви/-и-* или *-н/-т-*» и «*быть* в пр. вр. + *-л-*форма». Несмотря на одинаковое название, место этих форм в системе прошедших времен принципиально различно: они имеют

¹ Образование и типы перфектных форм подробно описаны в [Дьяченко и др. 2019].

разную семантику, являются членами разных грамматических категорий. В докладе будет обсуждаться, как два плюсквамперфекта соотносятся друг с другом, отличается ли значение и место в системе сочетания *быть* в пр. вр. + *-л-*форма в говорах, в которых отсутствует «новый» перфект. Будет поднят вопрос о том, что в научной литературе данные формы должны быть разведены терминологически.

2. Один раз Е. Г. Федорова употребляет форму «*быть* в пр. вр. + причастие на *-ви/-ш-*» «вместо» формы сослагательного наклонения: *Я разби́ли была, если б не ты нати́рания*. Аналогичный контекст зафиксирован в [Дьяченко и др. 2018: 295]. Представляется, что такие примеры нужно рассматривать в рамках типологически известного перехода плюсквамперфектного значения в ирреальное, являющегося причиной эволюции, согласно гипотезе Д. В. Сичинавы, некогда плюсквамперфектной формы типа «аорист глагола *бути* + *-л-*причастие» в форму сослагательного наклонения [Сичинава 2013].

ЛИТЕРАТУРА

- Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Мальшева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в Опочечкий район Псковской области // Русский язык в научном освещении. № 2 (36). М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 257–313.
- Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В. Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 22. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.). М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 213–229.
- Ермолова М. В. О соотношении *-л-*форм и причастий на *-ви-* / *-вш-* в древнерусском языке // Вопросы языкознания. Вып. 3, 2020. С. 78–100.
- Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Скачедубова М. В. Об интерпретации *-л-*формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях // Вопросы языкознания. Вып. 5. 2018. С. 64–76.
-

С. С. Земичева, А. А. Васильченко,
Л. А. Дубцова (Томск)

Текстовая разметка Томского диалектного корпуса: количественные результаты¹

Создание корпусов диалектной речи относится к числу актуальных задач современной лингвистики [Крючкова, Гольдин 2011; Качинская 2011]. Проект создания Томского диалектного корпуса (далее ТДК) начат в 2011 г., когда была предложена общая концепция ресурса [Юрина 2011] и началась подготовка материалов, их перевод в машиночитаемый формат. Сейчас проект предполагает наличие нескольких модулей: 1) текстовый (доступ к аудиозаписям и их расшифровка, текстовая разметка); 2) грамматический (разметка по частям речи и морфологическим характеристикам); 3) лексикографический (толкования диалектных слов).

Рассмотрим подробнее текстовый модуль корпуса. «Текст» в ходе работы понимается как расшифровка одной беседы диалектоносителя с собирателями. На момент подготовки тезисов в ТДК входит 2659 текстов, его объём — более 2 500 000 словоупотреблений.

Текстовая разметка предполагает маркирование трёх параметров: тип, тема, жанр текста. Данные виды разметки выполняют двойную функцию: во-первых, отражают специфику диалектной коммуникации; во-вторых, упрощают сбор материала для исследователя.

Общие характеристики текстовой разметки в ТДК:

- 1) выполняется вручную;
- 2) единица разметки — текстовый фрагмент (одно или несколько высказываний);
- 3) иерархичность (макротемы и темы, виды жанров и жанры);
- 4) вариативность (возможность одному отрезку текста приписать несколько тематических или жанровых меток);

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00320 «Томский диалектный корпус как новый ресурс для изучения народной речевой культуры».

- 5) цикличность (осуществляется на основе перечня, который в ходе работы может уточняться, детализироваться).

Тематический список включает 77 пунктов. В результате реализации тематической разметки в диалектных текстах выделено более 30 000 тематических фрагментов. Наиболее частотны среди них следующие: «Семья и родственники» (встречается в 1222 текстах), «О себе» (1125), «Язык и речь» (934), «Еда» (820), «Условия жизни» (752), «Выращивание растений» (747), «Одежда и обувь» (741), «Болезнь» (735), «Выращивание животных» (662), «Дом и усадьба» (654). Эти цифры отражают типичные «зоны актуального внимания» сельского жителя (по В. Е. Гольдину).

Перечень жанров насчитывает 58 пунктов, включает фольклорные и речевые жанры. В текстах корпуса выделено более 16 000 жанровых фрагментов. Наиболее частотны информативные (8379 фрагментов), оценочные (3475), императивные (2276) речевые жанры, реже встречаются жанры фольклора (527) и ритуальные речевые жанры (467).

Количественный анализ речевых жанров позволяет сделать следующие наблюдения. Соотношение позитивно оценочных и негативно оценочных речевых жанров примерно равное и меняется в процессе пополнения корпуса. При этом оценка чаще направлена на внешний мир (1697 фрагментов), других людей (1080), реже актуализируется самооценка (332). Среди негативно оценочных речевых жанров чаще встречается порицание, которое даётся заочно, чем упрёк, высказываемый «в глаза» (437 и 131 фрагмент соответственно). Среди фольклорных жанров наиболее востребованы пословицы и поговорки (178).

ЛИТЕРАТУРА

- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Бекасово, 25–29 мая 2011 г. М., 2011. Вып. 10 (17). С. 359–367.
- Качинская И. Б. Диалектный подкорпус НКРЯ. Новый стандарт подачи. Новое рабочее место // Русская устная речь: Материалы междуна-

родной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.). Саратов, 2011. С. 239–248.

Юрина Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 58–63.

Л. Ю. Зорина (Вологда)

Ещё раз о диалектных благопожеланиях (на материале говоров Усть-Кубинского района Вологодской области)

Усть-Кубинский район Вологодской области расположен на восточном побережье Кубенского озера. Четыре экспедиционных поездки последних лет (2016–2019 гг.) убеждают в том, что диалекты этой местности вполне сохранны.

У старшего населения устьянской территории выработаны определённые речевые реакции на такие реальные, прагматические ситуации, как встреча на улице, встреча у бани, посадка лука, копка картофеля и под. Эти реакции традиционны, строго регламентированы, практически ритуальны: люди знают, что и в какой ситуации надлежит (или, точнее говоря, надлежало раньше) сказать, и обычно следуют сформировавшимся традициям. И нужно сразу же отметить высокую культуру общения жителей изучаемой местности.

Участниками экспедиций зафиксировано употребление нескольких благопожеланий. Термин *благопожелание* в толковых словарях русского языка отсутствует. А факты в живой народной речи есть, они многочисленны. Благопожелание, по словам Н. И. Формановской, представляет собой очень важный концепт русского социального мироустройства [Формановская 2011: 69]. Благопожелания в крестьянской коммуникативной культуре сейчас

продуктивно исследуются диалектологами Арзамаса, Вологды, Екатеринбургa, Орла, Рязани и других центров.

В усть-кубинских говорах тому, кто занимается полосканием белья в открытом водоёме, говорят *Беленько!* Это благопожелание частотное. Звучит оно обычно в варианте *Биленько!* В селе Никольском одна девушка пожелала женщине *Бог в помощь!*, но та её поправила, сказав, что в этой ситуации следует говорить *Биленько!* В других вологодских говорах в такой ситуации используются иные формулы: *Беленько мыть (намыывать, стирать, бучить)!*, *Бело на платье (платьице)!*, *Набело Бог (в) помощь!*, *Начистенько!*, *Чайки летят!* и мн. др. Как видим, чистота белья часто ассоциируется с белизной оперения птиц, при этом используются и яркие, метафорические, символические благопожелания.

Тому, кто стрижёт овцу, на усть-кубинской территории желают успеха (желали? — сведения собираем у старших жителей) репликами *Дай вам Бог не последний клок!*, *Шёрстка на шёрстку!*, *Сам пят!* Поясним эти факты. Первое выражение означает пожелание, чтобы шерсти было много, чтобы в хозяйстве не переводились овцы. Второе выражение — пожелание шерсти хорошего качества, такого, чтобы шерсть не была комковатой, спутанной, загрязнённой, а была ровной, как говорится, волосинка к волосинке. Третьей формулой — *Сам пят!* — желают, чтобы за год овечка дважды родила по два ягнёнка, а сама оказалась пятой. В ситуации стрижки овцы в других говорах регистрируем выражения *Бурак (корзину, короб, полные короба, пестерь) шерсти!*, *Готовь три короба!*, *Пуд шерсти!*, *Шерсти угол!*, *Шёрстки гора встречу!*, *Дай Бог тебе шубу (шубку)!*, *Руно шерсти!*, *На большое (полное) руно!*, *Полного руна!*, *Приходи сама третья!*, *Тёплые валенки да рукавицы!*, *Шерсть — нитки!*, *Пух под ножницы!*, *Шелкова волоса!*, *Шерсть на шерсть!* и др.

Тому, кто доит корову, в устьянских говорах желают *Струя в руку!*, *На густой вершок!*, *Вершок в палец!* *Струя в руку!* — это пожелание лёгкого, удобного доения. *На густой вершок!*, *Вершок в палец!* — пожелания надоить молока высокой жирности: *вершок, вершки* — это ‘отстоявшийся верхний слой молока’. В других вологодских говорах ситуация доения коровы тоже породила благо-

пожелания. Их множество, но они другие: *Море под коровой!*, *Под коровой море, река молока!*, *Море под кормилицей!*, *Море в-под кормилицу!*, *Море под ногами!*, *По морю в подоенку!*, *Река молока, озеро сметаны, гора творога!*, *Молочная река!*, *Ведро молока!*, *Лейся, молоко, рекой!*, *Молоко мёдом!*, *Молоко в руки!*, *Морем доить!*, *Чище выдоить!*, *Доить не передоить!*, *К удобью!*, *Дай Бог на полный подойник!* и др.

Такое многообразие формул заставляет думать о том, что в говорах Усть-Кубинского района пока ещё зафиксировано не всё.

Тому, кто режет скотину на мясо, говорили *Репа мясо!* Это выражение записано в 2017 году в селе Заднее. Проверка по словарям показала, что оно, по записям 1873 года, отмечено в сибирских говорах: *Репа мясо!* — пожелание, чтобы мясо было плотным, как репа, и вкусным: *Мяснику, когда он разнимает тушу, говорят — Репа мясо! А он — Режь да ешь!* [СРНГ, вып. 35, 2001: 65]. *Мать учит: А ты бы сказал: Репа мясо! Дай тебе, Господи, этим заговеться, этим в Христов день и разговеться* (свердл.) [там же]. Упоминание *репы* здесь неслучайно: свежая, плотная репа сладковата, приятна на вкус. Качество мяса ассоциируется с качеством репы.

Ситуация забоя животного порождена самой жизнью. Она сложна для психического восприятия, вызывает у людей неизбежный стресс. В этой ситуации в других говорах родились образные, метафорические благопожелания: *Мясо — сахар!*, *Сахар — мясо!*, *Мясо сахарное!*, *Сахар да мясо (вам)!*, *Мясо — сало!*, *Репа — сало!*, *Ведро сала!*, *Спорина в мясо!*

Благопожелания обычно функционируют в составе диалогических единств: за этикетной формулой приветствия, благопожелания следует ответная реплика, слова благодарности: *А скотину режут, дак «Сахар — мясо!» говорят. А он отвечает: «Цапай горстью!»* (Сямж. Монаст.). *«Мясо — сахар!» — «Сцапай горстью!»* (К-Г. Плоск.). В процессе полевых исследований нами зафиксированы такие ответы: *Цапай (сапай) горстью!*, *Сцапай горстью!*, *Проходи, отведай!*, *Режь да ешь!*, *Мясо — сало!*

В использовании благопожелательных формул, связанных с трудовыми процессами, в деревенском социуме проявляется стратегия доброты, участливости, утончённой вежливости.

В использовании приведённых фактов реализуется очень значимая эстетическая функция языка, согласно которой общение должно быть красивым, должно приносить людям удовольствие.

ЛИТЕРАТУРА

Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография — Вологда: ВГПУ, 2012. — 216 с.

Формановская Н. И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета // Речевое общение: специализированный вестник. Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2011. Вып. 12 (20). С. 69–76.

Е. Н. Ильина (Вологда)

Вербализация представлений о региональной идентичности в борбушинском говоре¹

Феномен региональной идентичности, то есть системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием «малая родина», составляет актуальную проблему современного гуманитарного знания. Воспринимая регион как *своё* социокультурное пространство, носитель территориального варианта языка осмысливает внутри этого пространства свой жизненный опыт, реализуя когнитивную, ценностную, эмоциональную и регулятивную составляющие региональной идентичности². В процессе изучения

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской области)»

² Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. — № 5. — С. 42–50.

речевой культуры Белозерья на материале говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области мы обратили внимание на особенности вербализации представлений жителей деревни о себе как о жителях определенной местности. Источником речевого материала стали записи бесед с информантами, а также тексты мемуарного характера из архива семьи Татауровых / Шабровых / Мышиных.

Вполне закономерно, что основу речевой репрезентации региональной идентичности составляют местоимения и их производные, указывающие на локализацию каких-либо предметов и явлений в сфере непосредственного нахождения субъекта речи: *Я тутюшня, с тридцать первого года живу здия; Этта родились да жись прожили, дак отсюлешные и есть*. Это также производные существительные, прилагательные и наречия, внутренняя форма которых эксплицирует региональную идентичность как в широком, так и в более узком понимании: *Мы, северные, не больно языком-то треплем; По-вологодски, слышу, говорит, окает — дак наш парень-то, местный; Белозёры-те народ крепкий; С борбушинскими на гулянке дак никто сладить не мог; Суседушка она моя, обе подгорушенки, избы-те рядом стоят*.

Когнитивная составляющая региональной идентичности может быть выявлена в высказываниях о природных особенностях родной деревни (*Борбушинское озеро было, дак заросло, пруд теперь, как на ферму-то идти*), истории её заселения и существования в различные исторические периоды (*Сначала-то деревня была не тут, у Глиняного отвода — там ещё, поди, колодцы видать, а потом, как, говорят, чума-то прошла, дак перешли жить сюды*), специфике расположения объектов деревенской инфраструктуры (*Много уж нет. У Гришиного дома часовенка была, за ним маслобойня, дак уж и знатья нет!*), традиционных занятиях жителей (*Акимовна вон на краснах половики ткала, а другие бабы вон кружки крючкам вязали*), народных обычаях (*Возле Ильина дни к борбушинским дальние на гулянку шли — наш был праздник*) и пр. Когнитивный каркас региональной идентичности создают микро-топонимы (*Пойдёшь, дак Колотильница, потом на Ступы, потом к Лешему по дорожке*), а также имена, прозвища и фамилии искон-

ных жителей деревни (*Олёха Жук, ну, так-то Алексей Михалыч, фамилия Полин, а мы дак всё звали — Олёха Жук*) в противоположность именам пришлых, «чужих» людей (*Штё и за имя-то такое — Тареза? Вон, в Белоусово баба пришла да живёт*).

Ценностный аспект региональной идентичности обнаруживает себя в речевых фрагментах, определяющих этический и эстетический эталон в понимании местных жителей: *Пол сноха моет не по-деревенски, вот мазнёт вехтем — ровно и не мыла! Борбушинские дак все светленькие, русые, а в город сойдёшь, дак всяких навидаешься*.

Эмоциональную составляющую региональной идентичности выражают тексты, маркирующие социальную солидарность земляков (*Ой, смотрю, Леушко на лошаде-то — наш, борбушинский, от обрадела, как свой-то по дороге попал!*) и, наоборот, некоторую настороженность по отношению к заезжим, незнакомым людям (*Вижу, какие-то идут к избе не наши — а пошто идут? Ну, думаю, если чего, дак вон в подпечке кочерга лежит*). Поведенческая сфера региональной идентичности вербализуется в высказываниях, определяющих повадки деревенской детворы (*Робятёшка дак зимой до мокрых портков катаются, и катаньки полные снега на-тащат*), типичные действия местной молодёжи (*Борбушинских дак никто побить не мог — ни Корела, ни Барщина!*) и взрослого населения (*Мазуриков да ворья в Борбушине не было, сейчас вон зимогоры понаехали на ферме работать*) в соответствии с местным эталоном социального взаимодействия.

Воспоминания о родной деревне, её бытовом укладе и культурных ценностях, актуализируются и в речи потомков жителей деревни, реализуя комплекс их представлений о «малой родине» и о себе как о борбушинских / вологодских / северных: *«Здесь другие люди — им всё ни по чём, а мы, северные, упёртые какие-то, мы другие!»* (Марина, 59 лет, Черногория); *«У нас с твоим отцом судьбы схожие: тяжёлое детство, учёба, у него училище и институт, у меня армия, потом техникум, институт и шахта; что он — лётчик, опасная работа, что я — тридцать лет под землёй; но мы оба всё равно борбушинские робята, вот что ни говори!»* (Виктор, 86 лет, Донецкая Республика).

Л. А. Инютина (Новосибирск)

Отражение пространства Сибири в картине мира носителей старожильческих говоров XVII века (на материале региональных исторических словарей)

Реконструкция пространственной картины мира и ее выражения в языке носителей сибирских старожильческих говоров в начальный период их формирования основывается на данных местных памятников письменности, а также материалах словарей и картотек. Объектом исследования в данной работе стали лексические единицы (ЛЕ), отобранные из трех сибирских исторических словарей (Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в., Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в., Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в.). Источниковая база словарей различается, поэтому совпадающие в словарях ЛЕ интерпретированы нами как свидетельство актуальности их семантики для выражения языкового сознания первых русских сибиряков.

В трудах по истории Сибири продолжается выяснение вопроса, что произошло в течение всего одного века: открытие, завоевание, покорение, присоединение, освоение этой территории? В работе решается задача когнитивно-семантического анализа глагольных и именных ЛЕ, обозначающих практическое и мысленное освоение сибирского пространства в XVII в.

В сибирских исторических словарях зафиксирована глагольная лексика, выражающая последовательность поисков и освоения новых земель: *досмотреть* 'приискать, присмотреть', *приискать* 'найти в результате поисков', *прилечь* 'примкнуть к чему-л., расположиться рядом с чем-л.', *прийти* 'расположиться близко к чему-л.'.

Является ли новое место «угожим» для русских первопоселенцев, оценивалось с точки зрения возможности жить на нем, устроить промыслы и какие именно. По данным словарей, повсеместно на территории Сибири в XVII в. употреблялись глаголы *пахать* (*пахивать, подпахивать, упахивать, выпахаться*), *косить*, *осе-*

литься 'поселиться, обосноваться', осесться 'занять территорию, расположиться, осесть где-л.', осечься 'огородиться, укрепиться', сажать 'селить где-либо для ведения хозяйства', сидеть 'жить, пребывать, находиться', ставить 'строить', рубить 'строить из бревен, дерева', \diamond рубить город. Семантика ЛЕ промыслить (промышлять, промысливать) ('добывать охотой'; 'заниматься ремеслом, каким-л. делом'; 'нападать, вести боевые действия') и ЛЕ промышленные люди концентрированно выражала цель и суть деятельности русских первопоселенцев в Сибири.

Характерно, что перечисленные глагольные ЛЕ называют процессы активного продвижения русских людей по новому неизведанному пространству или обозначают традиционно свойственные хозяйственному укладу Московской Руси процессы его созидательного освоения.

Номинативные пространственные ЛЕ, зафиксированные в исследуемых словарях, с семантической точки зрения представлены, во-первых, словами с обобщенной семантикой: *простор* 'наличие свободного места; свободное место'; *земля (землица)* 'край, область, местность'; *место* 1) 'пространство земной поверхности', 2) 'край, округа; местность', 3) 'определенное пространство, на котором можно что-л. расположить, поместить'. Во-вторых, это ЛЕ, значение которых, помимо сем 'место', 'природные свойства', 'характеристика рельефа', содержит еще сему 'хозяйственное предназначение': *заимка, займище, угодье, елань (ялань), веретя, наволок, кряж, кулига (кулижка), луг, гон, путик, ловля (ловлишко), \diamond рыбная ловля, \diamond рыбной лов, подскотина, поскотинный (скотинный, скотский) выпуск, (сенной) покос, пожня, пашня, пахота, роспашь, завод, промысел, лешня, зверовье, прииск, селитьба*.

Со словообразовательной точки зрения значительная часть этих пространственных наименований является глагольными производными, образованными с нулевым суффиксом, с суффиксами *-j(e), -н(я), -б(a), -к(a), -ищ(e), -от(a)*: *гнать* \rightarrow *гон*; *выпускать* \rightarrow *выпуск*; *зверовать* \rightarrow *зверовье*; *угодить* \rightarrow *угодье, угодный, угожий*; *лесовать* \rightarrow *лешня*; *селить* \rightarrow *селитьба*; *занять* \rightarrow *заимка, займище*; *пахать* \rightarrow *пашня, пахота* и др. Таким образом, проанализированная в работе пространственная лексика, повторяющаяся в словарях трех сибирских исторических словарей, отражает

особенности лингвистической сегментации внеязыковой действительности, а именно захватно-заимочный характер процесса освоения Сибири. Знаменательно, что глагольная лексика обозначает процессы активного продвижения русских людей на новой территории, ее созидательного освоения и именно эти ЛЕ являются словообразовательной базой значительной части номинативных пространственных ЛЕ (17 из 28 представленных в выборке). Антропоцентрический когнитивный подход к изучению исторической диалектной лексикологии XVII — начала XVIII века позволяет преодолеть трудности, обусловленные малой исследованностью общерусской и региональной истории старорусской лексики в рамках историко-культурного и структурно-системного подходов.

И. И. Исаев (Москва)

Опыт исследования качественно-просодической структуры многосложного слова в роговатовском говоре

В июне 2021 г. проведена учебная экспедиция студентов РГГУ и МГУ в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Говор этого села хорошо известен несколькими описаниями и размеченным корпусом. Структура архаического семифонемного вокализма, а также модель предударного вокализма на материале первого предударного слога в этом говоре хорошо описаны (см., например, кандидатскую диссертацию С. В. Дьяченко).

В современной русской диалектологии всё еще очень мало сведений о структуре «длинных» слов в типологически различных говорах, недостаточно ясна сама «формула слова» и её устройство: 11123̣/11113̣/1111́/31313̣́/1313́́. Экспедиционная группа пыталась обнаружить корреляцию долготы, силы и качества предударных гласных в словах с двумя, тремя и четырьмя предударными слогами после твёрдых согласных. Для достижения этой цели был составлен тестовый вопросник, в котором ударные гласные четырёх подъёмов (верхний, нижний, а также два средних) сопровождаются

двумя и более предударными слогами. Позиция после мягких согласных, комбинированные позиции с твёрдыми и мягкими предшествующими согласными, а также неприкрытый слог не включались в вопросник. Примеры слов из вопросника: *загрохотать, на сороковой, про собаковода, по борозде, за тракториста* и т. д.

Вопросник имеет короткий вариант (минимально необходимый список слов по три на различный ударный гласный), наиболее удачно отработанный на всех информантах, и дополнительный, расширенный вариант, который отработывался с заинтересованным информантом. Слова, провоцировавшие возникновение дополнительного опорного ударения (как правило, это сложные слова с осознаваемыми самостоятельными частями), из списка исключались.

В спонтанной речи нужные для тестирования слова встречаются крайне редко и почти не повторяются, даже направленная беседа значительно растягивает во времени получение материала. Для сбора нужного материала была использована уже отработанная методика чтения с комментированием. Информанту ставилась задача прочесть слово на экране гаджета, объяснить его значение или употребить слово в контексте. Такой способ получения материала позволяет избежать эффекта послогового чтения и практически наверняка гарантирует многократное повторение слова в живом употреблении.

Собрано более 40 анкет, которые к настоящему моменту частично размечены в программе акустического анализа речи PRAAT и обработаны статистически.

На текущий момент работа ещё не закончена, но можно утверждать, что в говоре существует ожидаемое особое соотношение гласных, которое зависит от подъёма гласного и основано на диссимилятивном принципе в первом предударном слоге. В более удалённых от ударения слогах может реализовываться волнообразная структура типа 3131́ или 1313́ перед различными ударными гласными. Встречается и вариативное представление структуры слова: отмечены реализации типа 112́, 221́ и другие, которые имеют дополнительное распределение, связанное, видимо, с местом во фразе. Студентка А. Алхазова сделала предположение, что структура предударных слогов может зависеть от наличия заударного слога, эта гипотеза проверяется.

Следует отметить неочевидную зависимость качества гласных от их силы и длительности. В совокупности характеристик гласного и ритмической структуры слова качество гласного не является однозначно ведущим. Связь длительности и силы гласного видится более тесной.

Подробные результаты исследования будут доложены на конференции.

И. Б. Иткин, С. В. Дьяченко (Москва)

К уточнению набора значений прилагательного *зрячий* в русских диалектах

Доклад посвящён критическому анализу лексикографического представления в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) прилагательного *зрячий*.

В СРНГ имеется три словарных статьи *зрячий*; очевидно, авторы словаря выделяют три диалектных омонима [СРНГ 11: 351–352]:

1. Зрячий, ая, ее. 1. Хороший, умный, дельный. Моск. 2. Много знающий, сведущий. Курск.

2. Зрячий, ая, ее. 1. Прозрачный, чистый (обычно о воде). *Зрячая вода*. Пск. 2. Чистый, без примеси. *Ну и щи, зрячая вода!* Олон. *На этом поле не рожь, а зрячая метла. Это не зерно, а зрячий песок. Корова из двух сосков одной зрячей кровью доит*. Петерб. — Ср. Зоркий¹. (См. также пример из словарной статьи *зерёнье*: *В этой ржи мало зеренья — зрячая солома*. Петерб. [СРНГ 11: 266]).

3. Зрячий, ая, ее. 1. Напрасный, ненужный, бесполезный, ничего не стоящий. Даль. Курск., Ряз. *Зрячее дело — пустое, напрасное дело*. Пск., Ленингр., Том. 2. Пустой, нехороший, дурного поведения. *Шура, не ходи по глухим улицам, с девками зрячими не путайся, водкой не займайся*. Ряз. — Доп. *Ты, милашка, зрячая,*

¹ Зоркий, ая, ое. 1. Прозрачный, светлый, чистый, незамутненный. *Зоркая вода. Зоркая бутылка*. Пск. Зоркий лед. «Зоркий лед, иначе подзор — гладкий, чистый и свободный от снега молодой осенний лед». Пск. 2. Зоркая память. *У вас зоркая память*. Пск. [СРНГ 11: 341].

тебя любить не для чего. Моск. 3. Случайный. *Кто идёт? Я зрячих людей не пускала, ко мне не ходит зрячий народ, ко мне лишний народ не ходит. Да они, эти грибы так, зрячие, не вовремя.* Ряз. 4. Неприличный, непристойный. *Перед молодыми старику надо укромно сидеть, зрячие слова не говорить. Все она гудит, все она ругается, как попало начнет обличать зрячими словами.* Ряз. 5. Обычный, будничный. *Каршиовые (чулки) носю по праздникам, по зрячим дням не носю, блюдешь все.* Ряз. 6. Возможный, допустимый. Пск., Твер. **Зрячее ль дело.** Мыслимое ли дело, возможное ли дело. *Зрячее ль дело уйти не спросившись?* Пск., Твер.

Между тем, кажется несомненным, что фактически речь идёт не о трёх, а о двух омонимичных лексемах: одна из них происходит от глагола *зреть* ‘смотреть, видеть’ (что соответствует этимологии), другая представляет собой результат переосмысления прилагательного *зрячий* как производного от наречия *зря* со значением ‘напрасно, бесцельно’, ср. [Белова 2005: 11–12] (можно вспомнить также разг. *зряшний* ‘напрасный, бесполезный’).

От глагола *зреть* происходят (согласно нумерации, принятой в СРНГ):

- лексема *зрячий*₁;
- лексема *зрячий*₂. При этом существование значения ‘чистый, без примеси’ вызывает некоторые сомнения; по крайней мере, большинство приводимых на него примеров в действительности реализуют сравнительное значение, примерно соответствующее разг. *чисто* ‘≈ в точности, прямотаки’: *На этом поле не рожь, а зрячая метла* — конечно, не ‘*метла без примеси’, а ‘на вид — натуральная метла’;
- значение 6 лексемы *зрячий*₃: ср. лит. *Виданное ли дело?* (от *видеть*). Этот факт подтверждается и географическим распространением значения 6 — не рязанским, а псковско-тверским.

Значения 1–5 лексемы *зрячий*₃ происходят от наречия *зря*.

Таким образом, словарные статьи на *зрячий* нуждаются в существенных уточнениях, предполагающих чёткое разграничение значений первого и второго типа.

Помимо собственно лексемы *зрячий*, в СРНГ представлены также варианты *зрящий*, *здрячий*, *здрящий*. Кроме того, некоторым

значениям слова *зрячий* близки значения слов *зряиной*, *здрыиной*, *зряиный*. Все перечисленные прилагательные также будут кратко рассмотрены в ходе доклада. В частности, заслуживает внимания словарная статья *зряиный*₂ ‘плохо видящий, близорукий’ (пример: *Глаза зряиные* — глаза, плохо различающие. Влад.). Несмотря на то что речь идёт о глазах, представляется нецелесообразным выделение этого значения в отдельную словарную статью, поскольку оно не связано с глаголом *зреть* и не отличается от значения 3 лексем *зряиный*₁ ‘плохой, тяжёлый’ (пример: *Детство его было зряиное*. Влад.).

ЛИТЕРАТУРА

- Белова Т. В. Прилагательные в языке и речи (деривация прилагательных в народной речи как результат структурно-семантических отношений слов). АКД. — Тверь, 2005. — 19 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 11 (Зароситься — зубрёнка). — Л.: Наука, 1976. — 363 с.

О. Е. Кармакова, И. А. Букринская (Москва)

Диалектная коммуникация: особенности повествования

1. Углубленное изучение структурного и жанрового разнообразия диалектных текстов связано с накоплением и анализом большого числа текстовых материалов и с созданием корпусов отдельных диалектных систем. Значительное количество записей текстового материала собрано в отделе диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в связи с работой над темой «Многоаспектное исследование диалектного текста» (собрание диалектных текстов с лингвистическими комментариями и теоретическими статьями). В связи с этим вновь актуализировался поиск характерологических черт устных текстов и изучение диалектного текста как особого типа устной коммуникации: описание общих принципов организации разговорной речи и специфики диалектного общения,

во многом обусловленной культурологическими и когнитивными причинами.

2. За время экспедиций были записаны самые разные типы повествовательных текстов, часть из них представляют собой автобиографические рассказы-воспоминания, что связано с определенными особенностями беседы-интервью. Как правило, они построены *линейно-ассоциативно*, т. е. характеризуются наличием ассоциативно возникающих сюжетных линий, присутствием оценки прошлых событий с позиций современности, им свойственна диалогичность [Краузе 2006; Букринская, Кармакова 2012].

Композиционную сложность, многоплановость устного диалектного текста отмечали многие лингвисты, так, В. Е. Гольдин и О. Ю. Крючкова важной его особенностью считают взаимоналожение пропозиций: «Лингвистическими следствиями совмещения пропозиций являются нечеткая фразовая сегментация речи, многочисленные самоперебивы, отклонения от заявленной темы разговора, *ассоциативно-цепочечное* нанизывание информационных блоков» [Гольдин, Крючкова 2016: 135].

3. Но в диалектной коммуникации, как показывают наблюдения, есть тексты с иным построением, в них отсутствуют отступления от главной сюжетной линии, диалоги с самим собой, призывы к собеседнику. Такой тип построения текста можно назвать *линейно-документальным* [Букринская, Кармакова 2020]. Подобный способ изложения встречается не часто, по-видимому, это во многом зависит от личности говорящего, тематики, интенций, объема текста. Нам такой тип повествования встретился в рассказах о военном времени. Если монолог представляет собой длительное повествование, то фрагменты с различными типами изложения чередуются, причем каждый из них может быть достаточно продолжительным.

4. В качестве примера в докладе будет рассмотрен рассказ-воспоминание В. К. Юрченко (1927 г. рождения, д. Силки, проживающего на момент записи в 2002 г. в г. Городок Витебской обл. Белоруссии). Говор рассказчика, характерный для русско-белорусского пограничья, подробно описан в [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017], в момент записи говор был в хорошей сохранности. Текст интересен по тематике и разворачивается логически после-

довательно, с редкими самоперебивами при небольшом количестве вопросов диалектологов. Информант рассказывает о детстве, о военном времени, о том, как выполнял поручения партизан, об аресте немцами и побеге, о жизни после войны: работе, женитьбе, трагической гибели дочери, выходе на пенсию. Речь информанта не содержит излишней детализации, внимания к чему-то второстепенному, ее отличает малое количество эмоционально-оценочных слов. Текст разворачивается, как правило, линейно, нет ассоциативных отходов от основной темы, в четкой временной последовательности, в качестве скреп используются союзы, частицы *и, а, ну, вот*, но их немного и не они являются каркасом, подчеркивающим связность текста. Основой для линейности выступает сюжетно-смысловая канва.

Рассказывая о прошлом, В. К. переходит на повествование в настоящем времени, как и у других информантов в подобных случаях широко представлено «настоящее живописное». Для развития действия используется система сюжетных времен: аорист и перфект в повествовательных фрагментах, имперфект — в описательных. Когда речь идет о давно происходивших событиях или о действии, предшествующем другому действию в прошлом, рассказчик использует плюсквамперфект.

ЛИТЕРАТУРА

- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Опыт анализа нарративных диалектных текстов // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. Отв. ред. Н. Н. Розанова. М., 2012. — С. 42–51.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В.* Изоглоссы псковско-витебского пограничья // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Ч. 1. Псков, 2017. С. 40–56.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Разновидности повествования в диалектном тексте // Языковое сознание. Речевая коммуникация. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина. Саратов. 2020. — 450–463.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.* Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса. // Известия ВГПУ. Филологические науки. Русская диалектология. № 9–10. 2016. — С. 133–138.

Краузе М. *Уж это я помню!* Диалогичность и верификационные стратегии в нарративах диалектоносителей русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии. М., 2006. — С. 106–107.

И. Б. Качинская (Москва)

Экзотическая лексика среди терминов родства (по материалам архангельских говоров)

Под «экзотической» лексикой я имею в виду необычные, непривычные, неожиданные для носителей литературного языка слова, зафиксированные в лексико-семантической группе «Термины родства» в некоторых архангельских говорах.

В русском этносе структура родства в целом достаточно однородна, хотя при сопоставлении древнерусских памятников и сегодняшнего инвентаря терминов родства можно увидеть утрату некоторых терминов (*стрый, ятровь*). Родство подразделяется на кровное и брачное, прямое и боковое, восходящее и нисходящее.

Для диалектного языка характерно множество синонимов. Доминантой в синонимических рядах являются обычно общерусские слова (для терминов родства это *мать, отец, брат, сестра* и т. д.), которые можно рассматривать как понятия. Синонимический ряд понятия *мать* в архангельских говорах содержит ок. 60 лексем и более 40 словосочетаний; понятия *отец* — ок. 60 лексем и более 30 словосочетаний; понятия *родной брат* — более 30 лексем и ок. 10 сочетаний, понятия *двоюродный брат* — более 20 лексем и ок. 20 сочетаний — и т. д. Для многих понятий в этих синонимических рядах встретились слова, необычные для современного носителя литературного языка.

Необычные термины родства можно распределить по тем же языковым уровням, по которым принято разделять лексику литературного языка и диалектов, они ведь и являются диалектными словами. То есть они могут отличаться от известных, широко распространенных общерусских лексем фонетикой и/или фонемным составом, словообразовательными моделями, морфологией, сочетаемостью, семантикой. Порой в северных говорах встречаются

слова, характерные для совсем иных славянских зон, где они могут иметь другое значение.

В докладе необычная для терминов родства лексика будет распределена по словообразовательным, фонетическим, грамматическим, семантическим, лексическим уровням. Но здесь мы пойдем от понятия-доминанты к синонимам и приведем примеры только для некоторых терминов кровного родства.

Отец. В архангельских говорах понятие ‘отец’ включает слова с несколькими основами: *бат-* / *бач-*, *отец* / *отч-*, *тат-* / *тать-* / *тять-*. Лексемы, которые представляются необычными: *ба́чко* (*Я жила долго у ба́чка*. Ср. с этим *боченята*, *бочерята* ‘дети’); *отчи́шко* (*Она знат, што есь оци́шко!*); *папáй* (*Всё за папáя* делает); *тату́сь*, *татуся́* (*Татуся́м* звали: на Укра́ине зовут *тата* — *папа*, *тату́сь* — *папочка*, а мы — *татуся́*); *тать* (*Катька, та́ттю-то пади в ноги-то*).

Для наименований родственников восходящего и нисходящего родства 3 колена экзотика связана главным образом со словообразовательными моделями, необычными префиксами.

Прадед: *пра́вде́д*, *пра́вде́дка* (*пра́вде́дко*), *пра́вде́до*, *пра́вде́док*, *пра́вде́душка* (*пра́вде́душко*), *пра́вдушка*, *пра́вердушка*, *пра́дде́душко*.

Прабабушка: *пра́вба́бка*, *пра́вбабушка*, *пра́дбабушка*, *пра́дбабушка* (*Эта книжка у пра́дбабушки у моей была*). Необычные слова возникают также в результате сочетания словообразовательного и фонетического аспектов: *прабу́лечка*, *пра́бушка*, *пра́ведушка* (*Прабабушка звалась раньше пра́ведушка*); в результате совмещения гендерных различий в словах с корнем *дед-*, которые указывают не только на маскулинитивы, но и на феминитивы: *пра́деда*, *пра́дедка*, *пра́вде́д*, *пра́вде́дка*, *пра́вде́душка* (*Он уж пра́вде́д, она тожо уж пра́вде́д — ошо вну́чки-то ве́дь*). Прабабка со стороны мужа — *пресве́крóва* (*У свекровы у пресве́крóвы мужик был па́стух, дак он не спал с ней, пока коров не загонит*). Дialeктизм *щур* ‘прапрабабка’ (*Щур — уж у пра́внука дети будут*).

Правнучка: *пра́вдо́чка*, *пра́внунька*.

Правнук: *па́внук*, *пра́вде́тко*, *пра́вник*, *пра́вняток*, *пра́вну́к*, *пра́всын*, *пра́вну́к* (*Семь пра́вну́ков у меня. Ейной матери, так пра́вну́ки бу́т — пра́вдо́чка, пра́всын*). Лексема *крюк* обозначает правнука 4 или 5 колена (*А у вну́чки через сколько-то называется*

крюк. Когда не пра-пра, а называется **крюк**. Несколько раз **пра-пра-пра**. Так не знаю, на какой раз только. Всё скажут большие **крюк**).

Правнуки: *пра́вде́ти, пра́вде́тки, пра́вники, предвну́ки, перевну́чата* (Потом читать будут, вну́чата да **перевну́чата**).

Внучатые племянники. Внучатый племянник — *праплемянник, праплемянничек* (Племянница Людмила, а у Людмилы — Лена, так это уже сынок от Лены — **праплемянник**), внучатая племянница — *праплемянница, заплемянница, отплемянница* (Мне Людмила **заплемянница**. Это племянница, уж не племянница даже — **отплемянница**. Если девочка, то **праплемянница**); внучатые племянники — *соплемянники* (А вот они **соплемянники** — внучатые племянники).

Сестра: *чи́чка* (Вот вы две сестры, так младша бы называла тебя **чи́цкой, чи́чкой**. Это сестра или двоюродна, или родна́ — всё называли **чи́цкой**. Ак это **чи́ца-то** — вот сестра).

Двоюродная сестра: *чи́ча, чи́чка; своюро́дница* (**Своюро́дницы матери их**). Лексемы с корнем *брат-* также оказываются в некоторых случаях индифферентны к гендерному распределению и могут указывать не только на братьев, но и на сестер, в данном случае — двоюродных: *братáнка, братáниха, бра́тка, браты́нь* (Вы там к **братáнке** нашей ходите, к Василиске. Альбина тоже мне **братáниха** будет).

Дядя. Экзотические варианты слов со значением ‘дядя’ связаны с фонетическими / фонемными преобразованиями: обнаружилось 4 варианта гласных в корне: [а] *дяд-* (дядя, *дядюшка*), [е] *дед-* (*де́дя, де́денька, де́дюха, де́дюшка, де́юшка, де́ешка*), [и] *дид-* (*ди́дюшко*), [о] *дёд-* (*де́дя*). Этимологи связывают корень *дяд-* в значении ‘дядя’ с корнем *дъд-*.

Тётка: *чи́ча, чи́чка* (**Чи́чя** — это **тётка**. *Здесе не встречается, а в Кучкасе называли тётка*. Это мы **чи́чкой** звали — у моего отца двоюродна сестра); *ко́ка* (Ты чё, бабушка, к **ко́ке** Любе поедешь?).

Племянник: *братáн, братáнко* (Уж я и подумала, что *сэстрин-то сын, братáн-от мне*).

Как видно из приведенных примеров, «экзотическая» лексика тоже бывает многозначной. Это касается не только терминов кровного родства, но и родства по браку, духовного и приемного родства.

Л. А. Климкова (Арзамас)

Мифологические рассказы: диалектный дискурс

Одним из направлений диалектологической работы кафедры русского языка Арзамасского пединститута (ныне кафедра русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского) является сбор и анализ произведений устного народного творчества — сказок, песен, частушек, присловий, быличек, преданий и легенд, сохранившихся в памяти жителей Окско-Волжско-Сурского междуречья Нижегородской области¹. В их числе и мифологические рассказы, которые на протяжении более 20 лет были объектом особого исследовательского внимания доцента † Е. Ю. Любовой. Предлагаемые заметки взяты из моего предисловия к ее задуманной, но несостоявшейся книге мифологических рассказов, зафиксированных в говорах названного региона во 2-ой половине XX — начале XXI вв. Корпус таких более или менее объемных, развернутых текстов содержит свыше 400 демонологом — обозначений inferнальных существей, функционирующих в говорах Окско-Волжско-Сурского междуречья, систематизированных и описанных исследователем по разным параметрам².

Для иллюстрации богатства демонологической лексики приведу хотя бы одну ее тематическую группу — «дух, обитающий в лесу и/или заманивающий, уводящий в лес»: *леший, лешие, лешенький, лешенька, лешенька-барашенька, лешинка, лешиха, лешайчик, лешачиха, лесовик, лесовиха, лешак, лесовой домовый, боровик, бухарька, бұра ягá, лесной дедка, лесной царь, лесная бабка-ёжка,*

¹ См.: Климкова Л. А., Любова Е. Ю., Никифорова О. В., Тюрина Г. Н. Из истории исследований русских говоров юга Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 272–307.

² См.: Балова (Любова) Е. Ю. Демонологическая лексика в говорах Правобережья Нижегородской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Арзамас, 1999. — 163 с. (+ 89 с. Приложений), а также ее последующие статьи.

лесная бабка, красная дева, красные девы, кикимора, кострома, медведиха, попугай, русалка, сивья силиваныч, щеголи, травяной, негодный, отчаянные, белый, белый мужик, злой дух, Иванушко лесной, блуд, блудилы, уводило, манила, манило и др.

Мифологические персонажи, духи нижнего локуса, населяют всё пространство, окружающее сельского жителя: дом, двор, огород, пруд, луг, поле, лес, болото и т. д., составляя суть параллельного по отношению к человеку мира. Они помогают человеку или вредят ему, имея чаще всего антропоморфный, зооморфный реже фитоморфный облик или предметный, в виде огненного шара, колеса, круга на небе, столба и некоторых других объектов.

В рассказах обнаруживается глубинная связь с предками — ближайшими и отдаленными, эксплицированная рядом речевых показателей: *сё бают (бали); говорят, говорили, говаривали; отец (дедушка) говорил; мама (бабушка) сказывала; маленька была я, отец говорил; сказывают; сказывали; стары-ти люди видали, рассказывали, баушка поведала; как стары люди говаривали; слыхал(а) я; бывало, вот так говорили, это было, правда; и многие другие.* Всё это сигналы былого, превратившегося в традицию, сигналы своеобразного культа предков, потому что слышанные, переданные от них (как очевидцев событий) рассказы, свидетельства, как правило, не подвергаются сомнениям. Ключевым словом-отсылкой, проявляющим традицию передачи устных мифологических рассказов, традиционность их функционирования, является вневременное *говорят (говорили)*. Частотным рефреном звучат признания, речевые свидетельства: *сам(а)-то я не видал(а), а говорят (сказывали); я не знаю, а дед мой вот видал* и под. Типичны при этом текстовые вводы изложения: *вот раз (было), иду* и т. д.; *как-то..; вот как-то раз; а вот еще случай был; вот такой случай был, расскажу;* и под.

См., например: *Стары-ти люди рассказывали, дедушка дворовенькай где-нето в углу воит, выл он, вот «У-у-у-у», как вот голуби: «У-у-у-у», стон, плач. Ево спрашивали: «Дедушк, к худу али к добру?» А он как-то отвечал* (с. Крюковка Лукояновского района).

Нас, бывало, лешим пугали. С дороги он сбиват. А жона ёво, лешачиха, на Иванов день кричит уж больно громко. Сама-то

я не видала, но сказывали, не дай бох кому с лешим повстречаться — заведёт в лес и не выдешь (с. Круглово Ардатовского района).

Сё бают, когда в лису заблудисся — ну, эта лешай попутал — вот и зовёшь дедушку домовова, он помогает, ево друеги боятся. Банник домовова тоже боится, он злой, банник-от, а дедушка домовой добрай, эта ведь оне даже не дружатся (с. Туркуши Ардатовского района).

В мифологических рассказах отражены отголоски детства нашего народа — язычества, с его одухотворением (и одухотворенностью) всего сущего на земле, с его поклонением природе и преклонением перед ней.

Оберегает от обитателей нижнего локуса вера в православно-го Бога: в текстах содержатся рекомендации молиться, креститься при встрече с духами, признание обращения к молитве и кресту как к оберегу от всего таинственного, опасного (*креститься нады; молиться нады Миколе Чудотворцу и Богородице; перекрестилась — и все пропали* и т. д.) — в этом видится проявление христианско-языческого синкретизма как мировоззренческой черты русского человека.

С. В. Князев (Москва)

Тональный акцент в говоре верхней Пинеги: простой или сложный? (на материале частиц *да* и *нет*)

В докладе анализируется структура тонального акцента в севернорусском говоре д. Вадюга Верхнетоемского района Архангельской области (верховье реки Пинеги). Этот архаический говор представляет собой один из самых ярких примеров просодических систем с тенденцией к пословному тональному оформлению высказывания [Кузнецов 1949; Пауфошима 1983; Князев, Левина, Пожарицкая 1997]. Исследование выполнено на материале 237 диалогических

реплик, содержащих утвердительную и отрицательную частицы *да* и *нет*.

Как было показано ранее, характер просодического оформления *да* и *нет* в данном говоре обусловлен фонетически и зависит от типа акцента (нисходящего или восходящего) на предыдущей реплике, который копируется на частицах в ответных репликах [Князев, Пронина 2021]. При этом нисходящий и восходящий тон в подавляющем большинстве случаев сопровождается ровным тональным участком как до, так и после тонального изменения, сопоставимым по длительности с отрезком, на котором происходит изменение частоты основного тона (ЧОТ). В этом отношении пинежские говоры отличаются от современного литературного русского языка (СРЛЯ), в котором, в общем случае, изменение тона начинается в самом начале гласного, ассоциированного с фразовым акцентом, и продолжается вплоть до его завершения.

Сходная картина наблюдается в севернорусских говорах в общих вопросах, в которых падение тона после повышения на гласном, несущем главный фразовый акцент, может начинаться не сразу (как в СРЛЯ), а только на последнем или предпоследнем слоге всего высказывания [Post 2005: 49, Пост 2007, Post 2008]. Этот контур М. Пост назвала «широкой шляпой», а нисходящую его часть предложила интерпретировать как второстепенный акцент либо как тональное движение, являющееся частью главного тонального акцента («trailing tone of the nuclear pitch accent with a late association» [Post 2008]).

Проанализированные примеры просодического оформления частиц дают основания предположить, что ровный тон представляет собой в пинежских говорах обязательный компонент тонального акцента, который, таким образом, является сложным (двухкомпонентным). Вероятнее всего, причина подобного устройства тонального акцента в исследуемых говорах обусловлена их спецификой — тенденцией к наличию тонального изменения на каждом слове фразы: ровный тон в этом случае является одним из показателей акцентной выделенности того гласного, с которым он ассоциирован — в отличие от СРЛЯ, где эту роль выполняет изменение ЧОТ.

ЛИТЕРАТУРА

- Князев С. В., Левина А. Н., Пожарицкая С. К. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. МГУ, 1997. С. 198–219.
- Князев С. В., Пронина М. К. Интонация *да* и *нет* в архаическом говоре с пословным тональным оформлением // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции Диалог-2021. — Т. 20. — РГГУ, М., 2021. С. 251–263.
- Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1. М.—Л., 1949, с. 5–44.
- Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Пост М. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня, М., 2007, с. 156–157.
- Пост М. Говор деревни Варзуга в лингвогеографическом контексте // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX). М., 2008, с. 169–181.
- Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech // Doctoral dissertation, Universitetet I Tromsø, 2005, <http://hdl.handle.net/10037/246>
- Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody. Campinas 2008, с. 233–236.

Е. В. Колесникова (Москва)

**Семантика прилагательного *желтый*
в русских говорах**

Происхождение прилагательного *желтый* связывают с общеславянским корнем *žьltь; и.е. основа *ghito- (корень *g'hel-/ *ghel-). М. Фасмер [Фасмер, I, 416] соотносит слово *желтый* с группой слов *золото* и *зелёный*, только с изменением гортанного звука. М. А. Суровцева, вслед за Ю. Покорным, также полагает, что и.е. корень *g'hel-/ *ghel- имел два значения: 'блестеть, сверкать'

и 'быть зеленым, быть желтым'. Названия цвета ответвились от второго значения [Суровцева 1967:42].

Различение желтого, зеленого, голубого и серого цветов на древнем этапе развития языка оказывается несущественным. Синкретизм цветового значения рассматриваемой основы, недифференцированность его «по цветовому тону», основывается на признаке «светлота» [Кожемякова 2001: 26]. Данный факт подтверждается материалом говоров, где прилагательные *зеленый, желтый, синий* при обозначении цвета часто взаимозаменяют друг друга [Даль, I, 14–15], [Перм. сл., 324], [ЭБД АОС].

Существует связь слова *жёлтый* со словом *жёлчь*, производного от праславянского корня *zolč-/ *žьlčь-. Традиционно славянские наименования жёлчи связываются с названиями желтого цвета. Н.Г. Нечипуренко полагает, что семантико-словообразовательная цепочка 'жёлчь' < 'желто-зеленый цвет' общепризнанна [Нечипуренко 1988:51–52]. Лексический материал говоров подтверждает связь наименований секрета печени с обозначением зеленого цвета: **зялёнка** 'желчный пузырь' *Зялёнка рьзошлаь, значит печинь бьльная* [Смол. сл, 1974, IV:136]; **зёлень** 'жёлчь' *Вот тошинит и всё! Потом воды попила кружечку — маленько сорвало, так чувствую, зёленью, а свет не включала* [Полн. сл. диал. л., I:757].

Лексема *желтый* в диалекте сохраняет архаичную сему 'блестеть, сверкать': *Красный кол был, ф комнату влетел, а у окна жолта молния была. У меня у дóцери-то жолтяе были (волосы), как на соньце-то зазьдэнет — как искорки от них* [АОС, 14:263].

Производные от корня *-желт-* функционируют в говорах русского языка в качестве наименований растений, животных, а также обозначений болезни желтухи: *желтуница, желтуха, желтушница, желтушóк, желтыш, желтявка, желтяница, желтяк* и др. Основа *желт-* часто выступает в качестве компонента сложного слова при номинации или характеристике объекта: *желтобрюшка, желтоголовик, желтогорóховик, желтоглаз, желтозобик, желтоколóска, желтомóтник, желтомясы́й, желтори́зец, желтопуз, желторóтый, желтотал, желтоцвётка, желтошáрый, желтощёк* и др. Прилагательное *желтый* входит в состав терминологических сочетаний: *желтый плаку́н, желтые коло-*

кольчики, желтые пуговики, желтый цвет, желтая бобка, желтая девятиха, желтый гриб и др.

Цветовой диапазон, который реализует лексема *желтый* в современных говорах, значительно шире, обнаруживается синкретизм выражения цвета: слово может использоваться для обозначения сопредельных по спектру цветов — зеленого, золотого, коричневого, розового, а также голубого [АОС, 14:263–264].

Семантическая структура прилагательного *желтый* в современном русском языке включает в себя больше приращенных значений, чем это представлено в существующих толковых словарях [Слэзкина 2005]. В говорах обнаруживается несколько иное восприятие желтого цвета.

Одно из значений реализуемых словом *желтый* по отношению к человеку — ‘русый, светлорусый’ [Даль, I: 14–15], [СРНГ, 11:116]. Устойчивые сочетания *желтые кудри, желтые волосы* относятся к числу широко употребительных цветообозначений во всех жанрах фольклорных текстов. Т. А. Павлюченкова отмечает, что прилагательное *желтый* встречается в фольклоре в переносном значении ‘красивый’, которое могло развиться по ассоциации с *золотой*: ‘золотой > блестящий > яркий > красивый’ [Павлюченкова 1984:139]. Исследование подтверждается материалом говоров.

Прилагательное *желтый* может использоваться при характеристике болезненного состояния человека, оттенка его кожи: *Пронька был жёлтой, в больницу валят. На лицо некрасивая, жёлтая* [АОС, 14:263–264]. *Собачья старость страшна болезнь: желтый ребенок, голова больша, пятки вывернуты, сметаной намажут, собака лизнёт — как рукой снимет* [СГРК, 6:318]. Прилагательные *синий, черный, зеленый* также могут реализовывать указанное выше значение и выступать антонимами по отношению к лексемам *красный, белый* [Колесникова 2012: 207; 2017: 183].

Лексема *желтый* в говорах образует антонимическую корреляцию с прилагательным *синий* в части ЛСВ: ‘чистый, светлый, хорошо отскобленный’ // ‘грязный, темный, плохо отскобленный’ (о некрашенных деревянных поверхностях); ‘с высоким содержанием жира’ // ‘с низким содержанием жира’ и др.

Диапазон различий значений диалектного и литературного слова *желтый* достаточно велик: в говорах представлено гораздо больше значений, многие из значений литературного языка в диалекте стилистически маркированы, лексема характеризуется иным набором парадигматических оппозиций по сравнению с литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Колесникова Е. В. Семантика прилагательного *красный* в русских говорах // Труды Института русского языка РАН. Вып. 12. Диалектология. М.: «Нестор-История», 2017. С. 357–368.
- Колесникова Е. В. Семантика прилагательных *белый* — *черный* в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. М., 2012. С. 199–215.
- Кожмякова Е. А. История формирования семантики цветообозначений в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2001. — 209 с.
- Нечипуренко Н. Г. Этимологический анализ лексики цветообозначения (на материале латинских производных от и.е. *ghel-). Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1988. — 173 с.
- Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984. — 256 с.
- Слезкина М. А. Семантика и символика прилагательного ‘желтый’ в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург. — 2005. — 163 с.
- Суровцева М. А. К истории выражения цветовых значений в древнерусском языке 14–16 вв. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1967. — 253 с.

Е. В. Колосько (Санкт-Петербург)

Устойчивые сочетания с местоимением *чѣ* в Словаре русских народных говоров

Данная тема связана с современной проблематикой диалектной лексикографии. Одним из актуальных вопросов является отражение просторечно-диалектной лексики в полных и дифференцированных диалектных словарях. На примере слова *чѣ*, которое

входит во множество устойчивых сочетаний и фразеологических оборотов, составители Словаря русских народных говоров разрабатывают приемы лексикографического описания многозначного просторечно-диалектного слова путем выделения синтаксически связанных сочетаний, этимологически связанных вариантов слов и лексико-семантических групп.

Сложность заключается в том, что слово *чѐ* является просторечным аналогом многозначного литературного слова *что* и формы родительного падежа *чего*. Поэтому устойчивые сочетания со словом *чѐ* относятся к грамматическим омонимам (местоимению, частице, вводному слову). Кроме того, многие сочетания имеют несколько значений. Зачастую это обусловлено семантическими сближениями значений (*для чѐ, на чѐ* — ‘по какой причине, почему’ и ‘с какой целью, зачем’; *до чѐ* — ‘до какого состояния’ и ‘очень, чрезвычайно’). В докладе рассматриваются устойчивые сочетания с местоимением *чѐ*.

Часть представленных в словаре сочетаний совпадает по составу и значению с литературным аналогом (*абы чѐ* — ‘что придется, что попало’; *за чѐ* — ‘за что, за какие действия’; *не для чѐ* — ‘не для чего, незачем’; *чѐ эко-то?* — ‘что это такое?’). Спорным, возможно, покажется решение выделять сочетания, близкие к свободным, осложненные лишь одной усилительной частицей (*а чѐ? а чѐ такое?* — ‘а почему?’).

Диалектные устойчивые выражения отличаются выбором и порядком словоформ, развитием новых значений. Например: *либо чѐ* — ‘без какой-л. причины’; *чѐ зря* — ‘что угодно; много чего’; *чѐ ли* — ‘почему-то’; *чѐ што?* — ‘что такое? почему так?’: *У нас в магазинах чѐ зря есть: и канцервы, и конхветы всякие*. Заиграев. Бурят. *Она чѐ ли так растолстела, как на дрожжах, в охват не хватает мужу*. Усть-Цилям. Арх. *Чѐ што там сделалось?* Ярен. Волог.

Местоимение *чѐ* входит в диалектные фразеологические обороты: *Ни чѐ ни к чему*. О чем-л. никуда не годном, не подходящем кому-л.; *Чѐ кого-л. закоснуло в шары?* Что кого-л. заставило (делать что-л.). *Это чѐ тебе закоснуло в шары взяться за работу?* Зауралье.; *Чѐ плохо кладено, нам дадено*. О ком-л., склонном к во-

ровству. *Дык Буянчиха сама жлобиста была: чѐ плохо кладено, нам дадено.* Новосиб.

Языковой процесс упрощения, сокращения компонентного состава устойчивых сочетаний, часто употребляющихся в типовой коммуникативной ситуации, демонстрируют такие сочетания, как *чѐ есть* — ‘сколько возможно (громко, сильно)’ из *чѐ мочи есть* — ‘сколько есть сил, что есть мочи’. *Орѐт чѐ мочи есть.* Омск. *Ходют да чѐ есть песни поют.* Параб. Том.

Противоположную направленность языкового развития — расширение компонентного состава, наращивание дублетных словоформ демонстрируют многие диалектные устойчивые сочетания. *Да чѐ* — ‘или что-л. иное’, *да чѐ да* — ‘и ещё кое что, ещё что-нибудь’. *Станем разговаривать да чѐ да.* Соликам. Перм. Именно в этих случаях оказывается весьма полезным помещение в диалектный словарь первичных просторечных сочетаний. *Ну чѐ?* — ‘по какой причине?’ (в обращении к кому-л. выражает возмущение, негодование по поводу чьего-л. неправильного поведения). Из этого устойчивого сочетания развилось *чѐ-ко от чѐ?* Из первоначального *ли чѐ* — ‘или что-л. другое’ постепенно развивались *ли чѐ ли* и *ле чѐ ле*.

О принадлежности диалектных контекстов к форме непосредственного участия говорящих в коммуникативной ситуации свидетельствует множество вариантов сочетаний с лексемой *чѐ* в функции указательного местоимения, которое употребляется с частицей *вот* (вон) и словами *гли* (гляди), *ишь* (видишь). Эта лексическая модель используется при различных значениях слова *чѐ*. Так, в значении ‘очень много, как много’ слово *чѐ* используется гораздо чаще, чем литературное слово *что*. *Ягод чѐ было! А птицы-те, рыбы чѐ было! Вина-то чѐ накупали! Чѐ раньше грыба было! А рыжика чѐ было!* Том. Том. В результате появилась контаминационная диалектная форма *ли-ко чѐ* — ‘как много; смотри, сколько’.

Широкое распространение, частое употребление в потоке слитной обиходной речи породило слияние некоторых сочетаний в лексикализованные словоформы, например: *по чѐ* — ‘за какой-л. вещью, с какой-л. целью’. *Пойду в клеть. По чѐ и пошла? Память-то у меня*

вчераина. Усть-Цилем. Арх. Ср. Почё, почегó. Особенно ярким примером является группа многозначных сочетаний с усилительными частицами *ино, ин, йно, но*: *чѐ инó, чѐ ин, чѐ йно, чѐ но*. Постепенное расширение значения (от ‘что другое, что же ещё?’ до ‘выражает недовольство в риторическом вопросе с предполагаемым отрицательным ответом, что ли, что же’ и ‘употребляется как вводное слово для выражения предположительности, наверно’) привело к приобретению универсального характера применения и появлению лексикализованных словоформ.

Широкое распространение в современной обиходной речи сочетаний со словом *чѐ* делает материалы Словаря русских народных говоров актуальными не только для лингво-исторических исследований.

Т. Н. Коробейникова

**Гласные на месте /о/ и /а/
в первом предударном слоге
в одном севернорусском говоре**

Для севернорусских говоров характерно оканье. Но данные ДАРЯ [Аванесов, Бромлей 1986], исследования середины прошлого века [Пауфошима 1967], а также недавние работы [Красовицкий 2019] показывают, что оканье в ряде случаев постепенно сменяется нейтрализацией /о/ и /а/.

В кайском говоре (с. Кай и д. Южаки Верхнекамского р-на Кировской обл.) оканье также утрачивается. В таблице 1 представлены данные о звуках, отмеченных на месте /о/ и /а/ в позиции СГС’ в идиолекте АЕН¹ (1932 г.р.): чаще всего на месте обеих фонем звучит [э], на месте /о/ также часто встречается [о].

¹ В идиосистемах, представленных в этой работе, различается 5 гласных фонем.

Таблица 1. Звуки на месте /о/ и /а/ в позиции СГСf
в идиолекте АЕН

Гласные на месте /а/ в СГСf (78 ²)	Гласные на месте /о/ в СГСf (145)
[ə] = 51% (40)	[ə] = 47% (69)
[з] = 15% (12)	[o] = 27% (33)
[o] = 10% (8)	[ʌ] = 11% (17)
[a] = 10% (8)	[з] = 6% (9)
[ʌ] = 9% (7)	[u] = 4% (8)
[ọ] = 3% (3)	[a] = 3% (5)
[u] = 2% (2)	[ọ] = 2% (4)

В идиолекте ЛИЧ (1955 г.р.) вариативность сокращается.

Таблица 2. Звуки на месте /о/ и /а/ в позиции СГСf
в идиолекте ЛИЧ

Гласные на месте /а/ в СГСf (70)	Гласные на месте /о/ в СГСf (106)
[ə] = 62% (43)	[ə] = 38% (40)
[з] = 17% (12)	[з] = 20% (21)
[v] = 11% (8)	[o] = 14% (15)
[a] = 10% (7)	[v] = 25% (27)
	[a] = 3% (3)

Информантка АИА (1998 г.р.) на месте /а/ и /о/ произносит [ə] и [v], реже [a].

Таблица 3. Звуки на месте /о/ и /а/ в позиции СГСf
в идиолекте АИА

Гласные на месте /а/ в СГСf (73)	Гласные на месте /о/ в СГСf (84)
[ə] = 58% (42)	[v] = 52% (44)
[v] = 27% (20)	[ə] = 49% (41)
[a] = 15% (11)	[a] = 3% (3)

Таким образом, система говора стремится к унификации качества гласного на месте /а/ и /о/ в первом предударном слоге. Боль-

² В скобках указано количество звуков.

шой разброс гласных в системе АЕН сменяется небольшой вариативностью в идиолекте АИА. Чем обусловлено качество гласного в идиосистемах?

1. Консонантный контекст

В идиолекте АЕН в контексте губных, заднеязычных и латеральных согласных, способствующих образованию лабиализованных гласных, на месте /o/ чаще звучит [o], после переднеязычных преобладают [ə] и [ɜ].

Таблица 5. Гласные на месте /o/ и /a/ в различном консонантом окружении в системе АЕН

Губные, латеральные и заднеязычные (45)	После переднеязычных (178)
[o] = 51% (23)	[ə] = 54% (97)
[ə] = 20% (9)	[ɜ] = 12% (21)
[ʌ] = 16% (7)	[o] = 11% (19)
[ɔ] = 11% (5)	[ʌ] = 10 (18)
[a] = 3% (2)	[a] = 5% (10)
[u] = 2% (1)	[u] = 5% (9)
	[ɔ] = 3% (5)

В идиолекте информантки ЛИЧ данная тенденция сохраняется.

Таблица 6. Гласные на месте /o/ и /a/ в различном консонантом окружении в системе ЛИЧ

Губные, латеральные и заднеязычные (26)	После переднеязычных (150)
[o] = 47% (12)	[ə] = 52% (78)
[ɐ] = 30% (8)	[ɜ] = 21% (32)
[ə] = 19% (5)	[ʌ] = 20% (30)
[ɜ] = 3% (1)	[a] = 7% (7)
	[o] = 3% (4)

В более стабильной системе АИА влияние контекста проявляется только в меньшем количестве звуков типа [ə] в «лабиализующем» окружении.

Таблица 7. Гласные на месте /o/ и /a/ в различном консонантом окружении в системе АИА

Губные, латеральные и заднеязычные (24)	После переднеязычных (133)
[ɐ] = 58% (14)	[ə] = 56% (75)
[a] = 25% (6)	[ɛ] = 37% (50)
[ə] = 17% (3)	[a] = 7% (8)

Таким образом, влияние контекста наиболее ярко проявляется в архаичной нестабильной системе, инновативный идиолект более устойчив к влиянию качества соседних согласных.

2. Артикуляционное пространство

На рисунке 1 представлены центры концентрации аллофонов ударных гласных в 3-х идиолектах, вычисленные на основе нормализованных значений F1 и F2. График показывает, что в идиолекте АИА ударные звуки на месте /a/ более закрытые, а на месте /o/ менее лабиализованные, чем в двух других идиосистемах. Следовательно, расстояние между зонами рассеивания аллофонов /a/ и /o/ в этой системе меньше, чем в двух других.

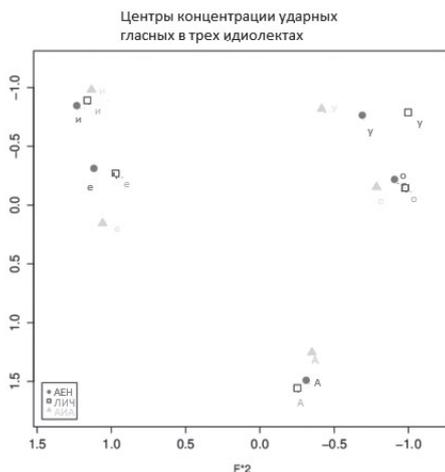

Рисунок 1. Центры концентрации ударных гласных в 3 идиолектах

Можно предположить, что в кайском говоре, как и в системе говора д. Сафоново [Красовицкий 2014, 2019], сжатие артикуляционного пространства повлекло за собой сдвиг безударных гласных в центральную зону, постепенную унификацию их качества и меньшую зависимость качества гласных от консонантного контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Бромлей С. В.* (ред.) Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика. М., 1986.
- Красовицкий А. М.* Артикуляционный сдвиг и развитие нейтрализации гласных // Проблемы фонетики. 2014. № 6. С. 262–280.
- Пауфошима Р. Ф.* О переходе от окающего безударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре (по данным спектрального анализа) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 83–98.
- Krasovitsky A.* The impact of consonantal context on vowel reduction: A case study. In: Anderson, Cormac and Natalia Kuznetsova (eds.). *The dynamics of vowel reduction and loss: phonetic mechanisms and outcomes for phonology and morphology. Special issue of Italian Journal of Linguistics*, vol. 32, issue 1. 45–64. 2019.

М. Д. Королькова (Санкт-Петербург)

Ремесленная лексика как объект диалектной лексикографии (на материале СРНГ)

Неоднозначное положение ремесленной лексики в русских говорах и в русском языке в целом обязывает обратиться к её фиксациям в лексикографических источниках, и в первую очередь к СРНГ как наиболее полному своду диалектной лексики. Это позволяет расширить материал терминами из разных тематических групп и подтвердить тезис об универсальном характере семантической классификации этого типа лексики. Традиционно в выборку не

включается фабричная профессиональная и промысловая лексика (охота, рыбалка и пр.). В докладе хотелось бы осветить состав и особенности зафиксированного в СРНГ материала.

При том, что работа ещё не окончена, тематический охват материала достаточно широк: наряду с валянием, плотничеством и столярным делом, прядением и ткачеством, зафиксированы винокурение, выделка кож, вязание, гончарное дело, гонка дёгтя, плотничество и деревообработка, канатоплетение, конопачение, корзиноплетение, кружевоплетение, кузнечное дело, обработка камня, печное дело, плетение верёвок, сапожное, скорняжное, свечное, стеклодувное дело, смолокурение, солеварение, хлебопечение, шитьё и др.

Среди диалектных наименований мастера в ремесле зафиксированы различные по распространенности названия профессий и, соответственно, ремесленников¹: общее *деловой человек* ‘человек, занимающийся ремеслом’; названия профессий: *дегтярь* ‘человек, который гонит деготь или продает его; дегтярник’, *жгон* ‘валяльщик’, *горшёня* ‘гончар, занимающийся также продажей своих изделий’, *гробовик* ‘гробовщик’, узкие по значению и часто малораспространенные наименования: *заводняжка* ‘работник, приготовляющий уток при тканье рогожи’, *дённик* ‘мастер, изготавливающий донцы’, а также иронические или насмешливые наименования: *голядка* ‘ироническое прозвище сапожника’, *глиנותяп* ‘насмешливое прозвище печника и горшечника’.

Общее наименование деятельности представлено и существительными, и глаголами, например: *гоннобить* ‘строить, делать (избу и т. п.)’. Существительные составляют большую часть подгруппы: *гиб* ‘сгибание полозьев, ободьев’, *горяница* ‘производство деревянной посуды и других деревянных изделий’, *жбжска* ‘обжигание древесины для получения угля’.

Наименования конкретных действий представлены как широко известными словами *высекать* ‘выстругивать, вытёсывать из дерева’, *голтелить* ‘делать стругом голтели (полоски, желобки)’,

¹ В тезисах приводятся отдельные примеры каждой группы зафиксированной лексики.

так и менее распространенными *живи́ть* ‘подвергая брожению, следить, чтобы, поднявшись, не вылилось через край’, *жсара́ви́ть* ‘поднимать дом (рычагом), меняя сгнившие нижние бревна на новые, подводя новые бревна’.

Подгруппа названий изделий значительна по объёму и включает в себя слова, связанные с процессом создания: *вы́тяжки* ‘3. Сапоги, сшитые из целого куска вытянутой кожи (в отличие от головок). 4. Кожаные цельнокроенные мужские сапоги с одним задним швом. 5. Женские сапоги. Вытяжки из самодельной кожи’, *двули́чка* ‘одежда из такой <двусторонней> ткани’, *городе́ц* ‘один зубчик, зубец в узоре; городок’, *жучо́к* ‘узор кружев’.

В подгруппу части изделия включаются только названия, выделяемые при создании изделия: *га́рюжина* ‘стропило’, *га́нки* ‘точные столбики или строганные бруски, балясины в перилах лестницы, балкона, моста или в легкой изгороди’, *гвоздо́бина* ‘одна из тонких жердей на стропилах крыши, к которым прибиваются доски (листы) кровли’, *глоба́* ‘балка, перекладина; лежащий на чем-либо шест’, *гребя́ста* ‘горбыль, брусок, лежащий поперек стропила; обрешетина’.

Для материала присутствует значительное число диалектных названий из самых разных ремёсел: *гни́ла* ‘глина’, *голтíна* ‘заготовка дерева для изготовления дранки’, *жмё́нка* ‘три горсти вычесанной пеньки’, *жирово́е дёрево* ‘прямое, годное для хозяйственных нужд’.

В подгруппе наименований инструментов представлено значительное число слов: *гру́бка* ‘яма, в которую помещают глину (в гончарном производстве)’, *дегтя́нка*, *дегтя́рка*, *дегтя́рник* ‘посудина для дегтя’, *га́мер* ‘железная ручка у продольной пилы, крепящаяся на шпеньках’, *ге́бель* ‘рубанок’, *жмы* ‘большие ножницы для стрижки овец’.

Полученные данные свидетельствуют о наличии в русских говорах большого объёма специальной лексики, которая требует описания и анализа. На настоящий момент проанализированы данные именно СРНГ, в дальнейшем планируется работа и с Картотекой СРНГ. Наличие общенародных терминов в материале (*голтéль* ‘рубанок для выстругивания желобков; скобель,

струг', двойной рубанок 'вид рубанка') создает ряд проблем при лексикографическом описании терминологической лексики русских говоров.

Е. В. Корпечкова (Москва)

**Гласные южнорусских говоров
с разными типами диссимилятивного вокализма
(количественная и качественная
характеристика)**

В докладе представлена качественная и количественная характеристика гласных ударного и первого предударного слога двух говоров севера Белгородской области с разными типами диссимилятивного вокализма.

1. Говор с. Берёзовка Ивнянского района Белгородской области характеризуется жиздринским типом диссимилятивного аканья и суджанским типом яканья при пятифонемном ударном вокализме. Наблюдаются пониженные по сравнению с литературным языком гласные, в частности, $F_1 [a]$ может достигать 1000 Гц.

На месте как *ѣ, так и *е произносится дифтонгический гласный [иѣ]. Вне зависимости от этимологии фонему /о/ представляют дифтонг [уѡ] или монофтонг среднего подъема [о], притом большинство дифтонгов обусловлены артикуляцией предшествующего звука (встречаются после губных или заднеязычных согласных). Редко, в словах с неподвижным ударением на основе и в существительных, оканчивающихся на -ок, произносится гласный средне-нижнего подъема [о]: *дев[’анѡ]сто, св[’икрѡ]вью, б[’илѡ]к, л[’исѡ]к*. Звук [ы] в большинстве случаев неоднороден и состоит из двух частей — [ы̄й], что характерно и для литературного языка [Бондарко 1998: 56–57].

Некоторые черты данного говора совпадают с особенностями вокализма говоров с архаической системой (в т. ч. говора с. Солдатское Староосткольского р-на Белгородской обл.): наличие гласных средне-нижнего подъема, неоднородные звуки, представ-

ляющие фонемы верхнего и нижнего подъемов. Согласные произносятся мягко как перед этимологическим *ѣ, так и перед *е, а гласный в этой позиции всегда имеет начальный переходный элемент. Противопоставление ударного и 1-го предударного гласного по длительности не выдерживается последовательно: предударный гласный перед ударным верхнего подъема превышает его по длительности только в 40% случаев, перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов — в 10% примеров. Сохраняется расподобление ударного и предударного звуков по длительности лишь перед ударным, представляющим фонему /а/: длительность гласного первого предударного слога в этой позиции составляет 50–80% от длительности ударного и никогда не превышает её.

Тип яканья имеет особенности, связанные с распределением звуков в первом предударном слоге перед ударным [о] на месте *о, *ъ и *ω в определенных грамматических категориях [Захарова: 1971]. Перед ударным [о] из *о и *ъ [и] может сохраняться в словах с неподвижным ударением на основе (св[’икрѡв]ья, св[’икѡ]лочку, м[’ишѡ]чек и др.), неизменяемых словах (б[’игѡ]м, в[’ирхѡ]м). Именно в этих словах под ударением может произноситься о-открытый (дѡв[’ан’ѡ]сто, св[’икрѡ]вью, л[’исѡ]к и др.), то есть ударный гласный также обусловлен грамматически.

2. В говоре с. Присынок Губкинского р-на наблюдается жиздринский тип аканья и яканье щигровского типа при пятифонемном вокализме. Ударные гласные менее разнообразны, чем в говоре с. Березовка: гласные средне-нижнего подъема отсутствуют. Фонема /е/ предствлена дифтонгическим звуком [иѣ]. Фонема /о/ реализуется звуком [о] или дифтонгом [уѡ] (только после губных согласных). Гласные звуки после мягких согласных всегда имеют начальный переходный участок. Существование жиздринского типа диссимилятивного аканья в данном говоре поддерживается расподоблением, хотя и непоследовательным, ударного гласного и гласного 1-го предударного слога по длительности: перед гласными верхнего подъема гласный 1-го предударного слога в половине примеров превышает по длительности ударный гласный, перед гласными нижнего подъема в 1-м предударном слоге

произносится всегда менее длительный звук. Гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге перед гласными среднего подъема (вне зависимости от этимологии) длительнее ударного в 20% случаев.

На выбор гласного в первом предударном слоге в позиции после мягкого согласного в этом говоре влияют также грамматические факторы. Преобладает произношение [а] в форме Т.п. существительных мужского и среднего рода: [цаиц^о]м, з[^арн^о]м, с[^арп^о]м; в форме И.п. прилагательных мужского рода: *шерст*[^ан^о]й, *сл*[^ап^о]й, н[^ам^о]й, и в наречиях: *в*[^арх^о]м, *н*[^ашк^о]м, *б*[^аг^о]м. Произносится как [и], так и [а] в формах И.п. и Т.п. существительных, оканчивающихся на -ок: *д*[^ад^о]к и *д*[^аид^о]к, *б*[^аил^о]к и *б*[^аал^о]к, *рем*[^аш^о]к, *кип*[^аит^о]к, в Р.п. местоимений [йиу^о] и [йау^о], *ч*[^аиу^о] и *ч*[^аау^о] и под. Меньше всего случаев появления [а] в словах с ударением на основе: в существительном *св*[^аикр^о]вью, прилагательном *св*[^аик^о]льный, а также у числительных: *п*[^аиц^о]т, *вос*[^аимс^о]т. Позиция в корне слова, не допускающая чередований гласного под ударением при словоизменении, остается наиболее устойчивой к появлению [а]. Перед гласными верхнего, нижнего подъемов и ударным /е/ и [о] из *ω в первом предударном слоге принцип диссимиляции прослеживается последовательно.

В 1-м предударном слоге перед слогом с [о] из *о, *ь отмечается большое количество вариантов даже в речи одного информанта. Набор слов, обладающих вариантным произнесением, значительно шире, чем в говоре с. Березовка, но в целом выбор звука подчиняется влиянию схожих причин.

Рассматривая систему гласных фонем в говорах с разными типами диссимилятивного вокализма, сравнивая современную ситуацию с архаическими типами, можно выяснить, какие причины способны затормозить изменения в отдельных словоформах, какие словоформы подвержены изменениям в первую очередь. Развитие вокалической системы происходит постепенно, затрагивая все стороны фонетики говора, не только качество ударных и безударных гласных, но и интонационную структуру говора, длительность ударных и безударных звуков, особенности сочетания гласных и согласных.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб, 1998. — 276 с.
- Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания. № 2. — М., 1971.

А. М. Красовицкий
(Оксфорд, Великобритания)

Редукция гласных в севернорусском наречии по данным ДАРЯ

Как показали исследования последних лет, одна из главных черт севернорусского наречия — оканье — в настоящее время находится в процессе разрушения (Ваахтера 2009, Красовицкий 2014, 2021; Krasovitsky 2020). Созданные на основе *Диалектологического атласа русского языка* (ДАРЯ) цифровые карты¹ в сочетании с акустическим анализом полевых данных из архива ИРЯ РАН позволили исследовать, как этот процесс протекал в середине XX века — в наиболее ранний период, доступный для акустического и геоинформационного исследования. Анализ данных из 1161 населенного пункта (ДАРЯ, лист «Север») показал, что в зависимости от позиционного поведения гласных на месте фонем неверхнего подъёма /o/ (/o/) и /a/ после непалатализованных согласных в этот период выделяется три типа вокалических систем, предшествовавших наблюдаемому сегодня разрушению оканья.

¹ Для создания карт использована геоинформационная база данных, созданная на основе карт 1, 9, 10, 11, 16, 17, 18 и 42 (ДАРЯ, том 1 «Фонетика») А. М. Красовицким и М. Г. Петруновой. Визуализация данных была произведена с помощью геоинформационного программного обеспечения QGIS. Данные были проверены с использованием электронной версии ДАРЯ (АВ ДАРЯ), созданной в Институте русского языка РАН (Исаев, Черкасова 1987; Пшеничникова 1987). Автор приносит благодарность О. В. Долгову за помощь в работе с АВ ДАРЯ.

1. Системы, в которых качественная редукция гласных на месте фонем /o/ и /a/ не отмечена ни в одном из безударных слогов. Говоры, где имеются такие системы, составляют меньше половины всех картографированных севернорусских говоров (526 н/п). Аудиоданные показали, что в таких системах не зависящий от ударения фонологический контраст между гласными среднего и нижнего подъема ($\partial[o]m$ — $\partial[o]má$, но $ст[á]рый$ — $ст[a]рый$) может сочетаться со значительными количественными и качественными изменениями этих гласных в безударных слогах: сокращением длительности до 50% по сравнению с ударной позицией и усилением коартикуляции лабиализованных гласных, примыкающих к согласным. В консонантных контекстах, включающих зубные и переднеязычные согласные, подобное усиление коартикуляции может приводить к ослаблению лабиализации гласного. Акустическим коррелятом усиления коартикуляции в таких контекстах является более высокое значение F2 лабиализованного безударного гласного [o] (Krasovitsky 2020), что может свидетельствовать о горизонтальном сдвиге гласного в центр и ослаблении лабиального жеста (Stevens & House 1963; Mooshamer & Fuchs 2002; Grawunder, Simpson & Khalilov 2010). Следствием такого изменения является ослабление акустического и перцептивного контраста между безударными аллофонами фонем /o/ и /a/.

2. Системы, в которых отмечена качественная (тембровая) редукция гласных на месте /o/ и /a/ в безударном положении, не приводящая к разрушению фонологического контраста между ними. В части таких систем (46 н/п) централизация безударных гласных нижнего подъема, приводящая к появлению [э] в соответствии с ударным [a] ($ст[á]рый$ — $ст[э]рый$), развивается при тембровой стабильности лабиализованных гласных среднего подъема ([o]) в безударных слогах. В то же время отмечается особая модель качественной редукции на месте /o/, приводящая к уменьшению раствора и подъему безударных аллофонов этой фонемы ($ст[ó]роны$ — $ст[o]роны$). В 167 н/п [o] отмечен исключительно в безударных слогах (при ударном [o]). Можно предположить, что указанные модели редукции на месте /o/ и /a/ могли издавна существовать в окружающих говорах до возникновения других моделей редукции, основанных на нейтрализации.

3. Системы, в которых — наряду с различием — отмечена нейтрализации фонем /o/ и /a/ в безударных слогах. К указанному типу относятся 38 говоров, где совпадение в звуке [ə] отмечено только в 1-м предударном слоге (*ð[o]m* — *ð[ə]má* и *ст[á]рый* — *ст[ə]рик*) и 51 говор, где фонемы /o/ и /a/ могут совпадать только во 2-м предударном слоге (*ð[o]m* — *ð[ə]мовой* и *ст[á]рый* — *ст[ə]-рики*). В 13 говорах нейтрализация фонем /o/ и /a/ в звуке [ə] отмечена как в 1-м, так и во 2-м предударном слоге. В девяти говорах обе фонемы могут быть представлены звуком [a] во 2-м предударном слоге. Такие говоры представляют, по-видимому, наиболее позднюю из зафиксированных ДАРЯ стадий развития качественной редукции фонем /o/ и /a/ с делабиализацией аллофонов /o/ в безударных слогах и их совпадением с безударными аллофонами фонемы /a/.

Результаты анализа позволили определить различные конкурирующие модели дистрибуции аллофонов /o/ и /a/, характерные для севернорусского наречия середины прошлого века, то есть прежде всего для речи родителей, бабушек и дедушек современных жителей Европейского Севера России. Представленный анализ является первым этапом исследования протекающих в севернорусских говорах фонетических процессов с использованием геоинформационных методов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ваахтера Й. М.* Эволюция системы гласных фонем в некоторых говорах Вологодской области. *Slavica Helsingiensia* 37. Helsinki: Helsinki University Press, 2009. 323 с.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М.: Наука, 1986. 216 с.
- Исаев И. А., Черкасова Г. А.* Информационная система «ДАРЯ» // 2-я Все-союзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. Тезисы докладов. Москва: АН СССР, Институт русского языка, 1987. С. 74.
- Красовицкий А. М.* Артикуляционный сдвиг гласных и нейтрализация (на материале архангельского говора) // Проблемы фонетики VI / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. С. 262–280.

- Красовицкий А. М.* О редукции гласных по данным ДАРЯ. // Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / Отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 48–56.
- Пшеничнова Н. Н.* О классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект / Отв. ред. Р. И. Аванесов, О. Н. Мораховская. М.: Наука, 1987. 213 с.
- Krasovitsky Alexander.* The impact of consonantal context on vowel reduction: A case study // The dynamics of vowel reduction and loss: phonetic mechanisms and outcomes for phonology and morphology. Special issue of the Italian Journal of Linguistics / Ed. by C. Anderson, N. Kuznetsova. 2020. 45–64.
- Grawunder, Swen; Simpson, Adrian & Khalilov, Madzhid.* Phonetic characteristics of ejectives samples from Caucasian languages. // Fuhs, Susanne; Tode, Martine & Żygis, Marzena (eds). Turbulent sounds. An interdisciplinary guide. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. 209–244.
- Mooshamer, Christine & Fuchs, Susanne* 2002. Stress distinction in German: Simulating kinematic parameters of tongue-tip gestures. // Journal of Phonetics 30, 337–355.
- Stevens, Kenneth N. & House, Arthur S.* 1963. Perturbation of vowel articulation by consonantal context: an acoustical study // Journal of Speech and Hearing Research 6. 111–128.
-

Н. А. Красовская (Тула)

**Лексические единицы
в описании свадебного обряда
(по записям Н. В. Глаголева)**

Научное и педагогическое творчество Н.В. Глаголева представляется актуальным для изучения, так как рукописные сборники краеведа, педагога, собирателя фольклора и народной речи начали издаваться только в наше время¹. Мы обращаемся к работе

¹ *Глаголев Н. В.* Сказки, сказания и предания Новосильского края. Орел: Орлик, 2020.

Н. В. Глаголева «Песни, обряды и поверья», которая имеет рукописную форму и до сих пор не стала предметом пристального анализа и комплексного описания ни фольклористов, ни лингвистов. Нами уже освещались отдельные вопросы диалектной лексикологии на основе материалов, собранных Н. В. Глаголевым².

Большую часть книги «Песни, обряды и поверья» занимает информация, отражающая особенности свадебного обряда, записанного «у крестьян села Бредихина Бредихинской волости Новосильского уезда Тульской губернии».

Предметом рассмотрения в рамках проведенного исследования стали лексические единицы, которые используются Н. В. Глаголевым при описании свадебного обряда этого села. Однако мы обращаем внимание только на те единицы, которые либо представляют структурные части свадебного обряда и важны для его понимания, либо каким-то образом выделяются исследователем, например, поясняются, даются в кавычках. Такая подача лексических единиц свидетельствует о том, что они либо редко встречаются в речи жителей указанного села, либо не являются распространенными и повсеместно известными, что и подмечает Н. В. Глаголев.

Лексические единицы, использованные при описании свадебного обряда, можно условно разделить на те, которые называют его этапы, участников, основные действия. К таким единицам относятся, например: *сговор*, *«разведчица»* («В разведчицы избирают не так болтливую бабу, которой поручают спросить у родителей невесты позволения засылать сватов»), *сваты*, *рукобительё*, *выторговывать* (подарки), *свадьбу «сыграть»*, *«пропить девку»*, *девичник*, *приданое*, *обголашивать сундуки*, *завывательный напев*, *красный угол*, *голошенье*, *игрицы* («...игрицами называют хор жен-

² Красовская Н. А. Диалектная и просторечно-диалектная лексика в сказках, записанных В. Н. Глаголевым в Новосильском уезде // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств: Научные доклады участников Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25–26 октября 2017 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «АБЕРС», 2017. С. 151–157.

ских голосов...»), *запевуха* («...то есть более опытная игрица...»), *ёлка* («...втыкают в пирог, который и служит подставкой...»). На наш взгляд, эти единицы составляют центр лексико-семантического поля «свадебный обряд», которое можно выстроить по рукописи Н. В. Глаголева.

Помимо этого, следует выявить лексические единицы, имеющие 1. иных людей, не связанных прямо с ходом свадебного обряда; 2. действия, сопутствующие другим действиям; 3. предметы, так или иначе задействованные в ходе обряда. К группе таких слов можно отнести: *зазноба*, *пирог* («...прикрывают блюдо тремя караваемы ситного хлеба, которые называют пирогами...»), «гуляют» до «сшибу», *понёвы* и *рубахи*, *позументы*, *запаривать солодовое тесто с хмелем*, *браги заваривать*, «*каравай*» (или *сальник*), «*кусок*» (или *холодное мясо*). Если говорить о структуре лексико-семантического поля, то указанные лексические единицы могут составлять периферию поля.

Представленная лексика может быть также рассмотрена с точки зрения реализации прямого и переносного значений. Такой подход к анализу лексических единиц является весьма интересным, так как обрядовая лексика насыщена словами в переносном и символическом значениях. Например: *пропить*, *сыграть*, *красный (угол)*, *ёлка*. К этой же группе мы бы отнесли выражение «*ситцевая аристократия села*», так Н. В. Глаголев называет крестьян, жителей села, которые в силу каких-то обстоятельств стали иметь более высокий статус, может быть, признанный самими же односельчанами.

Подчеркнем, что анализ лексических единиц, с помощью которых описывается свадебный обряд села Бредихино, помогает лучше понять структуру обряда, определив ряд его особенностей, выявить лексические единицы, которые можно отнести к диалектным и к имеющим общеупотребительный характер. Помимо этого, введенные в научный обиход контексты могут быть использованы в иных исследованиях, связанных с русским фольклором.

С. А. Крылов (Москва)

О применении дистрибутивно-статистического подхода в сфере русской диалектологии

В применении к материалу русских диалектов дистрибутивно-статистический метод имеет следующие особенности.

§ 1. Эвристический принцип так называемого «формально-го подхода» реализуется в виде модели текста, приближенной к некоторой идеальной форме, где план выражения и план содержания находятся в состоянии максимально возможной степени изоморфизма (то есть асимметрия этих двух аспектов сведена к минимуму). Такая необходимая идеализация объекта предполагает отвлечение не только от полисемии, но и, по возможности, также от омонимии. Всякая оставшаяся омонимия представлена в данной модели как логическая дизъюнкция двух возможных пониманий.

Из этого общего принципа следует практическое решение: для корпусов достаточно большого объема (а именно с ними имеет дело корпусный подход) целесообразно обследовать языковой массив данных с неснятой омонимией. Соответственно этому подходу, вместо абстракции отождествления собственно лексем мы имеем дело с абстракцией отождествления «квазилексем», представляющих собою пучки омонимичных друг другу лексем; аналогично этому, вместо абстракции отождествления собственно грамматем мы имеем дело с абстракцией отождествления «квазиграмматем», представляющих собою пучки омонимичных друг другу грамматем.

§ 2. Условной семантической разметке подвергнут не только план содержания грамматических аффиксов, но и план содержания базовой лексики (входящей в число примерно нескольких сотен самых употребительных слов данного диалекта). Такая разметка получила наименование «категориально-семантической».

§ 3. Квантитативному анализу подвергнуты не только синтетические, но и аналитические формы слов. Аналитическая словоформа трактуется как контактное сочетание знаменательной словоформы с одной или несколькими служебными словоформами.

Служебные словоформы трактуются как особый количественно замкнутый дистрибутивный класс единиц, для которых характерно сочетание следующих качеств:

- (а) высокая употребительность (и сопряжённая с ней широта дистрибуции относительно представителей класса знаменательных словоформ, с которыми сочетается данная служебная словоформа);
- (б) относительно строгая закреплённость линейной позиции в составе сочетания со знаменательной словоформой (и, соответственно, принадлежность к одному из двух логически возможных дистрибутивно-статистических подклассов: «препозитивных маркеров» или «постпозитивных маркеров»).

§ 4. Объектом частотной инвентаризации являются не только словоформы и лексемы, но также и грамматические формы слов. При этом, однако, на эту частотную инвентаризацию накладывается одно важное ограничение: измеряются, строго говоря, не собственно грамматы, а «квазиграматы» (то есть пучки омонимичных друг другу грамматем).

§ 5. Предметом количественного моделирования в лексике являются не только сами лексемы (основы), отвлечённые от их грамматической комбинаторики, но статистическое разнообразие лексем в зависимости от частотной неодинаковости их грамматических парадигм. Соответственно, парадигма каждой лексемы (точнее, «квазилексемы») представлена в данной модели как лингвостатистическая таблица, дающая сведения о корпусной употребительности каждой отдельной словоформы данной лексемы (то есть, фактически как своеобразный частотный мини-словарь словоформ одной лексемы; таких частотных мини-словарей насчитывается столько же, сколько разных лексем насчитывается в корпусе данного диалекта). При подобном подходе феномен так называемой морфологической дефектности лексемы по какой-либо категории (так называемые «тантумы»: *singularia tantum*, *pluralia tantum*, *imperfectiva tantum*, *perfective tantum*, «депонентные» глаголы, и т. п.) предстаёт как всего лишь некоторый предельный (полярный) частный случай более широкого явления — а именно, ко-

личественного неравновесия между разными словоформами одной и той же лексемы.

§ 6. Предметом количественного моделирования в грамматике являются не только сами грамматические формы («грамматемы»), отвлечённые от их лексического наполнения, но и статистическое разнообразие «грамматем» в зависимости от частотной неодинаковости их лексического заполнения. Соответственно, описание лексического заполнения каждой грамматемы (точнее, «квазиграмматемы») представлено в данной модели как лингвостатистическая таблица, дающая сведения об корпусной употребительности каждой отдельной словоформы данной грамматемы (то есть фактически как своеобразный частотный словарь словоформ одной грамматемы; таких частотных мини-словарей насчитывается столько же, сколько разных грамматем насчитывается в корпусе данного диалекта). При таком подходе феномен так называемой морфологической избирательности грамматемы в отношении какой-либо лексемы предстаёт как всего лишь некоторый предельный (полярный) частный случай более широкого явления — а именно, количественного неравновесия между разными словоформами одной и той же грамматемы.

О. Ю. Крючкова (Саратов)

Речь диалектоносителя-старообрядца (феномен «смешанного» текста)

Объектом анализа стали записи речи диалектоносителя 1920 г. рождения (АМР), потомственного старообрядца, коренного жителя с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области (материал собран сотрудниками Саратовского университета в ходе диалектологических экспедиций 1996–2009 гг.).

Фонетические и грамматические особенности речи информанта соответствуют чертам местного говора, характеризующегося неполным оканьем, ёканьем (*к нёму, бёгут, жона*), утратой

интервокального йота со стяжением гласных (*знат, слушут*), функционированием стяженных форм прилагательных и местоимений (*церковну, како время*), употреблением изменяемых постпозитивных частиц (*праздники-ти, много народу-ту*), использованием местоименной формы *оне*, наличием в глагольных формах возвратного постфикса *-си* (*молимси, постимси*), специфической глагольных основ и типов спряжения (*вынать, затягаться, ходют, ездют*) и др.

Широко употребительны в речи диалектоносителя лексические диалектизмы (*фатера, зыбка, теперьче, куды, ноне, козулки* 'колени', *смыкать* 'терпеть, держать пост', *посмыгать* 'с трудом дойти'), разговорно-просторечные единицы (*что ль, слыхать, меньшей, брательник, захватить* 'застать', *убить* 'неразумно истратить деньги', *баба* 'жена', *больно* 'очень').

Диалектный характер речи АМР проявляется также в таких особенностях ее строения, как отказ от косвенной речи в пользу прямой (*и не сказал что/ «я ризу принял»*), совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения ([о войне] *слёз-то сколько!/ крику-то сколько!/ батюшки!/ а он стрелят/ бьёт// бьёт/ стрелят/ батюшки!* <...> *я слышу пуля-то чуть повыше меня как воробей «чкф»/ зазвенела* <...> *я/ и упал/ упал/ шо такое?!// шо такое?!*).

Являясь типично диалектной, речь диалектоносителя-старобрядца отмечена выраженным влиянием книжной, в том числе церковнославянской культуры. Значительное место в лексическом составе информанта занимает лексика, связанная с религиозной сферой (*вера, Бог, Господь, молиться, пост, начало класть, сделать обрящение/обрядение, писание, святцы, Пасха, риза, Богородица, Никола, патриарх Никон, инок, монашки, монашья вера, потоп*), устаревшая лексика (*сход* 'собрание', *почто* 'зачем; почему', *дерева* (мн. ч.), *сказывать* 'рассказывать (сказки)', *управа*), лексика, тяготеющая к литературно-книжной сфере (*администрация, наставник, вручить, организовать, сформировать, брать во внимание, дать согласие, продукция, квартировать, питаться, странствовать, адвокат, указание, гибель, предать смерти*).

Религиозная, устаревшая, книжно-литературная лексика функционирует в речи АМР в «диалектной аранжировке», что выражается в характерных для носителей диалекта фонетических модификациях таких слов (*Рождество, телевизор, поспештвовать, ихуировать, акуация, мэтээсы, мянинник, ликавизация*); в их регулярной сочетаемости с диалектными формами (*к воды ходить я не в состоянии; в этим/ в писанин-ти// у нас/ у нас-ту по-божии писанин-то/ а... оне* [церковные] *вроде тоже по-божии/ но по-другому совсем*); в изменении литературно-нормативных значений и/или нормативных для них грамматических конструкций (*вот в Ярославле уж нас одели по-зимнему/ и вступили в оборону* (в соответствии с литературным *перешли в оборону*); *мне принесли извещение уплатить обложение* (в литературной норме сущ. *обложение* выступает в синтаксической функции управляющего слова).

В речи диалектоносителя-старообрядца обнаруживается синтез религиозной и бытовой культуры, религиозного и бытового языкового знания. Ср: *мне принесли извещение... уплатить за услуги/ а мне кто будет услужать? мне восемьдесят лет будет// мне с кого требовать?* (восходящий к лексике религиозной сферы глагол *услужать* 'служить, поклоняться' используется информантом в бытовом значении, претерпевает деривационную декорреляцию: отношение *служить* → *услужать* замещается отношением *услуга* → *услужать*); *то были грамотные по-старому писанию/ а мы/ уж/ остались// как все выражаются/ инкубация* (сельскохозяйственный термин *инкубация* получает в речи АМР метафорическое переосмысление, используется для оценки недостаточной глубины знаний у нового поколения староверов).

Таким образом, речь диалектоносителя-старообрядца представляет собой феномен «смешанного» текста, характеризующегося функциональным пересечением форм существования языка, проницаемостью межидиомных границ, что, в свою очередь, определяется синтезом разных типов языковых культур (устной народной традиции и книжно-письменной религиозной культуры) в коммуникативной компетенции говорящего.

И. С. Левин (Москва)

Региональная вариативность в русской лексике: количественное исследование

Благодаря классической диалектологии мы весьма хорошо себе представляем, как устроены не только отдельные традиционные сельские диалекты, но и вся диалектная система русского языка в целом. При этом региональные варианты городского языка, приближенные к литературному языку, описаны в значительно меньшей степени. Хотя этой теме и посвящено довольно большое количество литературы, но, как правило, такие исследования затрагивают только некоторые аспекты конкретных региональных или национальных вариантов (ср., например, среди прочего Культепина 2018, Berdicevskis 2014, Zeller & Sitchinava 2020). Некоторые аспекты региональной лексической вариативности в русском языке более системно и качественно описаны также в работах В. И. Беликова (ср., например, Беликов 2004, 2007).

В докладе будут представлены некоторые предварительные результаты системного количественного исследования русской региональной лексики. Географически исследование охватывает не только территорию России, но и другие страны со значительной долей русскоязычного населения. В качестве рассматриваемых переменных были взяты 45 лексических концептов, про которые из существующей литературы известно, что они выражаются разными лексемами в разных регионах. Данные были собраны с помощью онлайн-опроса, размещённого на платформе SoSci Survey¹. В опросе использованы два типа стимулов: для 43 концептов участникам были представлены визуальные стимулы, в то время как для двух оставшихся концептов было дано короткое текстовое толкование. Каждому из участников опроса необходимо было назвать 15 случайным образом выбранных визуальных стимулов и оба текстовых. На 14.07.2021 в опросе поучаствовало 20 398 человек.

¹ Опрос доступен по ссылке <https://www.soscisurvey.de/ruslex/>.

В качестве примера результатов исследования можно привести территориальное распределение обозначений половника (см. рис. 1). Каждая круговая диаграмма на карте соответствует одному населённому пункту и отражает пропорции встречаемости разных вариантов. Видно, что классическая концепция изоглосс для более упрощённого представления этих данных не подходит, т. к. невозможно провести границы, которые бы чётко отделяли один вариант от другого. Тем не менее некоторые явные ареалы на карте выделить можно. Так, в Центральной и Южной России, в Поволжье и на большей части территории Украины основным обозначением является слово *половник*. Поскольку оно представлено также во всех остальных регионах (хотя и в меньшей степени), его можно, по-видимому, считать «общерусским». *Черпак* является основным вариантом, используемым в русском языке Беларуси и вторым по популярности вариантом в Киеве. На большей части остальной русскоязычной территории в разных пропорциях сосуществуют *поварёшка* и *половник*. На востоке Украины среди сравнительно небольшой группы говорящих используются также варианты *ополонник* и *ополовник*.

Рис. 1. Территориальное распределение обозначений для половника. Карта создана с помощью пакета *lingtypology* (см. Moroz 2017)

В докладе помимо других примеров подобного рода будут представлены некоторые теоретические рассуждения о количественных методах описания региональной вариативности. В частности

будут обсуждены различия и сходства между региональными и национальными вариантами русского языка, которые в литературе чаще всего описываются отдельно.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов В. И. 2004. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии. *Русский язык сегодня* (3). 23–38.
- Беликов В. И. 2007. Лексический узус в зарубежном русском и академические словари. *Русский язык в странах СНГ и Балтии: Международная научная конференция*. 412–418. М.: Наука.
- Культепина О. А. 2018. Социолингвистическое исследование городской лексики Твери. *Вестник Томского государственного университета* (435). 29–39.
- Berdicevskis A. 2014. Predictors of pluricentricity: lexical divergences between Latvian Russian and Russian Russian. In L. Ryazanova-Clarke, *The Russian language outside the nation: Speakers and identities*. 225–248. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd.
- Moroz G. 2017. *lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology*. <URL: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>>.
- Zeller J. P. & Sitchinava D. 2020. The Russian language in Belarus and Ukraine. In A. Mustajoki, E. Protassova & M. Yelenevskaya (ed.), *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*. 108–122. London and New York: Routledge.

М. О. Леонтьева (Екатеринбург)

«Трудовая» мотивация в соматической лексике Русского Севера

Первостепенная значимость физического крестьянского труда для носителей русских народных говоров очевидна, но пока не так очевидны все лексические сферы, где отражены представления об этом труде. Так, даже отдаленная, казалось бы, от «трудовой» темы диалектная соматическая лексика в своем смысловом пространстве оказывается открытой для «трудовых» мотиваций. Определенные части тела, так или иначе связанные с физическим трудом, полу-

чают в говорах довольно большое количество наименований. Это части тела, которые, во-первых, несут повышенную физическую нагрузку, во-вторых, могут травмироваться, болеть (от натруженности), в-третьих, недостаточно хорошо, неполноценно выполняют свои функции.

Повышенную физическую нагрузку при выполнении разного рода работ (земледелие, перенос грузов и т. п.) главным образом получает спина. В говорах в связи с этим выделяется (и разнообразно лексически реализуется) особая идеограмма 'верхняя часть спины, задняя часть шеи', которая в литературном языке не имеет богатой лексической репрезентации. Верхняя часть спины «работает» в первую очередь при переносе грузов: влг. *крьльца* — «Пестерь нагрузят и корове корм несут на крыльцах»; костр. *кóршень* — «Мешок на коршень закину и пошла» и др. Ситуативная привязка обозначений разных частей спины проявляется также в том, что они почти не выводимы из устойчивых предложных конструкций и даже могут представлять собой застывшие наречия: арх. «Меня носили *виáках*»; арх. «Я два года *взаплéчки* носила его». Контекстуальное употребление другого рода встречается реже, главным образом, при указании на болезненность в связи с натруженностью: костр. *охóрзок* — «Сойдутся мужики: Ну-ко, устал я, у меня охорзок болит», влг. *подоплéчье* — «Ой, болит подоплечье, мешки таскала».

Натруженность определенных частей тела сопровождается болью, патологиями и ограниченностью в движениях. Поэтому активное номинирование затрагивает болезненные (в результате натруженности) части тела. Помимо верхней части спины в связи с болезненностью выделяется поясница, а также поясничная боль¹: арх. *сгйб*, влг. *чемоу́ха*, *вихлецо́* 'поясница' — «Вихлецо больное, не повернешься»; арх. *ломáчко ломает* 'о боли в пояснице' — «В поле нажнёшь, дак так ломачко ломает — и не разогнёшься». Кроме того, в связи с натруженностью, «надсадой» номинируются

¹ Во внутренней форме некоторых названий допустимо предполагать заложенную информацию о «трудовой» причине болезненности поясницы: костр., олон. *ужй́н* 'радикулит' (возможно, от *жать*), дон. *орóвое мéсто* 'поясница' (возможно, от *орáть* 'пахать').

вздувшиеся вены на ногах (костр. *рвóтины, ховру́ли, хру́ны* — «Жила или хруна, кто как назовёт, насадил если, насада-то»).

В контексте трудовой деятельности обращают на себя внимание те части тела, которые не справляются со своими задачами (в первую очередь, это неумелые или неловкие руки, которые обозначаются большим количеством пейоративов). Ущербное функционирование рук может быть обусловлено болезненностью или поврежденностью: костр. *пакалю́ки* — «Нет пальца на руке чего дак, приходил с войны, так говорят пакалюка». Поврежденность является препятствием к осуществлению труда: влг. «Я руку изовредил в завити <*завити* ‘запястье’>, в завити рука заболела, не могу жать». В то же время руки могут быть неловкими или неумелыми, не будучи поврежденными: костр. *коля́ги* — «Вот коляги-те, ничего не держат»; костр. *пащелки* — «Пашёуки-те нисколь не владеют». Неловкие руки могут также сравниваться с грубыми инструментами: влг. «Паколюкий такой, руки как багры» (влг.); костр. «У меня руки как гарабки, кривые, корявые, пащелки — как граблями загребашь». Сам обладатель неловких рук может называться *сухору́ким, пахору́ким, пакалю́ким* и т. п.: костр. «Всё из рук валится — дак сухорукой. Это не болезнь, просто руки неловкие».

Следует также отметить факт пейоративного номинирования частей тела, особенности которых свидетельствуют о непригодности к труду, малоподвижности или о плохом здоровье их носителя. Так, обозначения *стерлю́ги, батарлю́ги, масторлю́ги* (костр.) используются для номинирования худых (слабых, болезненных) ног: «Масторлю́ги-те длинные, худые». Большой, толстый живот получает множество наименований (костр. *брюши́на, бочина́*, влг. *кордю́к* и др.), так как он является «индикатором» низкой физической активности или лени человека: влг. «Работали раньше, некогда было кордюки-те разводить»; костр. «Бочину мужики раньше не имели, все поджарыё были». Номинацию в говорах получают длинные, отрощенные ногти, так как они являются препятствием к выполнению ручного труда: влг. *ра́льники*: «Вот в телевизоре женихов выбирают, ну и ральники у них. Как работать-то будут?»

В целом для диалектных соматизмов, обозначающих «вписанные» в крестьянский труд части тела, характерно лексическое разнообразие (приобретение дополнительных номинаций наравне с литературными, например, обозначения поясницы), заполнение специфических идеограмм с акцентом на важных для наивного сознания признаках, нехарактерных для литературного языка (верхняя часть спины, худые ноги, толстый живот, неловкие руки, отрощенные ногти, вздувшиеся вены), языковая экспрессия (пейоративность), ситуативная привязанность в речевом употреблении и контекстуальная однотипность.

Т. П. Лённгрен (Тромсё, Норвегия)

**Из неопубликованных материалов
диалектологической экспедиции
к казакам-некрасовцам**

После конференции о старообрядцах¹, где в одном из докладов был дан обзор истории репатриации некрасовцев, но не упоминалось о группе переселенцев 1920-х годов, мой научный руководитель Ольга Николаевна Мораховская передала мне просьбу Елены Григорьевны Буровой, которую я должна постараться исполнить. Оказалось, что в сентябре 1959 г. Е. Г. Бурова была командирована ИРЯ АН СССР в диалектологическую экспедицию в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края. Собранные материалы не были опубликованы. Бурова рассказала Мораховской об этой экспедиции и проблемах с публикацией и передала два своих полевых дневника, тетрадь с конспектами и три письма старообрядцев из Турции, адресованные репатриированным родственникам. Ольга Николаевна, вручая мне эти материалы, строго добавила: «Разберитесь и опубликуйте». Но выполнить это поручение оказалось не

¹ 19–20 мая 1995 г. в Москве проходила конференция «История и география русских старообрядческих говоров», организованная ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН и Университетом Тромсё (UiT, Норвегия).

так просто, как предполагалось: мои переезды, длительные командировки, научные темы, далекие от старообрядчества, и многолетняя административная работа не давали возможности заняться порученным делом. И только сейчас, вернувшись к исследовательской работе, в преддверии юбилея моего любимого руководителя, мне удалось эти материалы расшифровать, изучить и подготовить к изданию.

На фрагментарность изученности исследований о казаках-некрасовцах XX в. обратили внимание современные донские историки и отметили важность трудов М. А. Полторацкой и Ф. В. Тумилевича². В новой монографии В. М. Грязновой³ о говоре некрасовцев названы только публикации фольклориста Ф. В. Тумилевича, а работы языковеда М. А. Полторацкой⁴ (1899–1968), участницы первых экспедиций к некрасовцам (1937, 1938, 1939) и автора первого описания их говора, не упомянуты.

В тетради Е. Г. Буровой подробно законспектированы две статьи Полторацкой, кратко одна работа Тумилевича, несколько публикаций о говорах старообрядцев других регионов, составлен список библиографии с шифрами в РГБ. Видно, что намерения у сотрудницы академического института были серьезные, но изучение истории исследований о старообрядцах показывает, что для советских ученых такие исследования были сопряжены с большими трудностями, поэтому судьба материалов, собранных в поселениях первых казаков-репатриантов Краснодарского края, исключением не была. Ссылки на работы М. А. Полторацкой остались только в конспекте, потому что в советских публикациях на упоминание имени эмигрантки было наложено табу.

² Коломиец А. М. Дневник-отчет о поездке в научную командировку в казакам-некрасовцам / Подготовка текста к печати, вступительная статья, комментарии и примечания В. И. Колесова, Д. В. Сеня // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2012, с. 261–262.

³ Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М., 2016. 728 с.

⁴ СПФАРАН, ф. 77, оп. 5, д. 116. Полторацкая Марина Артемьевна. Личное дело. По печатным источникам Полторацкая Марианна (Маргарита) Артемьевна (1906–1968).

В 1947 г. казаков-некрасовцев посетил краснодарский краевед А. М. Коломиец и составил дневник-отчет, который до последнего времени оставался неизданным. Сопоставление полевых дневников Е. Г. Буровой и дневника-отчета А. М. Коломийца свидетельствует о том, что они были в одних и тех же местах, встречались с одними и теми же информантами.

Полевые дневники Е. Г. Буровой содержат краткие сведения о населенных пунктах, в которых был собран материал, сведения об информантах, описание жилища и хозяйственных построек, традиционного женского костюма, сделаны карандашные зарисовки построек, одежды и отдельных ее элементов, головного убора. В записях диалектной речи особое внимание уделяется фонетическим чертам; лексике и синтаксису внимания уделено меньше, но вполне достаточно для общего представления о говоре.

В докладе будут изложены результаты сопоставления основных черт говора казаков-некрасовцев, представленных в публикациях М. А. Полторацкой⁵, отмеченных в полевом дневнике Е. Г. Буровой и тех, что выявлены в языке авторов писем из турецкого Майноса, которые никогда не были в России.

А. П. Майоров (Улан-Удэ)

Инодиалектные слова в говорах семейских Забайкалья

Междиалектные контакты — неизбежное условие существования подавляющего большинства территориально ограниченных форм общенародного языка. Исключение составляют островные диа-

⁵ *Полторацкая М.А.* О языке казаков-некрасовцев. Тексты // Ростовский на Дону государственный педагогический институт. Ученые записки. Факультет языка и литературы. Т. II. Кафедра общего и русского языкознания. Ростов н/Дону. С. 111–116. Она же. Работа научно-исследовательского кружка РПИ. // Там же. С. 129–136. Она же. Островок русской старины (казаки-некрасовцы) // В помощь преподавателю русского языка в Америке / A Guide to Teachers of the Russian Language in America. Vol. 8, No. 31 (1954), pp. 28–36, Vol. 8, No. 32 (1954), pp. 1–17.

лекты, развивающиеся в иноязычном окружении и по определению лишенные возможности контактирования с говорами этнического «материка».

Наиболее интенсивно инодиалектной лексикой как следствием междиалектных контактов насыщаются вторичные переселенческие говоры. Традиционно ко вторичным диалектным образованиям, словарный состав которых подвергся значительным изменениям, относят старожильческие сибирские говоры, в том числе говоры циркумбайкальского региона. В то же время расхожим является мнение, что из переселенческих говоров говоры старообрядцев (к ним относятся и говоры семейских Забайкалья) отличаются минимальной степенью междиалектного контактирования в силу практически их полной сознательной изоляции от других социальных групп соответствующего региона.

Многие ученые, занимающиеся изучением данных говоров, признают сугубо южнорусскую материнскую основу словаря семейских, и по умолчанию глубокого исследования инодиалектных слов в лексике говоров семейских не проводилось. Между тем говоры семейских содержат диалектные слова старожильческих говоров, севернорусские по происхождению, в большом количестве, и, что немаловажно — помимо них представлены севернорусизмы, попавшие в эти говоры еще до переселения их носителей в Сибирь.

Идентификация инодиалектных слов осуществлялась в основном с помощью сопоставительного анализа данных «Словаря говоров семейских (старообрядцев) Забайкалья», «Словаря русских народных говоров», словарей говоров Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также «Словаря русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье». Применяемая методика исследования позволяет разграничивать разные виды инодиалектных слов, устанавливать пути заимствования их говорами семейских.

Инодиалектная лексика в говорах семейских разнообразна во многих отношениях — историческом, генетическом, тематическом, структурно-системном и др. Разнообразие подходов к ее характеристике служит базой для классификации инодиалектных слов, употребляющихся в этих говорах.

По генетическому признаку выделяются, с одной стороны, достаточно компактные группы севернорусских слов и сибиризмов, с другой стороны, отдельные инодиалектные слова, представляющие говоры широкого ареала — северозападной зоны, московской, вятской, калужской, пермской и др. областей.

Исторический принцип классификации предусматривает разграничение инодиалектных слов по их связи со словами материнских говоров. Можно выделить те лексемы, которые своей полисемантической структурой, системой производных слов сохраняют историческую связь с ними, и те, которые утратили ее, развив новые значения, не мотивированные семантикой слов материнских говоров.

При наблюдении над спецификой тематических групп инодиалектных слов важен принцип их характеристики по противопоставленным и непровотивопоставленным различиям (согласно Л. Л. Касаткину). Так, непровотивопоставленные заимствованные в говорах семейских слова в виде различных этнографизмов, лакун, историзмов и других видов безэквивалентной лексики, с учетом исторического принципа могут многое рассказать о природе словаря материнских говоров. Провотивопоставленные различия, представленные многочисленными синонимическими парами типа *молотило* — *цеп*, выявляют области межкультурного контакта либо семейских со старожилами, либо веткинских старообрядцев с диалектоносителями других регионов.

В структурно-системном аспекте различаются те или иные виды инодиалектных слов, принадлежащие разным уровням языковой системы русских говоров. Фонетические, словообразовательные морфологические семантические варианты инодиалектных слов представляют с различной интенсивностью говоры семейских. Особенное внимание стоит обратить на семантические диалектизмы, либо отражающие семантические изменения заимствованных из старожильческих говоров севернорусских по происхождению слов, либо восходящих непосредственно к словарю севернорусских говоров.

И. И. Макеева (Москва)

О некоторых диалектных особенностях списков Кормчей ранней русской редакции

Кормчая ранней русской редакции представляет собой компиляцию двух источников: сербской редакции Кормчей книги и ее древнеславянской редакции. Русская компиляция создана в Киеве при митрополите Кирилле в последние годы его деятельности — в 1273–1280 гг. По его просьбе был прислан список сербской редакции; древнеславянская редакция уже бытовала у восточных славян.

До нашего времени дошло шесть старших списков русской Кормчей, о месте создания которых в основном свидетельствуют именно их диалектные особенности. Две рукописи — Арадская кормчая XV в. и Погодинская кормчая конца XVI в. написаны на юго-западе; три списка созданы на северо-западе: это Новгородская кормчая 1282 г., Варсонофьевская кормчая XIV в. и Тихомировский список XV и XVI вв. Харьковская кормчая состоит из двух частей разного времени и разной территориальной приуроченности: первая часть середины XV в. — новгородская, вторая часть рубежа XV–XVI вв. — южнорусская. Происхождение Воскресенского списка XIII–XIV вв. определить не удается.

Из шести рукописей с точки зрения текстологии и имеющих в них языковых особенностей близки Арадская и Погодинская кормчи и Варсонофьевский список и первая часть Харьковской кормчей.

В каждой паре рукописей имеются общие и частные языковые черты. Очень яркими и общими для «новгородской» пары являются цоканье, мена начальных *у* — *в*, мена *ѣ* — *и*. В Арадской и Погодинской кормчих также имеется мена *ѣ* — *и* и начальных *у* — *в*. Лексические диалектизмы в Кормчей как церковно-юридическом памятнике отсутствуют.

Частные диалектные особенности встречаются в одном из парных списков. Так, в Варсонофьевской кормчей имеется предлог с удвоением *във* (*ушии*), а в Харьковской — постпозитивная указательная частица *-от* (*муж-отъ* 164б, *сбор-отъ* 154б), которая по-

явилась на месте первоначального указательного местоимения *тъ*. В Погодинском списке есть написания, свидетельствующие об отвердении [р] и [ч] (*прорыцаа, почытаемъ* и др.) и произношении твердого согласного [в] на конце слова (*любовь, кровь*).

Общие для пар рукописей диалектные особенности каждый писец отразил в разной степени. При этом возможна корреляция: чем проще орфографические установки писца, тем больше диалектных черт проникает в текст. Иногда можно предполагать, что часть написаний писец перенес из оригинала, с которого он списывал текст. Третий аспект исследования языковых особенностей списков Кормчей ранней русской редакции касается отношения писцов к инодиалектным явлениям.

В паре рукописей, происходящих из новгородского ареала, старшей является Варсонофьевская кормчая XIV в. В ней умеренно отражены свойственные этой территории языковые черты. В Харьковском списке их больше, причем по конкретным словам-позициям мена *ѣ* — *и* и цоканье в обеих рукописях обычно не совпадают, хотя только цоканье (но не мена *ѣ* — *и*) иногда отмечается в одних и тех же формах глаголов *нарицати(са)* и *отърицатиса*. Мена начальных *у* — *в* ограничена лексически и отмечается в одних и тех же позициях.

В паре юго-западных рукописей старшим списком является Арадский. Примеры мены *ѣ* — *и* в нем единичны; в Погодинской кормчей их больше, в основном за счет регулярного написания с *-и-* форм мн. ч. местоимения *весь*. В Погодинском и Арадском списках оказываются одинаковыми словоформы с меной начальных *у* — *в*, что позволяет предположить их перенос из оригинала. Очевидно, говору писца Погодинской рукописи это явление не было чуждо, хотя иногда он меняет написание: *оузрость* → *възрость*, *невгодень* → *неоугодень*, предлог *оу* → *въ*. Без изменений в Погодинский список перенесено как не вполне понятное единственное написание с цоканьем *простча* (← *протца*), имеющееся также в Арадской кормчей. Словоформу *кназа*, вероятно, отражающую языковую особенность Волыни и несколько раз встречающуюся в старшем Арадском списке, писец Погодинской рукописи устранил как инодиалектную, заменив на обычную *кназю*.

Я. В. Малькова (Екатеринбург)

К этимологии некоторых диалектных лексем с семантикой брезгливости¹

В докладе рассматриваются три лексемы с семантикой брезгливости: пск., твер. *посвірывать* ‘привередничать, брезговать’ [СРНГ 30: 142], калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’ [СРНГ 14: 15], дон. *скабѣжливый* ‘брезгливый’ [БТСДК: 486]. Объединить эти слова в рамках одной работы позволяет близость их значений, а также сходство семантико-мотивационного развития.

ПОСВИРЫВАТЬ

В пск., твер. *посвірывать* ‘привередничать, брезговать’ [СРНГ 30: 142], с нашей точки зрения, можно выделить корень –*вир*–, ср. пск. *вірать* ‘поворачивать’ [СРНГ 4: 292]. Думается, в семантике верчения, поворота в разные стороны отражается представление о непостоянстве настроения брезгливого человека, ср. также твер. *взвірывать* ‘беспрестанно менять свои желания’ [Там же: 249].

Нужно, однако, отметить, что существуют и другие лексемы с корнем –*вир*–, которые характеризуют поведение (пск., твер. *привировать* ‘привирать’ [СРНГ 31: 140], *свирять* ‘сплетничать’, ‘сваливать вину на другого’, ‘уклоняться, увиливать от чего-л’ [СРНГ 36: 296] и др.). Вероятно, во всех приведенных случаях реализуется идея искажения прямизны как нарушения социальных норм (ср. о представлении ненормативности кривого [Толстая 2008: 275]).

КОБЗОВАТЬ

По нашему мнению, калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’ [СРНГ 14: 15] связано со смол., ряз., пенз. *кобызѣться* ‘вести себя надменно, гордо; упрячиться, ломаться’ [Там же: 17].

По-видимому, данные лексемы содержат префикс *ко-* и корень –*быз*–/–*бз*–, который также представлен в вят. *быз* ‘о плаксивом,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

капризном ребенке’, [СРНГ 3: 340–341]. Последнее А. Е. Аникин возводит к *бызовать* ‘о рогатом скоте: беситься в летние жары, с половины июня по третью неделю июля, от мошки, оводов и червей; бегать с неистовым ревом, метаться зря, задрав хвосты’ (ср. *скот дрóчится* ‘бесится с жиру’, ‘бегаёт и ревет от жары, насекомых’ и *ребенок дрóчится* ‘нежится или дурит, плачет, чтобы его приласкали’). Далее — звукоподр. **бъз-* в *бзыкать* ‘бызовать (о скоте)’ [Аникин 2007: 273].

К этому же гнезду мы относим лексику, которая называет различные негативные характеристики человека, такие как, к примеру, высокомерие (ряз. *кобызёк* ‘о самоуверенном, дерзком человеке’ [СРНГ 14: 17]), задиристость (р. Урал *скобызók* ‘о дерзком, задиристом человеке; драчуне’ [СРНГ 38: 43]), а также некоторые черты поведения (ср. вят. *забызётъ* ‘закричать, зареветь; заплакать без причины’ [СРНГ 9: 279], р. Урал *скобызйтъся* ‘рассердиться, обидеться на кого-, что-л.’ [СРНГ 38: 43]).

СКАБЕЖЛИВЫЙ

Мы предполагаем, что дон. *скабёжливый* ‘брезгливый’ [БТСДК: 486] относится к тому же гнезду, что и *кобзовать*.

Корень, представленный в лексемах выше, как кажется, подвержен фонетическому варьированию, ср. ряз. *скабёзливый* ‘с плохим аппетитом (о человеке или животном)’ [СРНГ 37: 361], *копызливый* и *кобызливый* ‘упрямый, несговорчивый’ [ССГ 5: 76], волог. *бзливый* ‘избалованный, капризный’ [СРНГ 2: 288].

Обнаруживаем сходство слов *скабежливый*, *кобзовать* и в развитии значений: дон. *скабёжливый* ‘заносчивый’ [БТСДК: 486], ряз. *скабёжник*, *скабёжница* ‘плакса, рева’ [СРНГ 37: 161] и др.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т филологии Сиб. отд-ния РАН. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси : Знак : Нестор-История, 2007—. — Вып. 1—.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и жур-

- налистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. — М.: Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. — 608 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
- Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2008. — 528 с.

А. В. Мальшева (Москва)

Родительный и винительный падежи при отрицании в западнорусских говорах: корпусное исследование

Изучение вариативности родительного и винительного падежей при глаголах с отрицанием на диалектном материале показало, что процентное соотношение генитива и аккузатива в отрицательных конструкциях неодинаково на разных территориях [Seržant 2014; Мальшева, Ронько 2020].

В работе [Мальшева, Ронько 2020] на материале нескольких современных электронных диалектных корпусов и собраний расшифрованных текстов разной территориальной принадлежности, а также устного корпуса НКРЯ было условно выделено три типа языковых систем, различающихся по употреблению аккузатива и генитива при отрицании.

1. Процент генитива составляет менее 30% («аккузативный» тип): восточные южнорусские и среднерусские говоры с. Малинино Хлебенского р-на Липецкой области — 20%, с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области — 26%, с. Пустоша Шатурского р-на Московской области — 27%.
2. Процент генитива составляет от 30% до 45%: западные среднерусские говоры Опочецкого района Псковской об-

ласти — 34%, северо-восточные среднерусские говоры Юрьевецкого, Лухского и Вичугского районов Ивановской области — 45%. В эту группу входит также устный корпус НКРЯ — 32%.

3. Процент генитива составляет более 50% («генитивный» тип): севернорусский корпус говоров Устьянского района Архангельской области — 58%, севернорусские данные диалектного корпуса НКРЯ — 75% и корпус с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области (крайний юго-запад, т. н. «Брянский угол», на границе с Украиной и Белоруссией) — 73% генитива.

Таким образом, выделяются генитивные зоны на севере и крайнем юго-западе Европейской части России и аккузативная зона на востоке территории, обследованной для составления ДАРЯ (ее центром является, предположительно, Восточная, или Рязанская группа говоров). Однако границы этих зон из-за недостаточности материала остаются неясными.

Исследование трех корпусов западнорусских говоров (Лужниковского, Хиславичского и Нехочинского), созданных в 2020–2021 годах, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Западнорусские корпуса различаются между собой по процентному соотношению аккузатива и генитива при отрицании. Западный среднерусский говор д. Лужниково Вышневолоцкого района Тверской области [Малышева, Тер-Аванесова 2021] относится к «аккузативному» типу (21% генитива) и, таким образом, сближается с восточными корпусами с. Роговатое, Малинино и Пустоша. В говоре Хиславичского района Смоленской области [Рыко, Спиричева 2021] обнаруживается 34% генитива, что объединяет этот корпус с устным корпусом НКРЯ и корпусом западных среднерусских говоров Опочецкого района Псковской области. Говор Нехочей [Тер-Аванесова и др. 2020] является генитивным (63% генитива) и сближается с северными корпусами и говором Спиридоновой Буды.
- 2) Таким образом, обнаруживается неоднородность говоров западной диалектной зоны с точки зрения употребления

аккузатива и генитива при отрицании и подтверждается наличие генитивных систем на юго-западе.

- 3) Исследованные корпуса содержат преимущественно аудиоматериалы, полученные от информантов 1930–1940-х годов рождения. В Лужниковском и Хиславичском корпусах имеются также записи от информантов, рожденных в 50–60-е годы XX в. Однако количество примеров от более молодых носителей говора относительно невелико (32% в Хиславичском корпусе, 20% — в Лужниковском), и если исключить эти примеры из подсчетов, общее соотношение аккузатива и генитива при отрицании существенно не меняется (33% генитива в Хиславичском корпусе, 23% — в Лужниковском).

ЛИТЕРАТУРА

- Малышева А. В., Ронько Р. В.* Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ // Вопросы языкознания, 2020, 4: 25–54.
- Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В.* Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/luzhnikovo/>, дата обращения 06.07.2021.)
- Рыко А. И., Спиричева М. В.* Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi/>, дата обращения 06.07.2021.)
- Тер-Аванесова и др. — *Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н.* Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/nekhochi/>, дата обращения 06.07.2021.)
- Seržant I. A.* The independent partitive genitive in North Russian. Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars. (Slavica Bergensia, 13.) Seržant I. A., Wiemer B. (eds.). Bergen: John Grieg AS, 2014, 270–329.
-

Н. В. Маркова (Петрозаводск)

Особенности форм настоящего времени глагола в заонежском диалекте

В заонежском диалекте личные формы глагола несколько выделяются на общем фоне севернорусских говоров и говоров онежской группы. При безусловном преобладании общерусских форм нельзя не заметить глубокую архаичность отдельных личных окончаний. К древнейшим относятся формы 3 лица без **т**: *ну, спрашивайте, бабка ведь так не зна; пусть поезжае* Великая Губа; *ему сорок девятым иде; сирень-то цветя* Кузаранда. Известные памятникам как южного, так и северного происхождения¹, сохраняющиеся в северо-западной диалектной зоне и в западных среднерусских говорах², используются эти формы и поэтами, пишущими на заонежском диалекте: *Тая леденцем наше свиденье, Уйдешь, скроешься в стане рук...*³.

Регулярно фиксируются в Заонежье стяженные окончания 3 лица (*помогат маленько, заливат, приезжат, никто не мешат* Кузаранда) и 2 лица ед. числа (*думаешь, знаешь* Фойма Губа; *разделявашь, спрашивашь* Великая Губа). Свойственные формам в единственном числе, крайне редко стяженные окончания выражают действия 1 лица мн. числа (*таскам* Великая Губа). На склонность к экономии речевых усилий обратил внимание П. Н. Рыбников в комментарии к записанным им былинам: «Любовь к сокращениям крайняя: выкидываются не только отдельные буквы, но и целые слоги: *видла, скаце, пляше, иде...*»⁴. Возможно, сохранению

¹ Иванов В. В. История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка: морфология. Глагол. М., 1982. С. 43.

² Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география. М., 2008. С. 39, 51.

³ Агаптов В. А. Изотчина: Сборник стихов и песен. Петрозаводск, 2012. С. 81.

⁴ Рыбников П. Н. Об особенностях олонецкого подречья // П. Н. Рыбников. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. III. Петрозаводск, 1991. С. 271.

архаичных форм без *т* и использованию стяженных окончаний способствует фонетическая особенность этого диалекта — фиксированное на первом слоге ударение.

Главная же особенность связана с выражением действия третьих лиц. В речи старшего поколения, коренных заонежан, нередко фиксируется *ть* в окончании глаголов 3 лица мн. числа: *Не записываются, так живут* Космозеро; *ездят отовсюду; церковь-то верно хочуть* восстанавливать, *отпевают-то гди*; Фойма Губа; *руськи придуть* Толвужа; *цены накинуть*; *бедных людей обижают*; *уезжают теперь*; *и денежки дают*; *ноги-то мёрзнуть*; *с гармошкой идут парни* Кузаранда. Это морфологическое различие привлекло внимание исследователей еще в первой половине XX в.: «Среди общей массы северных говоров заонежские выделяются наличием *т'* в форме 3 лица настоящего и будущего времени мн. числа»⁵. Наблюдаемое в Заонежье соотношение форм 3 лица по признаку твердости/мягкости конечного согласного у окончаний глаголов соответственно ед./мн. числу С. В. Бромлей определила как отсутствие связанности форм, когда парадигма 1 спряжения характеризуется *т* в 3 лице ед. ч. и *ть* в 3 лице мн. ч.⁶

Казалось бы, в Заонежье причудливо сошлись морфологические севернорусские и южнорусские различия. Однако различия эти, вероятно, более глубинные. Не знавшие территориальных ограничений древнейшие глагольные окончания без *т* используются здесь наряду с архаичными, но, видимо, более поздними, теперь угасающими и все же противопоставленными окончаниями на *ть*. По мнению С. П. Обнорского, [*т*] и [*т'*] восходят к указательным местоимениям единственного и множественного числа, что привело к образованию окончания в ед. числе с твердым *т*, и во мн. числе — с мягким *т'*. Следовательно, существующее

⁵ Гринкова Н. П. К изучению олонекских диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1947. С. 377.

⁶ Бромлей С. В. Глагол // Бромлей С. В. Булатова Л. Н. Очерки по морфологии русских говоров. М., 1972. С. 246.

⁷ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 135.

в заонежских говорах своеобразное разнообразие личных форм глагола есть результат сохранения древней старины в речи заонежан и носит системный характер вплоть до XXI в.

Т. И. Мочалова (Саранск)

Наименования оврагов в русских говорах на территории Республики Мордовия

В процессе жизнедеятельности человек оценивает и номинирует реалии окружающего мира, так как от этого зависят условия его существования на данной территории. В оценке рельефа местности носители диалекта отмечают наличие разного рода неровностей, холмов, оврагов, болот. В русских говорах Мордовии зафиксированы разнообразные наименования оврагов — относительно глубоких и крутосклонных ложбин, образованных в результате водотока [СРГРМ]¹.

Многочисленной является группа слов с обобщенным значением 'овраг': ² *коври'га*, ¹ *враг*, *кру'ча*, ¹ *кунды'болка*, *ле'мжа*, *ме'ня*, *о'спище*, *фрак*, *я'мища*. Носители диалекта отмечают локальное закрепление подобных наименований: *Аврак нъзывалси лемжъй* (Шишкеево, Рузаевский район). Примыкают к этой группе наименования частей оврагов: *тебль*, *шерчо'к* — 'склон оврага', *отро'жек*, *отро'жина* — 'ответвление основного оврага'. В диалектной среде ответвлениям оврагов принято давать имена собственные: *Ат врагъх идут ва фсе сторъны атрожыны: Оськин куёт, Филанъвъ. А ат Паповъй атрожыны идёт прямой врак. Фсех атрожын и ни упомниш* (Дмитриев Усад, Атюрьевский район). Сеть оврагов, исходящих из одного места, в исследуемых говорах называется *стрели'цы*. Овраги и их ответвления местные жители использовали для своих нужд: *В ямищи у нас кароф пасут* (Кули-

¹ СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под. ред. Р. В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. Т. 1–8.

ково, Краснослободский район). *Фтарая бригадъ шырчыки нъчяла касить* (Рязановка, Старошайговский район). В *атрожынъх ягът пално быват* (Вярьвель, Атюрьевский район).

Разнообразием отличаются наименования оврагов в зависимости от их внешних параметров: *дербе'ж* — ‘широкий овраг’, *дол* — ‘глубокий овраг’, *обва'л, обал* во 2 знач., *суги'биль* — ‘овраг с крутыми склонами’, *верши'на* — ‘овраг с пологими склонами, лощина’. Отдельную группу составляют названия оврагов, заросших травой или кустарником: *пошла'тка, 2прива'л* — ‘овраг, поросший травой’, *отве'ршик, стре'лка* в 1 знач. — ‘овраг, заросший кустарником’. Более сложную смысловую структуру имеют наименования с комбинацией нескольких сем: ‘овраг’ + ‘особенности склона / ширины / глубины’ + ‘заросший чем-либо’. Сюда можно отнести многочисленные диалектные образования: *давы'дка, ендова', ендови'на, эндоур'ка, колесни'к, ло'дки, лопа'ты, овня'з, па'дчина, подука'тна, пошла'тка, 2прива'л* — ‘широкий овраг, поросший травой’; *обня'з, 1стрела'* — ‘неглубокий овраг, поросший травой’; *ка'лмушка, лопа'ты* — ‘пологий овраг, поросший травой’, *па'дчина, подука'тна* — ‘овраг с пологими склонами, поросшими травой’ и др. Зафиксированы в СРГРМ единичные названия оврагов, связанных с течением воды: *промы'в* — ‘овраг, промытый водой’, *водочо'к* — ‘овраг, лощина, по которой течет ручей’. Особенности рельефа местности, в частности овраги, нередко используются местными жителями в качестве некоего ориентира для обозначения селения или номинации человека: *завра'з* — ‘часть селения, расположенная за оврагом’, *завра'жный* — ‘живущий за оврагом’.

Как показало проведенное исследование, большая часть наименований оврагов в русских говорах Мордовии является собственно лексическими диалектизмами: *1кунды'болка, ле'мжа, давы'дка, дербе'ж, ендова', эндоур'ка, ка'лмушка, овня'з, тебль, шерчо'к* и др. Несколько слов образованы в диалектной среде в результате фонетической трансформации (*1враг* — ‘овраг’) или изменений в семантике (*кру'ча, дол, обва'л, верши'на, ло'дки, лопа'ты, 1стрела'*) общенародных слов. Почти все слова этой группы являются однозначными, лишь единичные лексемы употребляются

в нескольких значениях: *стре'лка* в 1 знач. — ‘*овраг, заросший кустарником*’, во 2 знач. — ‘*деталь плуга, регулирующая глубину вспашки*’, в 3 знач., перен. — ‘*легкомысленная женщина*’.

В составе данной группы слов представлены синонимические ряды с доминантой ‘*широкий овраг, поросший травой*’ (12 слов), ‘*овраг*’ (9 слов) и др. Зафиксированы единичные антонимические пары: *суги'биль* — ‘*овраг с крутыми склонами*’ и *верши'на* — ‘*овраг с пологими склонами, лощин*’, *дол* — ‘*глубокий овраг*’ и *1стре'ла* — ‘*неглубокий овраг*’. Наименования *1враг*, *2коври'га*, *1кунды'болка*, *2прива'л*, *1стре'ла* имеют омонимичные образования, ср.: *1кунды'болка* — ‘*овраг*’ и *2кунды'болка* — ‘*березовый сок*’.

Таким образом, лексическое многообразие наименований оврагов отражает особенности окружающей среды региона. В процессе номинации человек акцентирует внимание на специфической черте самого природного географического объекта, его назначении в трудовой и хозяйственной деятельности.

Т. И. Мурзаева (Саратов)

Формы глаголов 3 лица в одном из южнорусских говоров Саратовской области

Саратовская область характеризуется наличием переселенческих говоров с активно протекающими преобразованиями [Мурзаева 2019]. Однако и в таких регионах встречаются островки говоров с устойчивыми диалектными системами. Примером может служить небольшой ареал говоров Ивантеевского района (Бартевевка, Ишковка, Николаевка), соотносимый с Курско-Орловской диалектной группой исконной территории южнорусского наречия. Здесь сохраняются следы диссимилятивного аканья жиздринского подтипа, диссимилятивное яканье суджанского подтипа, билабиальный [w] перед согласными и в конце слов, /y/ оглушается в [x], регулярна прогрессивная ассимиляция заднеязычных, употребля-

ются южнорусские формы родительного падежа типа *у сестре, у мене, у тебе, у себе*. Особый интерес представляют формы 3 лица глаголов в говоре с. Николаевка. К анализу привлечены данные, записанные в ходе экспедиции 2019 г. Согласно имеющимся данным, село основали крестьяне из Тульской, Калужской и Московской губерний. В настоящее время население Николаевки — около 700 человек.

Южнорусские формы глаголов 3 лица настоящего/будущего времени с [т'] в окончании употребляются в говоре села параллельно с архаической формой без конечного согласного. обстоятельный обзор таких форм по данным I половины XX в. приводит С. П. Обнорский [Обнорский 1953: 117–137]. Он считает подобные формы древними и опирается на гипотезу Ф. Ф. Фортунатова, согласно которой еще в балто-славянскую эпоху образования с *t возникли в результате агглютинации для указания на уже известный субъект действия. Формы без *t зафиксированы в памятниках XI–XIV вв. и квалифицируются как диалектные.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что формы множественного числа употребляются с [т'] в окончаниях во всех случаях. В 1 спряжении формы с окончанием под ударением: *жывуть, пасуть, нясуть*; в безударном положении: *пайидають, приедуть, аткроють, нанимають, стріляють, прастреливають, скажуть, падумают, уавкають, асиминяють, рьзуаваривьють, зайижжають, вырастуть, спрашывають, распишуть*. Во 2 спряжении формы с окончанием под ударением: *пайидять, вилять, стаять, уварять, лижать, улидять, уарять*; в безударном положении: *ходють, держуть, плотють, звонють*.

В единственном числе, если ударение падает на окончание, употребляется [т']. В 1 спряжении: *пайдѣть, зайдѣть, идѣть, атпасѣть, жывѣть, заприуѣть, пѣдаѣть, кладѣть, вазьмѣть, паднисѣть, пѣть*. Во 2 спряжении: *кричить, уварить, стаить, сидить, бяжыть, лятить, ляжыть*. Если ударение падает на основу, то примеры с [т'] в окончании единичны. В подавляющем большинстве случаев употребляются формы без [т']. В 1 спряжении: *он можа ни мох съдиржать; сорьк адин уот осинью будя; уже работая в районный бальницы; а сын истарическый тожа заканчивая тожъ ф Саратови; он падѣруая; можъ жаницца здумая или чѣ;*

можъ зделая; хто иё зная; кров' наверна ни паступая; сама ни хоча работать; сабачка атпууъвъя; сасетка расказывая; ништо их ни стрилляя; давления верхний падая нижний пульс зашкаливая да сто сърака с лишним бывая; папа-ть пауибня; Андрей в ночь ууляя; фсё пасохня; он ничё ни атвичая; но сабачка уаукаить.
 Во 2 спряжении: *уходя* ат учительницы ат этъй; *патходя* очирить; *ана мне звоня* ночью; *ана любя* поддавать; *падрууа* к ней *ходя*; *ана из леса выходя*; *приходя* ана к ней; *дочь в бальницу возя*; *авчинка выдилки ни стоя*; *ищас как ускоча* и он иё *задавя*.

Наблюдения показывают, что в рассматриваемом говоре актуализация форм без [т'] зависит от числа (только в единственном) и места ударения (только на основе) и не обусловлена ни спряжением глагола, ни местом положения в речевой единице.

ЛИТЕРАТУРА

Мурзаева Т. И. Тенденции развития южнорусского говора на территории Саратовской области // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы. Материалы VII Международной научной конференции. — Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. — С. 305–309.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 260 с.

С. А. Мызников (Санкт-Петербург)

Диалектная лексика в фольклорных текстах *e contrario*

Вопросы специфики языка фольклора давно разрабатываются в контексте различных проблем. Причем взаимоотношения диалектной речи, языка фольклора и литературного языка анализировались с разных позиций, нередко приводящих к противоположным выводам (см. Богословская, 1960; Богословская, 1985; Евгеньева, 1963; Оссовецкий, 1975; Хроленко, 1991; Филин, 1981). Хотя понимание того, что «речь сказочников, сказочниц, певцов, певиц и об-

ластной говор — не одно и то же» (Смирнов, 1901, 128), осознано уже давно, тем не менее лексика фольклора, не функционирующая в русском языке вне его произведений, включается в диалектные словари (Сороколетов, 1974, 193–204). Причем в настоящее время описание и лингвистический анализ произведений фольклора вышли на качественно новый уровень, что, естественно, требует и новых методов и подходов. Ярусный анализ произведений фольклора выводит на первый план лексику, что в свою очередь требует изучения различных ее сторон, в том числе и региональной специфики. И хотя лексика фольклора включается в диалектные словари, что априори предполагает ее первичную географическую привязку, лексикографическая разработка подобных данных нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Так, например, в трудах курской школы лингвофольклористики представлен анализ всех значимых сторон фольклорного слова. В диссертационном исследовании С. П. Праведникова «Территориальная дифференциация языка русского фольклора» впервые предпринята попытка описания фактов пространственной дифференциации лексики фольклорных текстов; применяется новая система методов лингвокультурологического анализа; на широком фактическом материале выявлена локальная и региональная специфика фольклорного дискурса в контексте общерусской традиции; изучено взаимодействие языковых единиц фольклорных произведений, бытующих на разных территориях; проанализировано соотношение территориальной и жанровой дифференциации на примере народнопоэтической речи, былинного и сказочного эпоса. Автор в работе делает весьма интересные выводы, вводя понятие фольклорного диалекта:

1. Бытовой диалект определяется через факт наличия, а фольклорный диалект — и через наличие, и через факт актуализации языковых единиц.
2. Основным критерием выделения фольклорных диалектов является лексема, поскольку именно лексический ярус языковой системы характеризуется как самый подвижный и социально отзывчивый ярус языка.

3. Критериальным показателем диалекта служит асимметрия в формулах количественного сопоставления; при определении фольклорного диалекта существенную роль играют последовательность самых частотных слов и их ранговое место в частотных словарях. Например, ср. дифференцированное употребление лексем в диалекте и в фольклоре: **Казáк** ‘наемный рабочий, батрак в крестьянском хозяйстве’ Север [СРНГ 12: 307]. **Казáк** — постоянный эпитет богатыря в былинах.

ЛИТЕРАТУРА

- Богословская О. И. Диалектные элементы в языке сказителей Рябининых // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Т. XVI, вып. I. С. 55–65.
- Богословская О. И. Язык фольклора и диалект. Пермь, 1985.
- Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.—Л., 1963.
- Оссовецкий И. О. О языке русского традиционного фольклора // ВЯ, 1975, № 5.
- Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора. Дисс. на соиск. уч. ст. док. филолог. наук. Курск, 2011.
- Смирнов Н. О морском зверином промысле на русских судах. СПб., 1901.
- Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 193–204.
- Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Хроленко А. Т. Наддиалектен ли язык русского фольклора? // Фольклор в современном мире. М. 1991. С. 55–67.

Я. В. Мызникова (Санкт-Петербург)

«Это не хвала — истинная правда»: адресант и адресат в диалектном дискурсе

Теория речевых актов уделяет много внимания говорящему, определяющему цель и конкретные особенности речевого акта. Однако в речевом акте имеется и второй, не менее важный участник —

адресат — со своими языковыми, социальными и психологическими особенностями. По словам Н. Д. Арутюновой, «всякий речевой акт рассчитан на определённую модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важных условий его эффективности»¹.

Данное положение особенно актуально для ситуации диалектной коммуникации с участием собирателя и информанта, представляющих различные социумы с разной культурной пресуппозицией. Общие для коммуникантов пресуппозиции определяются чаще всего в категориях энциклопедического знания о мире. Выражением такого знания являются представления о родовидовых и структурных особенностях предметного мира. Однако для деревенского мироустройства с его практической направленностью более актуальными являются не таксономические представления, а причинно-следственные, временные и пространственные связи.

Собиратель: — *Как-то назывались по-разному открытое крыльцо и закрытое?*

Информант: — *Ну конешна, если дождик идёт, он сухой!*

Ещё одной важной задачей того, кто намерен предложить собеседнику акт общения, является создание условий для корректной референции. Результатом «подмены» референта может стать коммуникативная неудача. Диалектоноситель любой вопрос собирателя пытается соотнести в первую очередь с конкретным референтом из непосредственно окружающего его предметного мира.

Собиратель: — *А телёнка до года как-нибудь особнным словом называли?*

Информант: — *Называли. Как отелица, сразу называши, фсякие имена есь.*

Однако не только общая пресуппозиция и корректная референция обеспечивают результативность коммуникации. Иллокутивная составляющая диалектного речевого акта обладает высокой степенью конвенциональности, обусловлена правилами и традициями

¹ Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 358.

речевого поведения, принятыми в сельском социуме. В сообществах коллективистского типа на речевое поведение могут быть наложены такие ограничения, как настороженное отношение к «чужим», стремление «не выносить сор из избы», нежелание говорить о том, что потенциально может «навредить» членам социума: *У нас молодёжь все хорошие. У нас ничо такого ни делацца, плохо. Чужых у нас никово нет.* Данная реплика диалектоносителя является ответом на вопрос о наличии прозвищ у жителей села. Высказывание представляет собой манифестацию принципов речевого поведения по отношению к «чужому» для данного социума индивиду.

В попытках собирателя преодолеть барьер оппозиции «свой — чужой» необходимо учитывать и такой фактор, как психотип адресата. Женщина-информант интровертного типа в разговоре эксплицитно выражает принцип своего речевого поведения: *Вот он [о муже] розговариват, рассказывает фсеё, а я не люблю он рассказывает, да ну ни к чому.* Весьма показательным является её высказывание о муже с противоположным, экстравертным психотипом: *Господи, простодырый какой! Ну фсеё покажът, фсеё расскажът. Ты чо делаиш? Ой глупый чьовек! Фсе шобаны пьказал?* Информант-интроверт явно осуждает положительную реакцию супруга-экстраверта на просьбу рассказать о своём хозяйстве: *Ладна хвалицца-та, бултушка! Я не люблю он хвацца.*

В то же время для информанта-экстраверта аксиологически важно транслировать культурно значимую для него информацию представителям иной социальной группы: *Она называет эта хвала, да нет, эта не хвала. Истинная правда! Без ноги осталса я в двёнацат' лет.* В автобиографическом рассказе данного информанта ключевым событием, к которому он возвращается несколько раз, становится серьёзная травма, угрожавшая его статусу полноценного члена социума, способного работать и обеспечивать себя и свою семью. Это событие стало определяющим в жизни информанта, заставило заняться ремёслами, научиться зарабатывать на жизнь. В конце рассказа информант использует его как обобщающую метафору: *И вот я как ногу изломал, так изломали совецкую влас'т', изворóтили фсею.* На критику интровертной супруги рас-

сказчик отвечает манифестацией принципов своего речевого поведения, ориентированного на трансляцию значимой в культурном и социальном отношении информации: *Я им правду сказал. Ну чо ты, ты ш голодна сидела? Вот сорак седьмой гот очень тяжолый был. На роботу с песнями, с роботы с песнями. Даром голодны, а душа веселилась!*

Итак, планируя и реализуя речевой акт, адресант должен учитывать характеристики адресата, в том числе важна исповедуемая им система ценностей, поскольку даже логически безупречный аргумент обречен на неудачу, если он исходит из чуждых адресату принципов.

Г. Д. Неганова (Кострома)

Ландшафтная лексика в говорах костромской низины: номинация равнинных мест

Костромская область расположена на северо-востоке центральной части Русской равнины — самой большой в восточном полушарии. Западную часть территории региона, протянувшись от Волги по побережью реки Костромы и охватывая современные Костромской, частично Буйский и Сусанинский административные районы, почти полностью занимает Костромская низина. В историко-культурном отношении это знаковая территория: там находятся знаменитые Ипатьевский и Иаково-Железнодорожский монастыри — с первым связаны имена царей Бориса Годунова и Михаила Романова, со вторым — Григория Отрепьева (Лжедмитрия I). На затопленном водохранилище в середине XX века землях расположена «Костромская Атлантида» — местность, в XII–XIII вв. освоенная выходцами из Новгородской, затем Владимиро-Суздальских земель. Это край, где подолгу бывал поэт Н. А. Некрасов и где жили герои его самых известных произведений.

Этнодиалектная зона Костромской низины географически соотносится с бассейном реки Костромы, а лингвистически выделя-

ется в ареале центральных западных костромских говоров, Предметом нашего внимания при изучении диалектной лексики этой зоны являются народные ландшафтные термины.

Костромская низина, имея равнинный рельеф, осложнённый формами мезо- и микрорельефа, представляет собой почти плоскую поверхность, что объясняется её происхождением из доледникового озера, незначительные понижения перемежаются с холмами и гривами. В живой народной речи эти свойства равнинного рельефа репрезентируются ландшафтными терминами. Нами рассматриваются две группы этих терминов: названия возвышенний равнинного рельефа (*бой, борови'на, буй, верети'я, верхови'на, гляде'нь, горбу'ша, городи'ще, гряда', ела'нь* и т. д.) и названия понижений, в основном болот и мест на болоте (*боло'тина, боло'твина, за'болоть, зыбу'н, ляди'на, мочежи'на, низови'на, перепарина, провали'ще, солото'пина* и др.).

Наблюдения, которые велись относительно репертуара рассматриваемых групп терминов и структуры их лексического значения, выявили следующее.

В лексике говоров Костромской низины имеется достаточно широкий набор языковых единиц, номинирующих мезо- и микроформы равнинного рельефа, что обусловлено, с одной стороны, своеобразием диалектных микросистем этнодиалектной зоны, с другой стороны, природно-географическими особенностями территории их бытования. Так, лишь в говорах Костромского района для номинации возвышенного открытого места используется лексема *глядеть*; лексема *буй* употребляется в говорах Костромского и Сусанинского районов, в буйских говорах используется лексема *бой*, а слово *буй* известно с другим значением — ‘быстрое течение в реке, стремнина’. Со значением ‘возвышенность, поросшая лесом’ только в сусанинских говорах используется лексема *ела'нь*, только в Костромском районе — лексемы *верети'я* и *гри'ва*; лексема *борови'на* — в говорах Костромского и Буйского районов. В сусанинских и буйских говорах со значением ‘луг на возвышенности’ бытуют лексемы *плёс* и *сухплёс* соответственно. В говорах южной части Костромской низины слов с таким значением не зафиксировано, поскольку для данной территории характерны пойменные луга, на возвышенностях же, в силу природных условий — затоп-

ления приречных территорий во время весеннего разлива, издавна строились селения.

Семантическая индивидуальность каждого слова коррелирует как с обозначаемой географической реалией, так и с отражением этой реалии в сознании диалектоносителя и противоположением данного слова другим словам лексико-семантической группы, в которую оно входит. В исследовании обращается внимание на семантическое содержание однокоренных слов: *гри'ва*, *гри'вка* и *гриву'шка*; *гряда'* и *грядник*; *подго'рье* и *подго'рица*; и др.

Мотивация названий некоторых географических реалий отражает менталитет диалектоносителей, их отношение к объекту номинации, что видно из толкования терминов и примеров их употребления в живой народной речи.

Гляде'нь, м. Возвышенность, открытая со всех сторон, с хорошим обзором. *Пойди на глядень, дак там деревни-то далеко видать*. Костром. (д. Степаново).

Горбу'ша, ж. Крутая возвышенность. *На горбушу лошасть ни визёт*. Костром. (д. Кузнецово).

За'болоть, ж. Топкое болотистое место. *В заболоть-ту опасно ходить летом, можно потонуть. А веть ягот-ту там ужесть. Ну зимой ишишо нечево, можно ходить, а летом страшно*. Сусанин. (д. Буяково).

Е. А. Нефедова (Москва)

Земля: лингвистическая и культурная семантика

Идея обусловленности характеристик слова, общего для литературного языка и говоров, его положением в разных языковых системах, обсуждалась еще в 60-е годы прошлого столетия в работах таких видных диалектологов, как И. А. Оссовецкий и О. Г. Гецова. Свое дальнейшее развитие эта тема получила в исследованиях, проводимых на материале архангельских говоров и положивших начало формированию особого направления по изучению семан-

тики общерусских слов в диалектном пространстве. В рамках этого направления изучено концептуальное содержание таких ключевых для народной культуры общерусских слов, как *время и погода, рождение и жизнь, свобода и воля, болезнь и смерть, честь и совесть, вера, праздник* и др.

В докладе будет рассмотрена семантика и сочетаемость слова *земля* в архангельских говорах. Это слово является именем концепта, относящегося к константам культуры, обладающим, по определению Ю. С. Степанова, устойчивостью и постоянством. Задача исследования — определить объем и содержание понятия ЗЕМЛЯ, характерные для традиционной народной культуры, имеющей преимущественно аграрный характер.

Анализ материала позволяет определить основные смысловые координаты ЗЕМЛИ. Земля — это поверхность, на которой располагается все живое: *И вот шчѣ (много) на землі нарóду, и вот хто чѣм занима́йеца*; это почва, грунт: *Не прокісла земля́ йещѣ, вот и máло (грибов)*; земля — это объект обработки и источник питания: *За кáждый клóчь землі борóлись, за каждый клóчь зерна́*; это своя, родная, наша земля, родина; это место захоронения человека, могила: *Покóйничѣк трі́цать лѣт ф сыро́й землѣ*. С землей соотносятся пространственные координаты: обширность пространства, низ в оппозиции верху: *Вѣтер смотрі́ как: дерѣвья у нас до землі клáняюца. Да ты йім привѣт передава́й, от нѣба до землі*; состояния и свойства человека: *Напíлся, рогá в зѣмлю да пошумѣть, подра́цца. Та дѣфка у меня́ ходова́я, зѣмлю рóйот*.

Выделенные смысловые зоны характеризует подробность семантической разработки, которая достигается разнообразной свободной и связанной сочетаемостью имени, а также его употреблением в составе фразем. Все нюансы смыслов покрываются представлением о материнском начале земли — *земля-мать, матушка, мать, земля́ — свято́е, она́ нас ко́рмит*, ее нужно *тѣшитъ, чіститъ*. Человеку надлежит *жить своѣй землѣй, врати́ корня́ми в зѣмлю, прирати́ к землѣ*, людей нужно *сади́ть на зѣмлю*.

Живой человек находится *на землѣ, свѣрх землі*: *У меня́ пять дѣушóк под землѣй, одна́ свѣрх землі, и два сы́на*. Человек старый, приближающийся к смерти, *в зѣмлю смóтрит, к землѣ*

приклоняется, в зѣмлю ростѣт, утѣптывается, осеждаѣт. Смерть неизбежна — земля в зѣмлю, земля челоуѣка прѣмет. Умершій в мать-сырѣю зѣмлю, под зѣмлю лѣг, ушел, попал, в ней он лежит (належитса), изгниѣт в землѣ, в землѣ червей кормит. Для челоуѣка важно знать, что его поверх землі не остаѣвят, что ему поверѣх землі не лежатъ, не остаѣться, его в зѣмлю свезутъ, столкают. Во время похорон челоуѣка к землѣ приговаривают, бросаѣя монеты в могилу, зѣмлю покупают.

С землей связаны поверья и обычаи: так, в праздник Духов день нельзя трогать, тревожить зѣмлю, касаться земли, в этот день земля — именинница. Убрать урожай следует до Здвиженья, после Здвиженья и земля недвижыма. На Пречистый зѣмлю чѣстят — надо фсеѣ убрать, картошку, фсеѣ убрать, корову запусьтили — начялась зимѣ.

Забвение старых обычаев осознается как сон земли: Раньше фсяки прѣзники были, а нонь каг земля спѣт. Какі прѣзники, протойо време дак.

Анализ материала обнаруживает встроенность концепта ЗЕМЛЯ в основные семантические оппозиции, формирующие модель мира. Оппозиция «низ — верх» представлена противопоставлением земли небу, в оппозиции «природа» — «аграрная культура» земля предстает как объект обработки и источник питания, в оппозиции «свой — чужой» земля — это место, где человек родился, своя, родная земля, в оппозиции «жизнь — смерть» земля связана с приходом человека на этот свет и с его неизбежным уходом.

О. В. Никифорова (Арзамас)

Фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной блин в нижегородских говорах

Обрядовая реалья, обладаѣя этноспецифичностью, способна передавать мировоззрение того народа, которому принадлежит, и выполнять функцию накопления и трансляции национально-культурного опыта. Предметом рассмотрения в статье являются обрядовые

дериваты, представленные в нижегородских говорах и образующие словообразовательное гнездо с вершиной *блин*. Слово *блин* образовано от более древней формы *млинъ*, связано с *мелю*, *молоть* [Фасмер I, 175]. Блины используются как в качестве обычной пищи, так и обрядовой (в том числе свадебной). В рамках свадебной обрядовой реальности наименование традиционного блюда приобретает символическое значение: блины — символ непорочности невесты. Среди дериватов, образованных от корня *-блин-* в нижегородских говорах, можно выделить несколько подгрупп.

Одна из них содержит наименования этапов свадебного обряда: *блинкі́* Свад. 1. Гулянье в доме родителей жениха, на котором едят блины, испечённые его матерью для невесты сына (Сеч., ц). 2. Второй день свадьбы (Вад., ю; Кр.-Окт., ю-в). 3. Третий день свадьбы, отмечаемый в доме невесты (Богор., ю) [ДСНО I, 132].

Кроме отмеченного в Диалектном словаре Нижегородской области слова, для номинации второго дня свадьбы в нижегородских говорах используются лексемы: *блины́* (Арз., Вад., Див.), *блинкі́* (Ворот.), *блінчики* (Гаг.), *блінники* (Бор., Ворот.), *бліннички* (Ард.), *на блины́* (Возн., Кр.-Окт., Пильн., Сосн.), *на блинкі́* (Бут., Вач., Кул., Сеч., Шатк.), *блінный день* (Вач.).

У Даля лексема *блины́* зафиксирована в обрядовом значении 'стол у родителей молодой на другой день свадьбы' [Даль I, 163]. В речи нижегородских крестьян значение 'второй день свадьбы' сформировалось на базе данного посредством метонимического переноса, основанного на смежности обозначаемых обрядовых реалий (свадебная еда — второй день праздника по случаю свадьбы). Особо следует сказать о лексеме *с блина́ми* — *с горшкáми* (Арз.), которая содержит указание на два обязательных момента свадебного обряда Нижегородской области: угощение блинами и битвьё горшков, выступающих показателями честности невесты.

Следующая подгруппа дериватов в нижегородских говорах связана с номинацией участников свадебного обряда. В ДСНО зафиксировано наименование второстепенного персонажа свадебного обряда: *блінница* 2. Свад. Подруга невесты, которая вместе с другими «блинницами» раздавала блины гостям и собирала деньги на подарок молодым (Арз., ц) [ДСНО I, 132].

Отдельную подгруппу составляют наименования обрядовых действий. Глагол *блинничать* (Бор.) обозначает поездку молодых после венчания в дом родителей невесты, где молодому преподносили блины.

Четвёртая подгруппа лексем связана с номинацией обрядовых предметов. Так, во время свадебного обряда молодая дарила родне мужа полотенце, вышитое по углам, — *блинник*. (Кул.). Кроме того, лексема *блин* используется для обозначения обрядовых угощений на Масленице в составе двусловных наименований *погáные блины́*, *пёрвый блин*, *ма́сленичные блины́*, в которых маркером терминологичности служат имена прилагательные. Например, *погáный* в наименованиях *погáные блины́* у Даля имеет значение 'языческий, отнщ. до идолства, до почитания кумиров; нехристианский, некрещёный, бусурманский, либо иноверческий вообще' [Даль, III, 15] Очевидно, что символика обрядовых выпечных изделий имеет глубокие языческие и христианские корни.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что обрядовые лексемы с корнем *-блин-*, записанные в нижегородских говорах и представленные в ДСНО, соотносятся с разными сторонами крестьянской жизни и объединяются в тематические группы «Лексика свадебного обряда», «Лексика календарного обряда». Исследование фрагмента лексико-словообразовательного гнезда с вершиной *блин* даёт богатый материал для выявления мотивационных признаков, лежащих в основе образования диалектных дериватов, а также для наблюдения над лингвокультурным потенциалом обрядовой лексики.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. — М.: Издательский дом «Рипол Классик», 2002.
- ДСНО — Диалектный словарь Нижегородской области. Вып. 1. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2013.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. — М.: Прогресс, 1986.
-

Л. Н. Новикова (Тверь)

Когнитивный аспект диалектного словообразования (на материале тверских говоров)

Тесная взаимосвязь когнитивных и коммуникативных процессов в русских говорах обуславливает необходимость двойного подхода к анализу производного слова в диалектах. Производное слово как элемент когнитивных структур может рассматриваться либо статически, когда констатируется факт мотивированности и рассматриваются свойства слова как единицы производной, либо динамически, когда констатация мотивированности ведет к исследованию слова как единицы производимой, когда мы стремимся определить, в результате какого процесса оно возникает или же преобразованием какой единицы (или единиц) может считаться. Для диалектного словообразования актуальным является принцип, сформулированный Д. Н. Шмелевым для словосочетаний: «...в языке закреплены конкретные слова, но закреплены не конкретные сочетания слов, а формулы этих сочетаний»¹, что в проекции на словообразование можно сформулировать так: в языке закреплены морфемы, а конкретное производное слово образуется соединением их по определенным правилам (формулам) или вне каких-либо явных правил. Последнее является отличительным признаком поэзии футуристов, когда относительная автономность формы дает возможность находить новые сочетания смыслов (например, у В. Маяковского «серпастый, молоткастый», у М. Цветаевой «вчувствуывается в кровь», «влюбляются в любовь», «впадают в пропасть»).

В диалектном словообразовании часто наблюдаются похоже по форме явления, которые отражают семантические связи, лежащие в основе системы говора, и которые обслуживают процессы, обеспечивающие возможность выполнения когнитивных и коммуникативных задач. Например, *мокрѣдь* 'слякоть, сырость'.

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973. — С. 197.

Эвона дождь постелил, в картошке мокрёдь. Огурцы все спортились [3: 287]. *Долготьё* ‘длинные брёвна’. *Брёвна разные были, длинные брёвна, долготьё, а короткие коротьё* [2: 30]. *Млодь* ‘молодые овощи’. *С крышу щепу содрал, да на гряды, а там млодь, огурцы да кабачки* [3: 291]. *Бельёна* ‘синг. от бельё’. *Кладёшь бельёну и разглаживаешь* [1: 36]. *Голётъ* ‘становиться бедным, нищать’. *Куколева девка поехала в заказ работать, люди-то голёют* [1: 179] и др.²

Существенное различие между этими явлениями заключается в том, что в первом случае авторы художественных произведений сознательно используют творческий потенциал языка, чтобы, «играя формами», находить новые сочетания смыслов и создавать выразительные формы, помогающие в познании реального мира. В говорах же это процесс стихийного словотворчества, функционально обусловленный, использующий деривационный потенциал языка, комплекс ассоциативных связей, которые помогают извлекать из глубин сознания иногда совершенно неожиданные сочетания морфем в производных словах, отсутствующих в литературном языке, для выражения, как правило, бытовых явлений.

В большинстве случаев появление в речи диалектоносителей дериватов с достаточно прозрачной внутренней формой, относящихся к регулярным семантико-словообразовательным моделям, связано с различными вариантами участия аналогического, корреляционного и дефиниционного словообразования одновременно³. Степень участия этих типов в акте словотворчества определяется характером соотносительности деривационных и лексико-синтаксических средств выражения заданного значения. Чем больше разных лексико-синтаксических средств выражения этого значения и чем чаще они используются, тем меньше абсолютное число дериватов и регулярность их образования. Максимально регулярно словообразовательными средствами выражаются транспозитивные

² Примеры здесь и далее взяты из словаря: Селигер: материалы по русской диалектологии. Вып. 1–8. — СПб.: Нестор-История, 2003–2020. В скобках указаны выпуск и страница.

³ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — С. 25–40.

значения, поскольку лексико-синтаксических средств, способных просто поменять часть речи, не добавляя никакого нового лексического значения, в языке нет. *Белота́* ‘белизна’. Блины в осиновый лист, не понять, какой они белоты́ [1: 35]. *Бёдно* 1. ‘горько, тяжело’. *Ухажера увели, бёдно стало, вот к бабке и идешь*. 2. ‘обидно’. *Если парню бёдно на девуку, он ей плясать не даёт*. 3. ‘скучно’. *Другой раз бёдно станет и скажешь: «Сиди дома»* [1: 32]. *Ока́то* ‘покаато, наклонно’. *Я стала, а тут ака́то половичина-то, ждать надо* [4: 228]. *Объя́вка* ‘объявление, извещение’. *Была объя́вка на вакуацию* [4: 204].

Модификационные значения, в отличие от транспозитивных, легко перефразируются лексико-синтаксическими средствами. В примерах, приведенных ниже, модификационное значение может быть выражено словами «небольшой, маленький»: *севері́к* — ум.-ласк. *от се́вер* ‘холодный северный ветер’. *Севері́к* — *северный лёгенький ветерок*. *Себеню́шечка* — ум.-ласк. *от себеню́шка* ‘пирожок, обычно закрытый’. *Себеню́шки пекли, себеню́шечки* — *пирожки крытые, а если во весь стол — то пирог*. *Севáлочка* — ум.-ласк. *от севáлка* ‘лукошко для ручного сева’. *Просвирочку клали в семена, севáлочка такая была, из бересты сплетена, на шею вешали* [7: 50–51].

Мутационные значения, в отличие от модификационных, могут перефразироваться значительным числом разнообразных способов. Из всех видов словообразовательных процессов при выражении этого типа значения используется преимущественно дефиниционное словообразование, при котором «созданию единицы номинации предшествует высказывание об обозначаемом и в отличие от аналогического и корреляционного словообразования, в которых новое слово мотивируется тоже словом, дефиниционное предполагает мотивацию... суждением, содержащим дефиницию»⁴. Как правило, словарное толкование и содержит это суждение, на базе которого появилось производное слово. Например, *знако́мщик* ‘тот, кто желает познакомиться’. *Иш знако́мщики, придё, познакомимся* [2: 166]. *Затюре́мица* ‘та, которая была

⁴ Кубрякова Е. С. Указ. соч. — С. 40.

в заключении'. *Она красивитая была, затюрэмщица-то* [2: 154]. *Зарэзник* 'принесший кому-н. зло, что-н. недоброе'. *Родители, губители, зарэзники мои* [2: 142]. *Зáкупень* 'скупщик' (тот, кто что-то закупает). *Ходили зáкупни, люди, которые закупали мясо* [2: 124]. *Жевóк* 'то, что можно захватить ртом в один приём'. *Жевóк, мужчина больше откусить может. Жевóк хоть куснешь от хлеба-то* [2: 76]. *Жвачóк* 'о беспрестанно жующем человеке' (тот, кто беспрестанно жует). *Кто жуует все время, его жвачóк звали* [2: 75].

Таким образом, диалектная деривационная система чутко реагирует на потребность в появлении производных слов и активно участвует в решении возникающих когнитивных и коммуникативных задач.

*Е. А. Оглезнева (Томск),
О. В. Пустовалов (Томск, Хэйхэ, КНР)*

Русские говоры китайского Трехречья в современной языковой ситуации

Трехречье представляет собой регион Китая, в котором есть такая специальная административная единица — Русская национальная волость. Она находится в округе Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия (КНР), в долине рек Ган, Дербул и Хаул (поэтому и именуется Трехречье, по китайски — Саньэхэ, что также означает “три реки”), напротив российского Забайкалья. Близость китайского Трехречья к России обусловила их историческую связь, а также этнокультурное и языковое взаимодействие.

В начале XX в. после революционных событий в России китайское Трехречье стало местом массового бегства русских крестьян и казаков из Забайкалья в Китай. В 20–30-е гг. XX в. китайские власти поощряли освоение русскими этих земель [Гутин 2011]. В то время существовало более 20 русских сел, население которых к середине 40-х гг., по некоторым данным, достигало 25 000 чел. [Аблова 2004]. В 50-е гг. XX в. было несколько волн оттока русских

эмигрантов из Трехречья — возвращались на родину либо эмигрировали, как правило, в Австралию [Тарасов 2016].

Исконных русских в Трехречье в настоящее время нет, но остались их многочисленные потомки, которые составляют отдельную этническую группу — элосыцзу Китая [Гутин 2011: 78]. В 2009 г. в округе Хулун-Буир проживало 4210 китайских граждан русской национальности [Тарасов 2016].

Во время научных экспедиций 2017–2018 гг. в китайское Трехречье (сёла Эньхэ, Сучин, г. Лабудалинь) мы наблюдали речь потомков русских переселенцев в китайское Трехречье разных поколений и изучали их языковые компетенции.

Под языковой компетенцией нами понимается владение языком (языками) и его идиомами. На основе наших записей и наблюдений оказалось возможным создать типологию языковых личностей потомков русских переселенцев в китайское Трехречье, включающую 5 типов, в рамках которых обнаружилось от 2 до 4 подтипов. Разнообразие типов, представленных в типологии, основано на принципе “поколение”, к которому относится языковая личность, а также на таких дифференциальных признаках, как уровень владения русским языком у языковой личности (говорит/пишет/читает/понимает — не говорит/ не пишет/ не читает / не понимает), основной язык и основной идиом языка, используемый языковой личностью.

Наибольший интерес для исследователя-лингвиста представляет русский язык 2 и 3 поколения потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Это люди, рожденные в Китае в 1930-е гг. XX в. и говорящие на русском диалекте. Они являются детьми и внуками русских переселенцев, у которых матери или бабушки — русские, а отцы — китайцы. Эти люди с детства проживали в русских селах Трехречья. Русский диалект они унаследовали от своих русских предков — матерей или бабушек, носительниц русских говоров, представлявших крестьянское сословие, проживавших всю жизнь в сельской местности и не владевших грамотой. До 50-х гг. русский язык оставался основным средством коммуникации в китайском Трехречье среди русских и их потомков [Тарасов, 2016], точнее было бы сказать — русский диалект, если учитывать со-

циальные характеристики проживавших в Трехречье русских и многочисленные языковые данные, полученные из исторических, публицистических и мемуарных источников [Сундуева, 2013; Тарасов, 2016 и др].

В настоящее время для представители 2 и 3 поколений русских переселенцев в Трехречье китайский является основным языком, который они используют во всех сферах коммуникации. Степень владения китайским языком остается разной: одни читают/пишут/говорят (Лидия Д., Александр М., Зоя Б.); другие — говорят, но не пишут и не читают (Елизавета Ф.) или немного умеют писать и читать, имея за плечами 1 класс китайской школы (Мария Б.). Идиом китайского языка, используемый нашими информантами, — гипотетически разговорный китайский язык.

Русский язык в диалектной форме представители 2 и 3 поколений русских переселенцев в китайское Трехречье используют в ситуации общения между собой и в семейном кругу с детьми, а также с приезжающими из России бывшими соотечественниками. Приведем примеры диалектных особенностей в русской речи наших информантов: «*Возле вертуга костка лопнула*»; «*Три месяца на одре лежала*»; «*Жана была русска*»; «*Веди в избу, ли што ли*»; «*А вы не оробеете*»; «*Волосья дубом встали*»; «*Мы его содарживали (=содержали)*»; «*У меня там тесто, пойду пекчи пампушки*»; «*Иду-ка по дороге по маленькой*»; «*Кого сказать надо подумать*»; «*Шибко не знам*»; «*В Караванна тамока много*»; «*У нас больша девка ушла*» «*А это-ка, хлеб всё сами сеяли*» и т. д.

Диалектные особенности в русской речи потомков русских трехреченцев наблюдаются на всех уровнях языковой системы: в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, что позволяет утверждать существование данного идиома как системного образования. По совокупности диалектных черт, проявляющихся в речи представителей 2 и 3 поколений потомков русских переселенцев в Трехречье, можно идентифицировать те русские говоры, которые «унаследовали» русские трехреченцы от своих предков, «принесших» их в Китай: это говоры севернорусского происхождения, распространенные на территории Восточного Забайкалья.

Однако нельзя утверждать, что современные русские говоры в Трехречье представляют собой некий законсервированный диа-

лектный вариант русского языка. Это было невозможно по ряду причин, и прежде всего — это изначальная метисация в семьях. Типичное положение дел было следующим: русская женщина выходила замуж за китайца, проживали они в Китае, с детьми русская женщина говорила по-русски, муж-китаец — по-китайски, с мужем женщина тоже начинала говорить по-китайски; постепенно семейным языком становился китайский, а материнским языком оставался русский. Такая ситуация способствовала языковому взаимовлиянию и приводила к интерференции русской речи и китайского языка, поэтому важной особенностью современных русских говоров в китайском Трехречье является их интерферированный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Аблова Н. Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
- Гутин И. Ю.* Динамика численности русского населения автономного района Внутренняя Монголия КНР (1941–2000) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2011. № 2. С. 72–85.
- Сундуева Д. Б.* Лингвокультура Трехречья как результат межкультурного взаимодействия // Вестник ЗабГУ. № 3 (94). С. 104–110.
- Тарасов А. П.* Русская национальная волость Эньхэ в поиске своей национальной идентичности в приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С.

Д. Пасько-Конэчняк (Торунь, Польша)

Лексические гибридные формы в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше

Старообрядцы проживают в Польше на северо-востоке в сувалско-августовском регионе. Самые крупные и компактные старообрядческие деревни — это Бур (Bór) и Габове Гронды (Gabowe

Grądy). Остальные проживают в городах Августов, Сувалки, Сейны и несколько семей в деревнях. Русский говор старообрядцев является островным, он находится в польскоязычном окружении и не имеет территориального контакта с общерусским языком¹. В говоре сохранились многие псковские диалектные черты: сильное яканье, формы сравнительной степени с суффиксом *-оше*, совпадение форм Д. и Тв. пп. мн. ч. существительных и другие². Говор подвергается влиянию польского языка на всех уровнях. Польское влияние особенно заметно в лексике, фразеологии, синтаксисе и фонетике. Лексический запас старообрядцев пополняется новыми названиями, связанными с окружающей действительностью, обучением, администрацией, медицинским обслуживанием, транспортом, сельским хозяйством, домашним обиходом, одеждой³. Заимствованные лексические единицы приспосабливаются к говору в фонетическом, морфологическом, словообразовательном и акцентуационном отношениях. Кроме заимствований в говоре функционируют языковые кальки и гибридные формы, которые надо отнести к особенностям исследуемого говора. Под гибридной формой понимаем лексическую единицу, в которой русские элементы соединяются с польскими, например: *potčerk*⁴ (польск. 'podpis' + рус. 'почерк'), *učycelka* (польск. 'nauczycielka' + рус. 'учительница'), *vъzv'išče* (польск. 'wyzwisko' + рус. 'прозвище'). Происходит своеобразная контаминация, вследствие чего возникают гибридные

¹ *Grek-Pabisowa I.* Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź :Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983. С. 8.

² См. об этом: *Grek-Pabisowa I.* Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. С. 167–171; *Paško-Koneczniak D.* Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń: UMK, 2011. С. 30–32.

³ См.: *Paško-Koneczniak D.* Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń: UMK, 2016.

⁴ При записи гибридных форм применяется упрощённая фонетическая транскрипция.

образования, являющиеся лексическими инновациями⁵. Гибридные формы пополняют и одновременно обогащают лексический запас старообрядцев. А. В. Кунин замечает, что «потребность в постоянных лексических инновациях является органическим свойством каждого языка»⁶. В докладе анализируются различные механизмы образования лексических гибридных форм.

М. Пост (Норвегия, Берген)
С. В. Князев (Москва)

**Об интонации общего вопроса
в двух русских говорах
с тенденцией к пословному
тональному оформлению**

В докладе описывается интонация общего вопроса в двух севернорусских говорах, в которых широко представлено пословное тональное оформление [Кузнецов 1949; Пауфошима 1983] — д.д. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района Архангельской области в верховье Пинеги [Кузнецов 1949; Князев, Левина, Пожарицкая 1997] и д. Варзуга Мурманской области (Терский берег Белого моря, юг Кольского полуострова), близкого северным архангельским говорам [Post 2005, Пост 2008]¹.

Ранее отмечалось, что в говоре д. Варзуги в вопросах без просительного слова наблюдается мелодический контур, где после повышения тона на ударном слоге главного акцентированного сло-

⁵ См. также *Paško D.* Hybrydy językowe w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w ośrodku augustowskim // *Nowe języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur.* Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2010. С. 95–102.

⁶ *Кунин А. В.* О фразеологической интерференции // *Методы билингвистических исследований.* Москва, 1973. С. 127.

¹ В данных говорах тенденция к пословному оформлению тона проявляется в различной степени: в терских говорах она менее выражена, чем в верхнепинежских.

ва (nuclear accent) падение начинается не сразу, а на первом заударном слоге последнего фонетического слова (при наличии других слов после выделенного) либо на последнем или предпоследнем (обычно если последним является частица) слоге всего высказывания. Примером может служить вопросительное высказывание *А ты там не пла↑кала, осталась от мамы↓ дак?*, где тон резко повышается в слоге *пла-*, а все следующие слоги произносятся на том же ровном высоком тоне до предпоследнего слога всего высказывания, *-мы* (д. Варзуга, см. [Post 2005: 49, Пост 2007, Post 2008]). Этот контур М. Пост предложила называть «широкой шляпой» [Post 2008]. Аналогичный контур представлен и в ряде архангельских говоров, в том числе — в верхнепинежских².

В ходе проведенного исследования были проанализированы основные сходства и различия в оформлении общих вопросов в указанных говорах — в первую очередь, в характере размещения восходящего и нисходящего тональных движений относительно сегментного состава релевантных слов (тайминга). На основании полученных данных обсуждается вопрос об интерпретации этого контура, в особенности, той его части, которая следует за повышением: как второстепенного акцента [Post 2008] либо как тонального движения, которое является последней частью главного тонального акцента («trailing tone of the nuclear pitch accent with a late association» [Post 2008].) или же как пограничного тона. Рассматривается также вопрос о том, как могут сосуществовать «широкая шляпа» и тенденция к пословному тональному оформлению, поскольку при наличии подобного мелодического контура тональное движение на целом ряде слов (следующих за словом с повышением) может отсутствовать.

ЛИТЕРАТУРА

Князев С. В., Левина А. Н., Пожарицкая С. К. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. МГУ, 1997, с. 198–219.

² Вопрос о степени его распространенности и характере реализации в русских говорах нуждается в дальнейшем исследовании.

- Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1. М.—Л., 1949, с. 5–44.
- Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Пост М. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня, М., 2007, с. 156–157.
- Пост М. Говор деревни Варзуга в лингвогеографическом контексте // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX). М., 2008, с. 169–181.
- Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech // Doctoral dissertation, Universitetet I Tromsø, 2005, <http://hdl.handle.net/10037/246>
- Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody. Campinas 2008, с. 233–236.
-

В. А. Пыхов (Москва)

Ареалы наименований куропатки в славянских диалектах

О. Н. Трубачев в отклике на работу профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Хеннига Андерсена «A glimpse of the homeland of the Slavs: ecological and change in prehistory», анализируя этимологию наименований ‘рябчика’ и ‘куропатки’, отметил, что «за скобкой... осталась... ареальная проекция затронутых языковых явлений» [Трубачев 2002: 453].

Вышедший из печати в 1988 г. первый выпуск лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа» — «Животный мир», включающий карту названий ‘куропатки’, предоставляет возможность анализа такой проекции. На карте отражаются ареалы различной пространственной локализации. В легенде карты представлено 12 названий со значением ‘куропатка’.

Как видно из материалов карты, наименования с корнями *kur-o-p*¹ и *//aręb-* образуют обширные ареалы, четко делящие языковое пространство Славии на Север и Юг. Подобная картина прослеживается на ряде карт лексико-словообразовательной серии Атласа, а вот лексической гомогенностью такие обширные ареалы отличаются далеко не на всех картах этой серии.

Несколько слов о семантике корней *kur-o-p-* и *//aręb-*. Если семантика *//aręb-* ‘рябой, пестрый’ довольно прозрачна, то о *kur-o-p-* О. Н. Трубачев писал: «...мы можем поставить вопрос о семантической реконструкции праслав. **kuropъty* как ‘горластая, шумная птица’. Его вскрываемая при этом как бы описательность (иносказательность?) едва ли нужно обязательно толковать как в чистом виде неологизм (новая реалья = новое название). Здесь, похоже, налицо элемент охотничьего табу...» [Трубачев 2002: 449–450].

Самые многочисленные наименования с *kur-o-p-* занимают три ареала, различающиеся по объему. Первый, наиболее значительный по площади, включает лексемы с суф. *-at-* и его расширенными вариантами: *kur-O-p=-at-a*, *kUr-O-p=//₂-aT-ъk-a*, *KUr-o-p=-at-ъv-a*, *kur-ъv-o-p=-at-ъv-a*, представленные в большинстве русских диалектов (за исключением нескольких говоров на севере России), в значительной части украинских диалектов (за исключением ряда говоров на юго-западе и юго-востоке), в белорусских и польских диалектах, а также в отдельных говорах на северо-востоке Словакии.

Второй ареал содержит названия с корнями: *kur-o-pъt-ъ*, *kur-o-pъt-ъ*, *kur-o-Pъt-a*, *kur-ъv-o-Pъt-a*, *kur-o-Pъt-ъv-a*, *kur-o-Pъt-ъv-ъ*, которые распространены в верхнелужицких и нижнелужицких диалектах, в чешских диалектах и в ряде севернорусских говоров.

Третий ареал включает наименования с корнями: *kur-o-p=-ъk-a*, *kur-ъv-o-p=-ъk-a*, *kur-o-p=-ъč-ъk-a*, представленные в юго-восточ-

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА, которая позволяет обобщать сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте фонетические записи с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

ных говорах Словакии, в юго-западных и юго-восточных украинских говорах.

Наименования с корнем //aręb- (//aręb-ъ, //aręb-ic-a, aręb-ъk-a) покрывают всю территорию Южной Славии (словенские, хорватские, сербские, боснийские, македонские и болгарские диалекты), а также распространены в центральных и западных говорах Словакии и в ряде юго-западных говоров Украины.

Наряду с лексемами, занимающими обширные ареалы, на анализируемой карте представлены единичные наименования с картографируемыми корнями, являющиеся лексико-словообразовательными эксклюзивами: *kur-a* (п. 259 на западе Польши), *kur-ъv-o-p=-at-ъv-ъk-a* (п. 272 на севере польской территории), *kur-o-Pът-ъv-ic-ъk-a* (пп. 178, 186 на западе и в центре Чехии), *kur-o-pът-ъj-ъ* (п. 528 на севере России), *kur-o-p=-at-ъč-ъk-a* (п. 508 на юго-востоке Украины), *aręb-ic-ъk-a* (пп. 118, 119 на западе Болгарии), *aręb-ъk-ъ* (п. 467 на юго-западе Украины), //aręb-ic-ъ (п. 225 на востоке Словакии).

На данной карте представлены также лексико-словообразовательные эксклюзивы с некартографируемыми корнями: *pELpel-ic-a* (п. 125 на западе Болгарии), *peLpel-ъk-a* (п. 838 на юге России), *[kotkyr]-ic-a* (п. 133 на юго-востоке Болгарии), *[tърč]-ъk-a* (п. 31 на северо-западе Хорватии), *[tърč]-ъk-o* (п. 150 на юго-западе Венгрии), *siv-j-av-A* (п. 431 на юго-западе Украины), *teter-a*, *pol-ъn-ik-ъ* (п. 601 на севере России), *(cesar)-ix-a* [от готского Kaisar 'император' (лат. Caesar)] (п. 833 на юге России).

Кроме однословных наименований, на карте отражаются и эксклюзивные описательные (двухкомпонентные) конструкции, образующие микроареалы в различных славянских диалектах: *div-j-A [kok]-oš-ъ* (п. 60 на территории Боснии), *div-A [kok]-oš-ъk-a* (пп. 138, 141 на северо-востоке и юго-востоке Болгарии), *dik-A kur-ъk-a* (п. 380 на северо-востоке Белоруссии, пп. 427, 448, 486 на юго-западе Украины), *dik-A kur-ic-a* (п. 467 на юго-западе украинской территории).

Конфигурация ареалов эксклюзивных лексем может быть различной. Например, лексемы *kur-o-Pът-a*, *kur-ъv-o-Pът-a* занимают всю территорию лужицких говоров, тогда как остальные эксклюзивы представлены островными или микроареалами.

Появление эксклюзивных лексем обычно связано с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира.

Наличие эксклюзивов в славянских диалектах порождено их динамичностью, стремлением к активному воспроизводству отличительно характеризующих лексем, которые и создают «портретное» своеобразие каждого из диалектов.

Калейдоскопичность ареалов, представленная на картах лексико-словообразовательной серии Атласа, наглядно отражает бесконечную вариативность в использовании лексико-словообразовательных средств славянскими диалектами при наименовании окружающей действительности. Всё это говорит о том, что славянские диалекты, сохраняя свою общность и контакты, в своем развитии шли каждый своим путем.

ЛИТЕРАТУРА

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, дополненное. М., 2002.

О. Г. Ровнова (Москва)

К вопросу о стилистической характеристике диалектного слова (на материале говора старообрядцев Южной Америки)*

«Словарь говора старообрядцев Южной Америки», над которым работает группа лингвистов из ИРЯ РАН и других научных учреждений, основан на устных (расшифровки аудиозаписей диалектной речи) и письменных (Д. Т. Зайцев. Повесть и житие Данилы Терен-

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00584, проект «Лексика говора старообрядцев Южной Америки в аспекте лингвистической географии (к проблеме формирования русских переселенческих говоров)».

твевича Зайцева. М.: Альпина нон-фикшн, 2015) источниках. Словарная статья, имеющая зонную организацию, включает факультативную зону STYL. Из 716 словарных статей, на материал которых опирается доклад, эту зону имеют 300 статей. В докладе обсуждаются некоторые стилистические пометы, принятые в Словаре.

Введена помета *нейтр.* (нейтральное) для общерусских слов, по какому-либо признаку стилистически маркированных в литературном языке: *брюхо* ‘живот у человека’, *глава́рь* ‘начальник, руководитель, глава чего-л.’, *мент* ‘полицейский в России’, *менто́вка* ‘отделение полиции в России’, *начи́нщик* ‘инициатор, зачинщик какого-л. дела’, *претвори́ться в кого* ‘превратиться’.

Помету *нов.* (новое) имеют слова, заимствованные из испанского, португальского, английского языков и русского языка современной России: *бе́ба*, *бе́бка*, *бе́бочка* / *бе́бечка* ‘маленький ребенок’ — от исп. *bebé*, порт. *bebê*, англ. *baby*; мн. *ко́ли* ‘индейцы племени койя — одного из коренных народов Боливии, а также боливийцы в целом’, *колю́ха* ‘боливийка’, *колёнок* ‘ребенок-индеец племени койя’ — от исп. *colla*; *метрóха* ‘метро’, *чу́рка* ‘презрительное название жителя Кавказа, Закавказья и Средней Азии’ — из русского языка современной России. Используется помета *нов. знач.* (новое значение) для общерусских и диалектных слов, у которых новое значение появилось в связи с номинацией новых реалий: *вы́давить* ‘нажатием кнопки получить на экране какого-л. технического устройства нужную информацию’, *гремну́ть* ‘позвонить по телефону кому-л.’, *ле́дник* ‘холодильник’, сущ. *провожа́той* ‘проводник поезда, стюард в самолете, автобусе’, *пропуска́ть* ‘делать известным, выпуская в кино- и телепрокат’, *путеводи́тель* ‘справочник о каком-л. историческом и географическом месте, туристском маршруте’, *сшо́ркать* / *сошо́ркать* (*сшо́ркывать*) ‘удалить (удалять) информацию из памяти технического устройства’.

Поскольку Словарь отражает лексику профессиональной группы, используется помета *конф.* для лексических и фразеологических единиц, связанных с семантическим полем «Вера»: *а́збу́чка* ‘азбука церковнославянского языка’, *братъ с базáру* ‘покупать в магазине продукты питания и напитки’, сущ. *бесно́й* ‘тот, в кого вселился бес, бесноватый’, нареч. *воздо́ржно* ‘соблюдая законы

христианской жизни', *доверши́ть кого* 'совершить миропомазание при перекрещивании кого-л. из старообрядцев-беспоповцев в старообрядцев, приемлющих священство', *уйти́ (уходи́ть) в мир* 'отказавшись от жизни по старообрядческим законам, покинуть (покидать) общину'.

Помету *инд.-авт.* (индивидуально-авторское) имеют некоторые слова из книги Д. Т. Зайцева, по отношению к которым есть уверенность, что они являются результатом его словотворчества: *кля́ссница* 'ученица', *пыхло́* 'нечто ненастоящее, ложное', *семи-кля́сска* 'школа с семилетним сроком обучения, семилетка', *теле-видер* 'телевизор; телевидение', *телеви́дец* 'телезритель'.

Слово может иметь не одну стилистическую характеристику.

Не до конца решен вопрос об использовании пометы *экспр.* (экспрессивное) по отношению к лексемам, обозначающим лицо по каким-либо признакам: *бу́кушка* 'неприветливая, вечно недовольная женщина', *вытыва́ха* 'тот (та), кто любит выпить', *проку́дница* 'та, которая озорничает, проказничает, наносит вред', *скни́па* 'несговорчивый, сварливый, вечно недовольный человек', *холостя́га* 'неженатый, холостой мужчина' и под. В тех случаях, когда стилистическая характеристика слова сомнительна, зона STYL в словарной статье не приводится.

С. Л. Ронгонен (Санкт-Петербург)

Лексические особенности рукописной поваренной книги русских старообрядцев Южной Америки

В 2016 г. во время экспедиции в с. Любитовка Хабаровского края нами была обнаружена рукописная поваренная книга. В Любитовке компактно проживают русские старообрядцы-реэмигранты из Латинской Америки. Помимо источника антропологического и этнографического материала, рукопись стала источником для изучения своеобразной лексики носителей говора, особенно в части семантического гнезда «пища». Мы привлекли также материал из

полевых записей в экспедициях 2008, 2009, 2012, 2016 и 2021 гг. в Бразилии, Уругвае, Аргентине, Приморском и Хабаровском краях, Амурской области¹.

Рецепты записала в Боливии Агафья Мурачева, родственники которой впоследствии привезли книгу в Россию. Она и ее муж Елисей Мурачев родились в Латинской Америке. Ее предки родом из Синьцзяна (Западный Китай). Предки мужа родились на Дальнем Востоке в Северном Приморье и в Северной Маньчжурии. Агафья записывала рецепты, живя в Боливии.

Как неоднократно отмечалось, диалект данной группы русских старообрядцев является примером влияния иноязычного окружения — испанского и португальского, в меньшей степени английского. Последнее мы в материале также обнаруживаем, вероятно, вследствие контактов с той частью диаспоры, которая живет в Северной Америке.

Русское, испанское, португальское и английское (иногда и китайское) сосуществуют в тексте поваренной книги как в номенклатуре блюд и использованных продуктов, так и в мерах объема и веса, и в использованных алфавитах, и в лексике рецептов. Примеры блюд: *Кейк, Джелт рол, Лемон пай, Яблониные пенкекс*, и, с другой стороны: *Кругла шаньга, Голубцы, Сдобна квашня*. Примеры продуктов: *белушки, желтушки, ички, лимон красный, майзена* (кукурузный крахмал), *масло молосное, масло поснае, перчик, пиминтон* (перец), *пипока* (поп-корн), *шолохи* (арахис).

Несмотря на большое количество мало популярных в русской традиции блюд, в кухне староверов преобладают традиционные продукты и, соответственно, для них используется русская лексика в диалектных вариантах. Продукты, характерные для Латинской Америки, называются, как правило, русифицированными испанскими и португальскими лексемами.

¹ Бразилия, 2008 (РГНФ); Бразилия, Уругвай, Аргентина, 2009 (РГНФ); Приморский край 2012; Приморский край 2016; Приморский край, Хабаровский край, Амурская область 2021 (Хабаровское отделение РГО).

Р. В. Ронько (Москва)

Прайминг переключения кодов в опочечских говорах: корпусное исследование

В диалогах между носителями говора и литературного языка часто встречается такое явление, как прайминг, см., например, отрывок из разговора, записанного в опочечском говоре:

(1) Информант: *В церквах... А я не знаю, маленький я был.*

Диалектолог: *Ну, то есть, в церкви в городе крестили, да?*

Информант: *Да, в церкви, в городе.*

В примере (1) информант употребляет форму *церква*, однако уже в следующей реплике под влиянием интервьюера употребляет форму *церковь*. Под праймингом в психологии и нейрофизиологии понимается предшествование одного стимула другому — обычно в процессе проведения эксперимента (цит. по: [Русакова 2011]). По аналогии в лингвистике мы так называем тенденцию носителей языка использовать заданную предыдущим контекстом конструкцию. Прайминг — очень частотное явление, которое, по утверждению М. В. Русаковой [Там же: 41], сравнимо с частотой употребления существительных.

(2) Диалектолог: *Это смородина у вас, да?*

Информант: *А она, это, давно посажен, считай, смороды нет.*

В примере (2) интервьюер употребляет форму *смородина*, но это не влияет на носителя говора, и тот использует диалектную форму *сморода*. Здесь прайминг не сработал, и литературный язык в рамках этого диалога не повлиял на диалектную форму.

Похожее явление можно наблюдать не только на уровне лексики, но и в грамматике. В примере (3) интервьюер в результативном контексте употребляет финитную форму глагола на *-л* (*осталось*). Однако респондент, соглашаясь с мыслью интервьюера, повторяет её, но использует характерное для его говора

причастие с суффиксом *-лии* в предикативном значении, не поддаваясь праймингу:

(3) Диалектолог: *Ничего такого не осталось.*

Информант: *Да, не. Теперь всё техника. Не **осталили** этого ничего.*

Цель данной работы — выявить тенденции к праймингу у разных диалектных явлений в подобных диалогах. Праймингу в диалогах между носителями разных языковых систем, или праймингу переключения кодов посвящено значительное количество работ (см., например, [Loebell, Vock 2003]). Во многих исследованиях данное явление изучается корпусными методами [Gries 2011], однако работы с корпусными исследованиями прайминга в русских говорах на данном этапе нам не известны.

Материалом для исследования является корпус Опочецких говоров, в котором помимо нарративов информантов содержится ряд их диалогов с интервьюерами. В корпус объёмом 49 654 токенов вошли записи жителей деревень, расположенных к северу от города Опочка (Опочецкий район Псковской области) [Ронько и др. 2019]. Данные говоры относятся к среднерусским говорам Псковской группы.

В рамках исследования нами будут рассмотрены следующие явления изучаемой диалектной системы: предупредительный вокализм после мягкого согласного, который в опочецких говорах представлен сильным яканьем, наличие протетического йота в личных местоимениях третьего лица, отсутствие конечного *-т* в формах глаголов третьего лица, палатализованный *-т* в формах глаголов третьего лица, вариативность предлогов *с* и *из*, вариативность предлогов *в* и *у* (*в детях* вместо лит. *у детей*), наличие протетического *в* перед огубленными гласными в начале слова, использование причастий на *-лии*, *-вши* и *-ши* в предикативном значении и некоторые явления в области лексики.

Будет представлена попытка показать, что разные диалектные явления в разной степени поддаются праймингу. Такие явления, как сильное яканье, отсутствие конечного *-т* и мягкий *-т* в формах глаголов третьего лица, а также использование предлога *с* на месте литературного *из*, подвергаются праймингу редко. Протети-

ческий йот и употребление предлога *в* вместо литературного *у* подвергаются праймингу в половине случаев. Отсутствие прайминга глагольных форм в контекстах, отсылающих нас к результирующей аспектуальной зоне, встречается редко и только у информантов с наиболее стабильными диалектными системами.

ЛИТЕРАТУРА

- Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребёнкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охипкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А. Корпус опочечских говоров. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (доступен по ссылке <https://linghub.ru/opochka>, дата обращения по ссылке 06.05.2021.)
- Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. Москва 2011
- Gries, S. T. (2011). Studying syntactic priming in corpora: Implications of different levels of granularity. In: D. Schönefeld (ed.), *Converging evidence: Methodological and theoretical issues for linguistic research* (pp. 143–165). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Loebell, H., Bock, J. K. (2003). Structural priming across languages. *Linguistics*, 41, 791–824.

И. И. Русинова (Пермь)

Названия человека со сверхъестественными свойствами в русских говорах Пермского края: ареальный аспект¹

В докладе представлены лексические единицы, называющие человека со сверхъестественными свойствами. В мифологических рассказах и говорах Пермского края используется несколько кор-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

ней для обозначения такого персонажа: -бес-, -вед-, -векш-, -вещ-/вешт-, -волх-/волш-, -ворож-, -вред-, -говор-, -грамот-, -ед-, -ерек-/ерет-, -зна-, -икот-, -кил-, -колд-/холд-, -мухл-, -нечист-, -порт-, -слов-, -урок-/уроч-/урош-, -хит-, -чар-, -черн-, -черт-, -чуд-, -шепт- и др.

От них по разным моделям образуются однословные и неоднословные единицы. Среди названий людей со сверхъестественными свойствами есть оценочные единицы (*бес, враг, дикарь, михня, сатана, сикша, шишига* и др.), единичные фиксации (*бормотушка, истошник, истошница, каляка, приворотень, присушка, присушник, чародей* и др.), которые мы не используем в анализе. Географическое распределение остальных единиц следующее. Наибольшее количество единиц образовано от общерусских корней -вед-, -ерет-/ерек-, -зна-, -колд-/холд-. Слова с этими корнями не образуют ареалов, они фиксируются почти во всех районах Пермского края.

Наибольший интерес представляет географическая привязка названий колдуна, образованных от корней -бес-, -черт-, -векш-, -вещ-/вешт-, -кил-, -икот-. Единицы с корнем -бес- (*бес, бесист, бесистая* (сущ.), *бесистый человек, бесистый* (сущ.), *бесястый человек, бесястый* (сущ.)) распространены только в Чердынском районе Пермского края. Названия колдуна, образованные от корня -черт-, отмечаются тоже в основном в северо-восточном ареале (Чердынский, Красновишерский районы): *чертист, чертистая* (сущ.), *чертистый человек, чертистый* (сущ.), *чертистка, черчист*. Следует отметить, что проанализированные названия обозначают человека, который имеет в услужении злых духов-помощников. Эти духи в пермских мифологических рассказах (как и на Русском Севере) называются чаще словами *бесы, беси, биси, черти, чертёнки, чёртики*. Таким образом, в приведенных выше номинациях колдуна отражен мотив связи колдуна с этими злыми духами. Данный мотив распространен прежде всего на северо-востоке края.

Лексические единицы с корнями -векш-, -вещ-/вешт- образуют южный ареал: они встречаются преимущественно в Куединском, Чайковском, Осинском, Еловском, Чернушинском, Бардымском, Ординском и Суксунском районах края. Это слова *векша, векиши-*

ца, вештица, вецелица, вещица. Названный таким образом женский персонаж имеет специфический набор сверхъестественных свойств: обращается в животных и предметы, преимущественно в сороку или свинью; причиняет вред беременным женщинам и самкам животных (извлекает плод и подменяет его какими-либо предметами); причиняет вред мужчинам в репродуктивном возрасте (повреждает их гениталии), перемещается по воздуху на метле или ухвате; покидает дом через печную трубу и др.

Еще один — северо-западный — ареал образуют единицы с корнем -икот-: *икота, икотка, икотник, икотница, икотный* (сущ.). Этот ареал составляют русские говоры Юрлинского района. Здесь и в целом в Коми-Пермяцком округе бытуют представления об икоте — преимущественно женской болезни, выражающейся в приступах, во время которых больные икают, кричат, поют, плачут, смеются, сквернословят, говорят не от своего лица, издают звуки, характерные для животных и птиц. Этот корень весьма активен на данной территории и обозначает также злого духа, вселенного колдуном в человека и вызывающего такую болезнь; опухоль, нарыв, причиненные колдовством; болезнь скота; магические знания и умения; вредоносные заговоры, заговоренный колдуном предмет.

В основном в юго-западной части Пермского края распространены названия колдуна, образованные от корня -кил-: *кил, килун, киловяз*. Точечно подобные названия представлены и в других районах края.

Можно отметить следующие закономерности ареального распределения лексем, называющих человека со сверхъестественными свойствами в русских говорах Пермского края. Единицы, образованные от общерусских корней и называющие такого человека в литературном языке, не образуют ареалов (это слова с корнями -вед-, -зна-, -колд-). Не дают ареалов и номнации с корнями -ерек-/ -ерет-. По данным «Словаря русских народных говоров», в значении 'колдун' они используются в широкой диалектной зоне: на Русском Севере, в Поволжье, Предуралье, на Урале, в Сибири. Ареалы на территории края образуют прежде всего такие единицы, которые не имеют соответствий в литературном языке.

Д. М. Савинов (Москва)

К проблеме соотношения системы и узуса в русском диалектном языке

В говорах узус представляет собой единство реализованных возможностей языковой системы, формирующих ее в «нечто единое и самодовлеющее» [Оссовецкий 1982: 65–66], и, таким образом, является важным фактором, определяющим целостность территориального диалекта и его системность: тот или иной языковой элемент может быть определен как часть системы только в контексте его узуального применения, с учетом статистики его конкретных употреблений в речи диалектоносителей.

Для диалекта проблема соотношения узуса и языковой системы имеет важнейшее значение: определение параметров конкретной частной диалектной системы обязательно предполагает адекватную структурную интерпретацию конкретных речевых фактов, определение внутренней обусловленности и взаимосвязанности всех языковых элементов. Причем подобный анализ должен учитывать все элементы соответствующей системы (или подсистемы). Отсутствие комплексного исследования, описание лишь отдельных звеньев системы значительно снижают надежность полученных выводов, а полученный результат (описание гипотетической частной диалектной системы или ее части) может не соответствовать реальной картине, представленной в конкретном диалектном узусе.

Особенно остро проблема соотношения узуса и системы стоит при исследовании и описании систем ударного вокализма в архаических русских говорах, где сохраняется различие семи гласных фонем: отмечается четыре фонемы некрайних подъемов /ě/ и /e/, /ω/ и /o/. Структурная интерпретация конкретной архаической системы вокализма зачастую оказывается осложнена тем фактом, что в современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов.

Разумеется, диалектному узусу присуща устойчивость и стабильность как основа функционирования всей системы. Известный консерватизм диалектных систем способствует сохранению в них ряда реликтовых черт. Однако язык как явление социальное находится в постоянном движении. Поскольку диалектный узус не ограничен рамками строгих норм и правил, то потенциальные возможности, заложенные в языковой системе, активно проявляются в говорах через узуальные инновации, через появление новых вариантов в речи диалектоносителей, что обычно обуславливает языковые различия возрастных социолектов. Поэтому основная задача при описании частной диалектной системы — вычленив из разговорного узуса ее ключевые языковые элементы, дать адекватную структурную характеристику всем существующим вариантам.

В докладе будет показано, что это нелегкая исследовательская задача. И дело здесь не только в том, что отношения между вариантами нормы могут быть сложны и многообразны, а их появление зависит от различных лингвистических и экстралингвистических причин. Для определения взаимоотношений в частной языковой системе звуков, отмеченных в узусе, и фонем необходимо использование инструментально-фонетических методов, которые помогут дать объективную характеристику звуков речи, а также выявить их значимые признаки, что позволит определить место конкретного звука в структуре языка. Необходимо всегда помнить, что соотношение основных аллофонов фонем может иметь диалектную специфику и не совпадать с соответствующим фрагментом литературной системы, а также отличаться от «классических» образцов, описанных в учебных пособиях по диалектологии.

Е. С. Смирнов (Красноярск)

Устный ангарский текст как транслятор кровнородственного культурного кода

В последние годы современные сибирские лингвисты активно изучают лингвокультуру Северного Приангарья, которая является региональной лингвокультурой. Профессор О. В. Фельде выделяет

ет три формы региональной лингвокультуры: мультимедийную, книжно-письменную и традиционную¹. Нас интересует последняя форма. Макроединицей традиционной лингвокультуры является культуруносный устный текст, именно поэтому эмпирическим материалом настоящего исследования стали устные тексты русских старожилов Северного Приангарья^{2 3 4 5} (коренных жителей Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края).

Рассматривая ангарские тексты на определённую тематику (например, воспоминания о семье, детстве, рыбалке, охоте и др.), можно проследить особенности влияния конкретных культурных кодов на традиционную лингвокультуру Северного Приангарья. Под культурным кодом, вслед за В. В. Красных, мы понимаем: «“сетку”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека⁶». Как считают многие исследователи (В. Н. Телия, Н. И. Толстой, С. М. Толстая и др.), невозможно определить точное количество культурных кодов и субкодов. Мы также придерживаемся данной точки зрения.

¹ Felde O. V. The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. 1. P. 58.

² Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2010. Т. 6. 544 с.

³ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2014. Т. 15. 480 с.

⁴ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2014. Т. 16. 480 с.

⁵ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2015. Т. 17. 480 с.

⁶ Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5.

Одним из значимых культурных кодов, который детерминирует традиционную лингвокультуру Северного Приангарья, а также обуславливает структуру и содержание лингвокультурного концепта «семья» и его многочисленных субконцептов («отец», «мать» и т. д.), является кровнородственный культурный код. На основе устных ангарских текстов сквозь призму анализа ценностного слоя лингвокультурного концепта «семья» рассмотрим влияние кровнородственного культурного кода.

Ценностный слой исследуемого лингвокультурного концепта эксплицируется преимущественно оценочными суждениями о *трудолюбии* и *большой работоспособности* членов семьи: *У нас семья большая была: двадцать два человека. Все работали, все трудились и жили*⁷; *Жили большими семьями все вместе. Сеяли, пахали, скота держали*⁸. Рассказы информантов о трудолюбии своих близких не являются случайностью, т. к. физический труд составляет основу деревенской жизни.

Многие ангарцы вспоминают о том, что раньше в деревнях были большие семьи. В одном доме могли жить не только родители и дети, но также бабушки, дедушки и другие родственники. Это являлось нормой для многих старожилков. Информанты отмечают, что все члены семьи жили дружно: *Раньше жили семьями, вот два сына, можно сказать, три сына, все женатые, отец с матерью, вот эти родители и невестки были, оне поочерёдно, понедельно там стряпали ли коо ли чё. А жили-то не в этих дунаях — избушки-то были маленькие <...> всё равно как-то дружно жили*⁹; *Большие семьи были, большие! Понедельно готовили. Это скон веку велось так <...>. Вот невестки жили, дружно*

⁷ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2015. Т. 17. С. 56.

⁸ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2014. Т. 16. С. 195.

⁹ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилков Байкальской Сибири / научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2014. Т. 15. С. 118.

*жили, семья большая*¹⁰; *Было жнитво, а у бабушки семья была у наших дружная, у бабы с дедой*¹¹.

Таким образом, анализ устных ангарских текстов позволяет проследить влияние различных культурных кодов и субкодов на традиционную лингвокультуру Северного Приангарья. Культурно-носные устные тексты являются яркими трансляторами мировидения русских сибиряков-старожилов.

О. Д. Сурикова (Екатеринбург)

К вопросу о мотивированности деантропонимных номинаций (на материале восточнославянских заговоров)¹

Деантропонимные имена разных объектов и существ, функционирующие в восточнославянском фольклоре, и в частности в заговорах, всегда считались немотивированными — или мотивированными слабо. Чаще всего для них предполагалась возможность прецедентной номинации — заимствования из текстов других жанров фольклора или книжности. Однако наши разыскания в сфере ономастикона восточнославянских заговоров привели нас к пониманию, что деантропонимные имена могут иметь ярко выраженную лингвистическую мотивированность, и лучше всего это заметно на материале заговорных имен змей.

Обозначения змей в заговорах подразделяются на несколько основных категорий: отапельлятивные имена собственные (*змей Шевельда* < *шевелиться*; *Ходосья* < *ходить*; *царица Ярыця* < *ярый* и т. д.), имена, совпадающие с антропонимами (*Арина*, *Вольга*,

¹⁰ *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2010. Т. 6. С. 92.

¹¹ Там же. С. 201.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Галя, Катерина, Марья, Данила, Гаврила, Иван, Веремей и мн. др.), «темные» имена, возникшие в результате стремления к табуизации и имеющие, видимо, глоссолалическую природу (*гадиня Адаренадиня, Шаха-ваха* и нек. др.). Последних не так много, и они с трудом поддаются однозначной этимологизации, а вот первых — большинство, и они создаются, как правило, в рамках устойчивого ряда номинативных моделей, среди которых: ■ обозначение змеи посредством указания на ее принадлежность к классу гадов (*царица Ляга* < ляга ‘лягушка’; *змея скоропея* < скорпион; *царица веретеница* < веретеница ‘медяница, *Anguis fragilis*’ и мн. др.); ■ указание на характер движения змеи (*змей Шевельда*); ■ указание на ее внешний вид (окрас: *рябая рябуха*; наличие рогов: *Катерина-ригатуха* и мн. др.); ■ указание на место обитания змеи (*Полуха, Поля* < поле; *Мяжица* < межа; *Домаха* < дом и мн. др.); ■ указание на ее деструктивные действия и опасное поведение (*царь Жаглик* < жаглить ‘жалить’; *Идало* < еда, есть; *Ярец* и *ярица* < ярый и т. д.).

Наблюдение над деантропонимными именами змей в заговорах показывает, что достаточно часто (но не во всех случаях) они «имитируют» апеллятивы, называющие значимые свойства змей, «отсылают» к ним посредством фонетического сходства, иногда даже вступают с ними в отношения деривации, — а значит, по сути, подчиняются тем же номинативным моделям, что и отапеллятивные названия гадов.

Ср.: ■ *царица Имла* («змея, живущая под вязом», ср. *ильм* ‘вяз’), *Доминикия* («домашняя змея»), *Соломонида* («змея, живущая в соломе»), *Стипанида* («степная змея»); ■ *Кулина* (ср. семантику гнезда слав. **kul-*, «скрученная, свитая в кольцо змея»); ■ *царица Хавронья, Хавра* («хавающая змея»), *Малаха, Маланка* («змея, подобная молнии», ср. укр., блр. *маланка, маланья* ‘молния’); ■ *змея Люцзя* («лютая змея»), *Лукерья* («лукавая змея», ср. *лукавый* ‘черт’); ■ *Матрона* (ср. мать, «главная, старшая змея») и др.

Отдельно ср. группу табуистических по своей природе имен змей, которые, вероятно, указывают на «нечистоту» этого животного: *Ганна, Ганя-Гануська* (ср. слав. **gana* ‘порицание, хула, стыд, позор’), *вуж Ничипор* (ср. укр. *нечепура* ‘неряха’), *барыня Хивря* (ср. укр., юж.-рус. *хивря* ‘неряха’), *Гаурыла* (ср. юж.-рус. *гаврить*

‘пачкать’), *Солоха*, *Осаха-Солоха* (ср. укр., юж.-рус. *солоха* ‘не-ряха’) и др.

Описываемый механизм номинации наиболее полно отвечает табуистической задаче заговоров от укуса змеи, когда упоминание этого опасного существа проходит «двойную шифровку»: шифровка терминологического названия путем замещения его характеристическим апеллятивом, а затем шифровка самого апеллятива с помощью созвучного ему, «намекающего» на него антропонима.

Можно предполагать, что «дешифровка» деантропонимных номинаций в соответствии с характером базового признака номинируемой реалии способна стать ключом к пониманию не только фольклорных, но и языковых закономерностей присвоения дериватов личных имен разнообразным объектам (грибам, рыбам, выпечке, насекомым и т. д.).

А. В. Тер-Аванесова (Москва)

Счетная форма существительных мужского рода: пути развития в русских говорах

В большинстве рус. говоров, как и в литературном языке (ЛЯ), счетная форма (Сч.) существительных (выступающая при числительных *два*, *три*, *четыре*, *пол*, *полтора* и некоторых других и иногда считающаяся отдельным падежом) обычно совпадает формой Р. ед. (не у субстантивированных прилагательных). В ЛЯ лишь у пяти существительных муж. рода она представлена особыми словоформами: в Сч. *два́ часа́*, *шага́*, *шара́*, *ряда́*, *следа́*, в просторечии также в *разá*, ударение падает на флексию, тогда как в форме Р. ед. тех же лексем — на корень: *ча́са* и т. п. Говоры, как правило, не совпадают с ЛЯ в отношении длины и состава списков слов муж. рода, у которых счетная форма отличается от Р. ед. местом ударения, а в некоторых говорах, где такие списки особенно велики, можно предполагать возможность достаточно свободного образования конечнударной счетной формы от слов с подвижным ударением.

Что касается фонемного состава окончания, то в современном ЛЯ у всех существительных муж. рода в счетной форме представ-

лено окончание *-а*, кроме формы *два пути́* (сущ. ранее относилось к **i*-основам). В говорах окончание Сч. *-и* к тому же встречается у некоторых основ на мягкий: *два́ дни́, рубли́*, не относившихся к **i*-основам. В обширном северо-западном диалектном ареале у нескольких слов муж. рода с основами на твердый согласный встречается счетная форма с окончанием *-у* — не только у старых **u*-основ (*два́ до́му*), но и у **o*-основ (*два́ го́ду, ча́су, четы́ре деньку́*); окончание Сч. в этих говорах, как правило, не отличается от окончания Р. ед. неодушевленных существительных муж. рода с накоренным ударением форм ед. числа: *с то́го до́му, до́ го́ду* и т. п.

Окончание счетной формы *-а* восходит к пом.-асс. du. **o*-склонения, которое совпадало с окончанием gen. sg. того же типа склонения не только в сегментном отношении, но и в том, что обе флексии имели рецессивный акцентологический статус. Однако у **u*- и **i*-основ окончания gen. sg. были в праславянском доминантными и сохранили следы доминантности в древнерусском, окончания пом.-асс. du. — рецессивными. Из этого следует, что со старыми типами основ или исконными акцентными закономерностями ударение особых счетных форм в лит. языке напрямую не связано. А. А. Зализняк предложил считать ударение форм типа *два́ ряда́* остатком вариантного конечного ударения энклиноменных групп типа *два́ года / два́ го́да / два́ года*, сохранившимся наряду с «тривиальным» вариантом с накоренным ударением, причем оба типа акцентных контуров были обобщены для данного типа словосочетаний независимо от исконного акцентологического статуса входивших в них словоформ существительных.

Сходная с лит. языком картина наблюдается в южнорусских говорах (за исключением говоров западной группы южнорусского наречия, где, как в бел. языке, при числительных «малого количества» у слов муж. рода представлена форма И.-В. мн.: *два́ браты́, столы́, домы́/до́мы*; такие формы эпизодически фиксируются и в рус. говорах северо-западной диалектной зоны). Списки слов, имеющих особую счетную форму, отличающуюся от Р. ед. местом ударения, в южнорусских говорах, как правило, короче, чем в лит. языке; эти списки могут включать как лексемы из «литературного списка», так и другие лексемы. По данным диалектных корпусов, Сч. *два́ часа́* (совр. лит. и диал. а. п. С) фиксируется повсеместно,

что соответствует старой а. п. *b* этого существительного. Напротив, в корпусах многократно встречается *два́ ра́за* (а. п. *c*) и совпадающая с Р. мн. форма *два ра́с*, тогда как *два ра́зѧ* отмечается нечасто. Другие слова, имеющие особую счетную форму в лит. языке, в диалектных корпусах фиксируются реже. Отметим *два шара́* (а. п. *B*) 'фрагмент досчатой обшивки потолка' Нехочи Калужск., *в два́ ря́дѧ*, *два сле́да* Малинино Липецк., *в два ря́да*, *два ша́га*, *сле́да* Роговатое Белгородск. За пределами «литературного списка» в южнорусских говорах отмечено у «инструментально-строительных» терминов: *три зубѧ́* (зубец ручной бороны), в отличие от *два зуба́* (зуб человека) Малинино, *два къ́мня́*, *лъ́ма три* Роговатое (все слова а. п. *C*).

Во владимирско-поволжских и северо-восточных говорах особые счетные формы с нафлексийным ударением стабильно фиксируются, наряду с большинством особых счетных форм «литературного списка», у названий парных частей тела: *два бока́* при *с бо́ку*, *два рога́* при *нет...* *ро́га* и И.-В. мн. *рога́*, *бока́* Пустоша Шатурск. Московск., Татарово Муромск. Владимирск., Пушкино Октябрьск. Арханг.; в последнем говоре отмечено также *два глаза́*.

В двух восточных архангельских говорах — на Пинеге и ее притоке реке Вые — представлены более нигде не зафиксированные системы ударения существительных муж. рода с односложным, реже — двусложным корнем, в которых у значительной части слов с подвижным ударением счетная форма имеет нафлексийное ударение, а Р. ед. — накоренное. Зафиксировано 20 лексем такого рода в говоре д. Заяцево Верхнетоемск. Арханг.: Р. *бо́ка*, сч. *бока́*, И. мн. *бока́*; Р. *бру́са*, сч. *бруса́*; Р. *гроба́*, сч. *гроба́* / *гроба́*, И. мн. *гробы́* / *гроба́*; Р. *го́рба*, сч. *горба́*, И. мн. *горбы́*; Р. *кру́га*, сч. *круга́*, И. мн. *кругы́* / *круга́*; Р. *ли́ста*, сч. *листа́*, И. мн. *листы́* 'листок'; Р. *с ло́бу*, сч. *лоба́* / *лоба́*, И. мн. *лоба́*; Р. *с но́су*, сч. *носа́* / *носа́*, И. мн. *носы́* / *носа́* / *носы́*; Р. *пло́да*, сч. *плода́*; Р. *пру́та*, сч. *прута́*; Р. *с ро́га*, сч. *рога́*, И. мн. *рога́*; Р. *ни ра́зу*, сч. *раза́*; Р. *ря́ду*, сч. *ряда́*, И. мн. *ряды́*; Р. *с ро́ту* / *рота́*, сч. *рота́*, И. мн. *рты́*, Р. *ис са́да*, сч. *сада́*, И. мн. *сады́*; Р. *се́рна* / *серпа́*, сч. *серпа́*, И. мн. *серпы́* / *серпа́*; Р. *сле́да* / *следа́*, сч. *следа́*, И. мн. *следы́*; Р. *су́ка*, сч. *сукá*; Р. *ни ша́гу*, сч. *шага́*, И. мн. *шагы́*; Р. *до ця́су*, сч. *цяса́*, И. мн. *цясы́*. 17 примеров, отчасти повторяющих заяцевский список, известно из говора д. Шотова

Гора Пинежск. Арханг.: *бок, брод, брус, гроб, круг, лось, локоть, нокоть, нос, плод, пол, раз, рог, ряд, след, шаг, час*. Можно заметить, что оба списка особых конечноударных счетных форм включают в себя, помимо прочего, почти полностью «литературный список», просторечную форму *раза́*, «восточнорусские» конечноударные счетные формы названий парных частей тела, а также ряд слов с неустойчивым ударением (а. п. В или С). Редуцированная система подобного типа — в западновологодском говоре д. Арзубиха Харовск.: Р. *гу́ся*, сч. *гуся́*, Т. *за гу́сём*, И. мн. *гу́си*, Р. *гусе́й*; Р. *гру́здя*, сч. *груздя́*, И. мн. *гру́зди*; Р. *кло́ка*, сч. *клока́*, И. мн. *клоки́*; Р. *ни ра́зу*, сч. *раза́ / ра́за*; Р. *ниет ро́га*, сч. *рога́*, И. мн. *рога́*; Р. *ця́са*, сч. *цяса́*, И. мн. *цясы́ дóбры́е вам пойё́хат*; Р. *ни ша́гу*, сч. *шага́*, И. мн. *шаги́*. Образование восточнорусских систем, видимо, непосредственно связано с широким распространением в них окончания И.-В. мн. *-а́*, что позволяет сопоставлять системы Заяцева и Шотовой Горы с белорусскими.

Иные предпочтения при выборе вариантного ударения в энклиноменных группах типа *два дома* демонстрируют говоры Заонежья, где распространение получили счетные формы с ударением на числительном *два, три, пол*, ср. примеры существительных а. п. с: *два гада / два гаду / два гады, два калаба, два дни* и под. Нет сомнения, что в этих говорах такие формы получили поддержку со стороны счетных форм слов а. п. *б* вроде *два стала, два мешка*, где ударение на числительном появляется по правилу заонежского ляпанья — переноса ударения с конечного слога тактовой группы на начальный.

М. В. Турилова (Калуга)

О связи значений ц.-слав. *глумитися, поглумитися* и русских диалектных обозначений помешательства

Обсуждается влияние ц.-слав. *глумитися, поглумитися* ‘размышлять’, *глумление* ‘размышление’ в пс. 118 и др. библейских текстах (рассказе об Исааке, ожидавшем встречи с невестой и вышедшем

поглумитися на поле (Быт. 24, 63)) на семантическое развитие русских диалектизмов с корнем *глум-*, означающих помешательство, глупость и другое. Я благодарю проф. д. ф. н. С. В. Алпатова, отметившего антонимию ц.-слав. *глумитися* в псалмах и слов русского литературного языка. Учтены святоотеческое толкование псалма свят. Феофаном (Говоровым), Затворником Вышенским [7; 8], отражённые в словарях и трудах духовных писателей интерпретации ц.-слав. *глумитися* — семантические связи с соответствиями в иноязычных переводах.

До революции Псалтирь была самой распространенной книгой, по ней учились грамоте. 118-й псалом часто звучал: помимо рядового чтения на богослужениях, на вседневной полунощнице для мирян, на всех отпеваниях, кроме младенческого, заупокойных утрениях, панихиде.

Церковнославянизмы могли быть не всегда правильно услышаны и поняты. В русских диалектах и литературном языке слова с *глум-* означают опасное, маргинальное, «дурное» ('играть', 'издеваться, насмехаться', скоморохов, 'мужской половой член' и др.). Скорбящие об умерших могли понять *поглумлюся* (*в заповедех Твоих*) (Пс. 118: 78) как 'изнемогу, умру', хотя хвалебный 118-й псалом утешает живых, даёт надежду на упокоение умерших, научает закону спасения [8].

Заемствование, семантическое развитие ц.-слав. *глумление* 'глупые, вздорные речи' — влад. *глумлѣние* 'сумасбродство' (1851) [6: 6, 211]. Под влиянием ц.-слав. — оценочные арханг. *заглумоватой* 'слишком серьёзный (о детях)', *заглумистой* 'хмурый, угрюмый', *заглумчивой* 'непослушный, своевольный' [2: 16, 39]. Диалектизмы с негативными коннотациями объединяются семой 'размышлять'.

Влияние ц.-слав. языка предполагаем для слов с семами 'странный' (ветл., костром., вят., волог. *глумно* 'странно' [6: VI, 211], арханг. 'удивительно', арханг. *глумной* 'вызывающий удивление', *глумливой* 'взбалмошный' [2: 9, 116]), 'непонятный' (твер., новг., пск. *глумянно*, яросл. *глумяно* 'неясно' при пск. 'глупо' (1855), пск. *глумянный* 'непонятный' (1920) [6: 6, 212]; сюда же отнесём твер. *глумянный*, *глумяный* 'мудрый, рассудительный' [6: 6, 212]; петерб.

глумное название ‘трудное для запоминания’ (1871) [6: 6, 211]); ‘заглядываться, задумываться’ (пск. *глуміться* ‘глазеть, зевать, мечтать’ (1850), ‘засматриваться, заглядываться на кого-л.’ (1852), ‘смотреть’ (1904) [6: 6, 211], *разглуміться* ‘то же, что олон., новг. *разглядеться* ‘забыться, задуматься, засмотреться’ (1855) [6: 33, 303], пск., твер. *углуметь* ‘остолбенеть’ (1855) [6: 46, 207]).

Значение ‘бесноватый, бешеный, необузданный’, вероятно, исконное, связано с игрой скomoroxов. Отсюда семантика орл., курск., пск., смол., твер. *оглуметь*, курск., новг. *оглумнеть* ‘перестать соображать’, новосиб. ‘стать умственно неполноценным’; зап.-брян. *оглумить* ‘лишить способности соображать (шумом, криком, долгим разговором)’, пск., твер. *оглумиться* ‘одуреть’, твер. ‘лишиться рассудка’ [6: 22, 320], влад. *поглумиться* ‘выжить из ума’ (1895–1896) [6: 27, 293], курск. *приглумнеть* ‘одуреть, ошалеть’ [6: 31, 159], пск., твер. *углуметь* ‘перестать соображать, лишиться сознания’ (1855) при ‘остолбенеть’ (1855) [6: 46, 207].

Мотивации ‘странный, глуповатый, с глупой улыбкой’ как характеристика христианина (ср. *кретин*), ‘твёрдый’ (ср. *дуб дубом*) для пск., прибалт. *глумоватый* ‘глуповатый, глупый’ (пск. свадебн. песня, 1918) [6: 6, 211], пск. (1902–1904), смол., прибалт. *глумоватый* ‘глуповатый’ [6: 6, 211]. Реконструируется прозвище глупца **глумя*, **глумен-*, откуда пск. *глумянно*, *глумяно* ‘глупо’ (1855) [6: 6, 212], пск., твер. *глумянный*, *глумяный* ‘с придурыю’ (1855) [6: 6, 212], яросл., сузд., влад. *глумянный* ‘бешеный’ (1896) [6: 6, 212].

А. Е. Аникин, как и В. Даль, производит от *голый* ‘открытый’ диал. *голмено* ‘туча, порыв ветра в открытом море; ход в открытом море’, откуда под влиянием **глум-*диал. *глуменами* ‘о тучах, снеге, дожде’, ‘временами, порывами’. К **gol-* с мотивацией ‘время’ отнесено пск. *глумяны* ‘сверстники, пора гуляний, встреч’ [1: 10, 338–339]. Л. В. Куркина предполагает родство **gol-* и **glum-* [5].

Семантика помешательства русских диалектизмов могла развиться из-за неверного истолкования ц.-слав. слов под влиянием однокоренных исконно русских слов, значащих ‘издеваться, насмехаться’, ‘шуметь’ и других.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–2021–. Архангельский областной словарь. М., 1980–2021–. Библия. В: <https://azbyka.ru/biblia/> (доступ 27.08.2021, свободный).
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2003.
Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология 1970. М., 1972. С. 91–102.
Словарь русских народных говоров. М.—Л., 1965–2021–. Труды по русской патрологии. Калуга : Калужская духовная семинария, 2019–2020–.
Феофан (Говоров), епископ Тамбовский. Толкование на 118-й псалом. М., 1891.
-

Н. В. Удалов (Набережные Челны)

Фонетические особенности говора Агафьи Лыковой

Диалектологические экспедиции Казанского университета в верховья Абакана в 1984 и в 1986 гг. записали 16 часов спонтанной речи старообрядческой семьи Лыковых: отца Карпа Осиповича и его дочери Агафьи Карповны, им на тот момент было 84 года и 40 лет соответственно.

Акающая речь Агафьи Карповны Лыковой резко отличается от полноокающего говора отца по темпу, ритмо-динамической структуре слова, реализации аффрикат и шипящих и другим чертам. А. К., родившаяся в «таёжном тупике» в 1944 г. и не имевшая общения вне своей семьи, переняла главным образом говор матери. Мать Акелина Нахрина, родом из с. Бея в Хакасии, очевидно, была носителемницей вторичного акающего говора, сформировавшегося в Сибири в условиях контактирования полноокающих говоров с акающими¹.

В отличие от отца Агафья Лыкова акает, причём во всех безударных слогах произносит [а] полного образования — в соответ-

¹ Мяляревский Г. Я. Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1917. Вып. XXVIII. С. 1–34.

ствии как с этимологическим [а], так и [о]. Например, в 1-м предупредительном слоге: [*пайдú, плахой, вадóй, патóm*]. Диссимиляции [а] не наблюдается: [*анá, датá, травá*]. Во 2-м предупредительном слоге: [*аз'ерк'и, агарót, абайх, аб'ивáйетца; с малакóm*]. В заударных слогах: [*йáгады, гóраду, сóрак*]. Эта особенность находит отражение и в письмах Агафьи Карповны: *тавару, капáли* («копали»), *с супру́гай Гали́най Пáволавна́й*. На месте древнего [ъ] в прилагательных и причастиях ед. ч. м. р. И. п. произносится [а]: [*к'едрóвай, к'ипар'исавай, гóлай, гáл'ешнай*]; аналогично звук [а] произносится в Р. п. мн. ч. существительных: [*ст'екóлак, кóшак, картóшак*]. По характеру аканья говор А. К. близок к сибирским и алтайским акающим говорам, в частности к описанным в работах В. Я. Сениной², Т. Ф. Байрамовой³.

В положении после мягких и отвердевших шипящих независимо от твёрдости или мягкости последующего согласного в речи Лыковой наблюдается остаток яканья, например: [*фцарá, занá* («жена»), *псан'иснай, туйасцы́*]. Перед мягкими согласными в отдельных формах А. К. произносит [и]: [*рán'ишнай, голуб'ин'ка, с'ин'ин'ка, пол'им, кóс'им*]. В её речи, наряду с [е] и [и], в заударной позиции употребителен и [а]: [*трóйа, васкр'ес'ён'н'а, с'ид'ён'н'а, нáсай в'эры, с'ин'ай*].

Произношение гласных соответствует и нормам церковного чтения. Говор А. К. акающий, но имеет ряд общесибирских черт, в том числе севернорусских по происхождению, одинаковых для отца и дочери, однако оканье отца Карпа Иосифовича не оказало влияния на её речь⁴.

² Сенина В. Я. Фонетико-морфологические черты русских старожильческих говоров юго-восточного Алтая // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии. — Барнаул, 1972. — С. 39–42.

³ Байрамова Т. Ф. Некоторые сведения о говоре с. Топольное Солонешенского района Алтайского края // исследования по славистике и языкам народов СССР. — Барнаул, 1975. — С. 1–13.

⁴ Светлова В. Н. О некоторых фонетических особенностях говоров Тюменской области // Вопросы современного русского языка и диалектологии. — Тюмень, 1965. — С. 3–26.

Нами было замечено, что речи А. К. не свойственна редукция гласных, а ритмо-динамическая структура слова резко отличается от южнорусской и среднерусской. Следовательно, особое произнесение звуков в её говоре обусловлено иными причинами. Замедленное и тщательное выговаривание звуков, усвоенное Агафьей Лыковой, сложилось под влиянием матери, и эта манера произнесения, в свою очередь, способствует спорадическому произношению редуцированных гласных и развитию вставок.

В области согласных речь Лыковых характеризуется типичными севернорусскими чертами: 1) утратой [т] в конечных твёрдых сочетаниях [ст]: [*кp'эс, хвэс*]; 2) ассимиляцией согласных в сочетаниях [бм] и [дн]: [*амману́л, амма́н, аннаво́*]; 3) твёрдыми губными на конце слов: [*с'ем, цёркаф*]. Однако некоторые слова А. К. произносит с сохранением южнорусской особенности, где начальный [г] заменяется на гласный [и]: [*ид'э*] 'где'.

Характерной особенностью говора А. К. является замена шипящих свистящими: 1) перед гласными переднего ряда: [*з'ел'эзо, муз'ик*]; 2) перед непередними гласными: [*д'ерза́ф, уб'еза́л'и, паза́р*]; 3) перед мягкими согласными: [*зр'эб'ий, но́зн'ицы, ка́сл'ат'*]; 4) перед твёрдыми согласными: [*тр'изды, зда́л'и, л'из-бы*]; 5) на конце слова: [*знас, уста́н'ес, пр'ид'о'с*].

Речь А. К. характеризуется различием аффрикат [ц], [ч'], но звук [ч'] утратил смычное начало, а шипящий участок изменился в свистящий. Перед твёрдым согласным, а также на конце слов на месте [ч'] звучит твёрдый [с]: [*сто́бы, сто, р'эска*], а в других позициях — мягкий [с']: [*с'етв'эрк, с'елов'эк, заму́с'еный*]. Аффриката [ц] употребляется, как правило, этимологически верно: [*ам'эц*], [*со́р'еу*] («шорец»). Имеются также следы беззатворного произношения [ц]: [*св'етк'и́, м'эс'еса, ат'эс*] (наряду с [*ам'эц*]).

Многие фонетические черты, свойственные речи Лыковых, встречаются в рассеянном виде в различных периферийных западносибирских говорах, а также в ряде старожильческих говоров. С переселенцами из западных районов эти явления распространились в другие сибирские говоры, чем и объясняется их сохранение в речи Лыковых.

М. В. Флягина (Ростов-на-Дону)

**К вопросу о мотивационных признаках
диалектных географических названий
(на примере донских народных
географических терминов)**

Со времени опубликования монографии Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология» прошло уже более полувека. Народные географические названия разных славянских регионов были с тех пор исследованы в разных аспектах, в том числе и в ономаσιологическом. Интерес к природе географических наименований во многом подогревается включенностью исследований диалектной лексики в целом и отдельных ее тематических групп в антропоцентрическую парадигму знаний. Каждый объект природного мира и его наименование рассматривается не как произвольно определенное, но как отраженные в языковой единице в результате чувственного и рационального осмысления человеком объективной сущности. Особый интерес исследователей вызывает процесс мотивированности диалектных названий, который определяется тем, что диалектная лексика особым образом репрезентирует форму объективизации языкового сознания носителей языка. Выбор мотивационного признака для номинации предмета определяется, как известно, уровнем общественного сознания языкового коллектива, своеобразием его уклада жизни и культуры, а также природными условиями проживания людей.

Одним из актуальных сегодня является когнитивно-ономаσιологический подход в исследовании языковой картины мира. В рамках этого аспекта выделяются мотивационные и номинативные модели, которые воплощают во внутренней форме названий культурно-языковую информацию об обозначаемых объектах. Исследуемая лексика, таким образом, объединяется в зависимости от мотива, то есть мотивировочных признаков, лежащих в основе названий. Мотивировочные признаки в свою очередь определяют принципы номинации, которые отражают основные закономерности освоения окружающего мира человеком.

Исследования диалектной географической лексики показывают, что названия получали в первую очередь те объекты, с которыми была связана деятельность человека и которые представляли для него утилитарный интерес. При этом в процессе номинации, как правило, актуализировались наиболее важные признаки географических объектов. Поэтому анализ моделей номинации и установление мотивировочных признаков апеллятивов позволяет, с одной стороны, реконструировать номинативную деятельность носителей языка, с другой стороны, определить их ценности и приоритеты в освоении окружающего мира.

В зависимости от принципов номинации можно выделить три группы географических апеллятивов:

- 1) названия, сформировавшиеся на основе учета физических характеристик объекта;
- 2) названия, отражающие результаты освоения объекта человеком;
- 3) названия, возникшие при сопоставлении географического объекта с другими природными (или хозяйственными) объектами.

Каждая из указанных групп в свою очередь делится на подгруппы, определяемые различными мотивационными признаками (мотивами), положенными в основу номинации.

В основе названий по физическим характеристикам лежат такие мотивировочные признаки, как высота, глубина, протяженность, положение в пространстве, конфигурация, особенности строения, издаваемый звук, природная сила: *верх, шпиль, шиши, грѣва, венѣц, косогѣр, высѣтка, осерѣдок, вытяжѣна, горбѣна, прѣрва, загѣбина, понѣс, взвѣлок, падѣна, круча, нѣзмень, бучѣло, ревшѣк, водорѣина* и др. Эти названия наиболее многочисленны.

Названия, отражающие освоение природных объектов человеком, характеризуются большим разнообразием мотивировочных признаков, преимущественно процессуального характера: *скородѣнка, гранѣха, зѣймище, гѣта, гѣтка, нѣдолба, накѣп, кѣпань, чепѣрь* и другие.

Номинация объектов по их связи с окружающими объектами в большинстве случаев происходит на основе метонимических

переносов по соотношению частей, по связи с произрастающими растениями, по местоположению: *сенá, подгóр, косá, кобúчка, закрáйница, теклúна, скель, мура́ги, ча́канник, чиганáки, твань* и др.

При номинации взаимосвязанных объектов мотивировочные признаки вступают в разные отношения друг с другом, поэтому система народных географических названий не является статичной, внутри нее постоянно наблюдаются семантические переходы.

Е. В. Цветкова (Кострома)

Местная географическая терминология в костромской микропонимии (названия, образованные от слова *лы́ва*)

Значительная часть микропонимов костромского края образована на основе местной географической терминологии. Такие названия отражают особенности ландшафта территории их бытования и происходящие с ним изменения, его важность в жизни народа, особенности народной речи. Они составляют своего рода подсистему топонимической системы, состоящую в свою очередь из подсистем, образованных отдельными группами названий, каждая из которых заслуживает специального исследования. Образуют такую группу и микропонимы, возникшие от географического термина *лы́ва*.

Известное многим говорам слово *лы́ва* в костромских говорах имеет значения ‘лужа’, ‘большая лужа’, ‘яма, заполненная водой’, ‘низкое место, затопляемое водой во время половодья’, ‘озерко’, ‘пруд’, ‘болото’, ‘топкое место на болоте’, ‘лес на болоте’, ‘заболоченное место’, ‘низкое, сырое, непросыхающее место в лесу, на лугах и т. д.’, ‘сырое место’, ‘глубокая колея’, ‘озёрный ил’ и т. п. Подобного рода значения имеют и производные от него (*лы́вина, лы́винка, лы́вка, лы́вица* и др.), а также и слова с *-лив-, -лих-, -лых-*.

Семантика апеллятивов в значительной степени сохраняется в образованных от них микропонимах (они отражают разнообразие значений географических терминов и определённое их сходство). Практически все эти микропонимы отражают характеристику называемых ими объектов по связи с водой. И в основном это названия, образованные путём прямого перехода географического термина (чаще *лы́ва*) в микропоним, а также по схеме «географический термин + слово, чаще определение, каким-либо образом характеризующее объект». Так называют лужи: лужа *Лы́ва* (*Лыва — большая лужа в Поповском лугу / Нынче лето-то сухоё, нали Лыва пересохла —* Лядина Мантур.), ямы (часто у реки): яма *Лы́ва* (*Лыва — большая яма на заливном лугу. Во время разлива реки она наполняется водой. В ней водятся караси, щуки. Летом она мелеет —* Суворово Судисл.; *В Лыве вода остаётся и после того, как река поменяет русло / Наши-то ребята к Лыве часто бегали —* Островское Остров.), водоёмы — озёра и пруды (своего рода подобие луж, ям): *Панко́ва лы́ва* (*Панкова лыва — бывшее озеро, сейчас заросшее / На Панковой лыве раньше и осоку на сено косили —* Веденьё Октябрь.), *Чёрная лы́ва* (*Чёрная лыва — озеро чёрного цвета, в нём водятся чёрные караси —* Верхне-Спасское Пыщуг.), озеро *Лы́ва* (*В лесу это озеро —* Павино Павин.), пруд *Лы́ва* (*Помнишь, как бреднем карасей в Лыве ловили? —* Островское Остров., *Пруд этот сам образовался, соединяется с рекой / В Лыве и рыба была —* Понизье Антроп.), места, где стоит вода: *Яса́кова лы́ва* (*В Ясановой лыве всегда стоит вода —* Шарьин.). Наиболее многочисленными являются названия лугов, покосов (заливаемых водой, сырых, низменных), а также и мест на них, что отражает значимость таких объектов в жизни (в основном в трудовой деятельности) народа, например: покос *Залы́вноё* (*Сенокос этот затопляется водой в весеннее половодье —* Межа Межев.), покос *Матю́гина лы́ва* (*На Матюгиной лыве и сейчас косят —* Доброумово Павин.), покос *Га́рина лы́ва* (Нейск.), луг около деревни Корёга *Его́рова лы́ва* (Буй Буйск.), покос *Арсéнина лы́ва* (Вохма Вохом.), заливной луг *Лы́ва* (*Коровы сегодня на Лыве пасутся —* Троица Вохом.), сырое место на сенокосном уголье *Лы́ва* (*Мы севодни в Лыве загребали —* Заборье

Остров.), низменное место на покосе *Лы́ва* (*На Лыве росла густая трава* — Хмелёвка Вохом.). Дают название со словом *лы́ва* и болотам, заболоченным местам и тому, что в них находится, например: болото *Лы́ва* (Межев.), небольшое болото *Лы́ва* (*Так это сухое болотце, маленькое. Тамока и черника, и брусника, и медяника* — Веденьё Октябрь.), заболоченный луг в пойме реки *Лы́ва* (*Коров в Лыве пасут* — Судай Чухлом.), заболоченный лес *Лы́ва* (*Заболоченный лес это, в пойме реки / Коров в Лыве пасут* — Судай Чухлом.), низким, затопляемым местам (*До речки далеко, мы и ходили стирать к Лывине. Там вода даже летом стоит* — Макар.) и т. п. Есть в системе «ливных» названий и собственно топонимы: бывшая деревня *Залы́ва* (Нейск.), речка *Ка́менка-Лы́вка*, деревня *Ка́менка-Лы́вка* (Павин.).

Представляет интерес изучение данной лексики, апеллятивной и проприальной, с точки зрения и семантики, и структуры и словообразования, и функционирования в народной речи, а также сопоставление её с лексикой подобной семантики (*ля́дó, боца́г, мочажы́на, полóй, низы́на* и др.).

Микротопонимы подтверждают и дополняют сведения о местных географических терминах. Микротопонимическая информация, ценная в изучении и апеллятивов, и онимов, может быть использована в различного рода исследованиях, в том числе и сопоставительных (в лексической системе говоров как изучаемого региона, так и за его пределами), в лексикографических и лингвогеографических трудах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В НАЗВАНИЯХ РАЙОНОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Антроп. — Антроповский	Октябр. — Октябрьский
Буйск. — Буйский	Остров. — Островский
Вохом. — Вохомский	Павин. — Павинский
Макар. — Макарьевский	Пыщуг. — Пыщугский
Мантур. — Мантуровский	Судисл. — Судиславский
Межев. — Межевской	Чухлом. — Чухломский
Нейск. — Нейский	Шарьин. — Шарьинский

Т. В. Шалаева (Москва)

К этимологии лексики архангельских говоров (*плоть* ‘вранье, враки’, *ша́ки* ‘плечи; верхняя часть спины’)

В докладе анализируется происхождение двух русских диалектных лексем, отмеченных в севернорусских архангельских говорах, — *плоть* ‘вранье, враки’ (СРНГ 27: 156) и *ша́ки* ‘плечи; верхняя часть спины’ (КАОС; КСГРС). Первую из них предлагается выводить из русск. диал. распр. *плоть* ‘перхоть’ (СРНГ 27: 156) (из праслав. **plъtь* ‘кожа’ (Фасмер III: 286)). Название мелких отшелушивающихся частичек кожи на голове человека могло стать обозначением лживых, не соответствующих действительности слов, аналогично частотным случаям семантического перехода ‘тонкий, легко отделяемый внешний покров чего-либо’ → ‘что-либо пустое, неважное, незначительное’. Он характерен для таких русских лексем, как *шелуха́* ‘внешняя оболочка плодов, овощей; кожура семян’ и ‘нечто внешнее, ненужное, наносное’ (Шведова, Куркина: 1105); *чепуха́* ‘вздор, пустяки, нелепость’ (дериват **чепа* ‘щепа’ (Виноградов, История слов; Фасмер IV: 334) или фонетический вариант **щепуха* от *щепать* ‘колоть мелко дерево; драть по слоям’ (Шведова, Куркина: 1086)) и *вздор* ‘нелепость, глупость, ерунда’ (родственна глаголу *драть*, *деру* и, по-видимому, имеет первичное значение ‘сор, рванье, хлам’, то есть ‘то, что разорвано на мелкие части’ (Виноградов, История слов; Фасмер I: 311; Черных I: 149; РЭС 7: 117–118; Шведова, Куркина: 88)). Таким образом, русск. диал. арх. *плоть* ‘вранье, враки’ допустимо считать результатом семантического развития *плоть* ‘перхоть’, основанного на связи представлений о легком мелком мусоре и легковесных, ничем не подтвержденных слов.

Что касается лексемы *ша́ки*, *шаки́* ‘плечи; верхняя часть спины’, то по большей части она входит в состав предложно-падежных сочетаний, отдельные из которых уже стали наречиями, а некоторые близки к тому: ср. *виша́ках* ‘на верхней части спины, на заплечье’ (АОС 6–7: 91), *заша́ки* ‘за плечами, на плечах’

(АОС 21: 233), за *ша́ки* ‘то же’ (КАОС; КСГРС), в *ша́ки* ‘то же’ (Там же), в *ша́ках* ‘то же’ (КСГРС). Семантическими параллелями для данных слов служат лексемы *взаплéчки* ‘за плечами, за спиной’ (АОС 4: 56), *заплéчи* ‘то же’ (АОС 19: 35), *заплéчки* ‘то же’ (АОС 21: 36), *заплéчкой* ‘то же’ (Там же), *заплéчками* ‘то же’ (АОС 19: 35–36), *закокорёшки* ‘то же’ (АОС 17: 115), *закоко́ришки* ‘то же’ (Там же), *закоко́шки* ‘то же’ (АОС 17: 116), *закоко́ришкима* ‘то же’ (АОС 17: 115), *закоко́шкима* ‘то же’ (АОС 17: 116) и др.

Говоря о происхождении *ша́ки*, А. Е. Аникин предполагает опосредованную связь данной формы с *соха́* ‘подпорка, развилок’ и приводит записанную в Прионежье лексему *ша́хи* ‘подпорки стога’ (РЭС 9: 112), которую С. А. Мызников возводит к карел. ливв. *šohki* ‘подпора с развилкой’, в свою очередь заимствованного из русского языка, ср. русск. *соха́*, *со́хи* (Мызников 2003: 381; Мызников 2019: 915). Кажется, имеется возможность подтвердить версию А. Е. Аникина и обосновать родство *ша́ки* ‘плечи, верхняя часть спины’ с *ша́хи* ‘подпорки стога’. Так, фонетическая мена *х/к* в русских говорах является регулярной: ср. арх. *поша́кать* (КАОС) — ленингр. *поша́хатъ* ‘пойти’ (СРГК V: 131), арх. *ша́кнуть* (КАОС) — арх., карел., ленингр., новг. *ша́хнуть* ‘сделать шаг’, ‘пройтись, погулять’ (СРГК VI: 845). Рассматривая семантику *ша́ки*, нужно сказать, что это слово употребляется исключительно в описании переноски человека на спине, когда он держится за шею или за плечи, то есть плечи здесь выступают в функции подпорки, приспособления для фиксации поднятого наверх объекта. Именно таким инструментом и служат предметы, обозначаемые лексемой *ша́хи*: ср. русск. диал. *ша́хи*, *шахи́* ‘подпорки стога’, ‘шесты для установки рыболовных сетей’, ‘колья с сучьями, на которые развешиваются сети, невод для просушки’ (Мызников 2003: 381; Мызников 2019: 915). Наименование подпорок в таком случае вполне могло стать названием плеч, поскольку на них опирается человек, когда его несут на спине.

Аналогичное сочетание значений ‘плечи’ и ‘длинный тонкий предмет’ наблюдается в польской лексеме *bark*, *barki* ‘плечи’ и ‘жердь, перекадина в телеге’ (праслав. **bьrkь*) (Sławski I: 27), соответствиями которого являются чеш. *brk* ‘нижняя часть стержня

пера' (Там же), словац. *brko* 'большое птичье перо (на крыльях)' (Kralík: 82). Следовательно, и для севернорусских форм *ша́хи*, *ша́ки* вполне можно допускать подобную многозначность.

ЛИТЕРАТУРА

- АОС — *Архангельский областной словарь* / Под ред. О. Г. Гецовой (вып. 1–12), О. Г. Гецовой и Е. А. Нефедовой (вып. 13–15), Е. А. Нефедовой (вып. 16–). Вып. 1–21–, Москва: Наука; МГУ, 1980–2021–.
- Виноградов В. В. История слов. Электронный ресурс: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vinogradov>.
- КАОС — *Картотека «Архангельского областного словаря»*. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва.
- КСГРС — *Картотека «Словаря говоров русского севера»*. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- Мызников 2003 — С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
- Мызников 2019 — С. А. Мызников. Русский диалектный этимологический словарь: Лексика контактных регионов. М.–СПб.: Нестор–История, 2019. 1076 с.
- РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Т. 1–14–. М.–СПб.: Нестор–История, 2007–2020–.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). М.–Л.–СПб., 1965–2021–.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубочева. Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Астрель–АСТ, 2003.
- Черных — П. Я. Черных. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I–II. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1994.
- Шведова, Куркина — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Отв. ред. Н. Ю. Шведова; автор этимологических зон словарных статей Л. В. Куркина. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

Kralík — L'. *Kralík*. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA, 2015. 704 s.

Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Krakow: Towarzystwo miłośników języka polskiego, 1952–1983.

А. К. Шапошников (Москва)

Славянские диалектизмы и реконструкты праславянского лексического фонда

Многие проблемные и дискуссионные реконструкции в праславянской этимологии коренятся в невольном или вольном не распознавании, близоруком игнорировании именно диалектной природы реконструируемых славянских лексем, стремлении навязать реально более поздней модифицированной (фонологически и структурно) лексеме ранний «регулярный» реконструкт предполагаемого (мнимого) праславянского архетипа. В докладе рассматриваются прежде проблемные этимологии некоторых славянских диалектизмов, получивших фиктивную праславянскую реконструкцию (*čębrь = *fębrь ~ *tębrь < *tjimbrь, *čubь / *čuba = *fuba ~ *tuba < *tjuba, *čuka, *čukati, *čukь = *fuka, *fukati < *tjuk-a-, *korčunь = *k^arafinь ~ *krafinь < *kratjunь, *o(b)čutiti (se) или *o(b)tjutiti (se), *zveno = *dzveno, *dzvenesa, *gvězda вместо *zvězda).

Обозреваются и другие лексикографические фантомы, попавшие в праславянскую лексикографию на правах праслав. лексического фонда по причине недоучёта их диалектной природы. Появилась возможность скорректировать этимологию для слов *перчатка*, *печатка*, *Переплут* и *Перегини*. Из всего вышесказанного можно извлечь основной аргумент против включения славянских диалектизмов в праславянский лексический фонд: аргумент хронологический, вернее, диахронический. Все диалекты современных живых славянских языков сложились в последние 500–300 лет на основе смешения (гибридизации) как прежде существовавших других диалектов данного ареала, так и «общенародных» книжных, письменных языков прежних территориальных государств и сопряженных церковных организаций. Современные

диалекты представляют лишь фрагментарные, чаще косвенные, свидетельства о реальном лексическом составе предшествовавших им диалектов, которые сами унаследовали частично лексический фонд более древних языков ареала. Хронологически ближе всего к позднепраслав. языковому состоянию 450–580–700 был анто-славянский диалект Паннонии (точнее: Бельграда Паннонского) 800–900 гг., мёртвый к 1000 г. и замещенный венгерским языком. Но уже его базовый словарный запас, лексический фонд объёмом 9–10 тыс. слов, полон словоизменительных, словообразовательных, лексико-семантических инноваций, калек, заимствований, ареально и культурно обусловленных. Цслав. статус слова не является автоматической гарантией его праславянского статуса, напротив, как правило, прямо свидетельствует о лексической инновации, подменяющей и замещающей нечто действительно позднепраславянское, до которого очень трудно добраться (например, какое исконное общенародное слово полностью вытеснено цслав. иранизмом *богъ?*). Наводнение реконструированного праславянского лексического фонда диалектизмами и регионализмами само по себе понижает качество этимологии праслав. архетипов, получаемых сравнительно-историческим методом, отвлекая всё внимание и все усилия этимологов на этимологию диалектных слов, извлекаемых из многочисленных диалектных словарей.

В. Н. Шапошников (Москва)

Интонационная структура и синтаксис в современной разговорной речи

Интонация служит в предложении способом выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски высказывания. Основными средствами интонации являются тональные средства, а также темп речи и паузирование. Имеют место территориально отнесенные различия речевой интонации: высота тона и его уровень, направление и диапазон, соотношение центра с предцентровой и послецентровой частями фонетической фразы, темп

речи, ритм, громкость, паузирование. Имеются особенности интонации, относящиеся к просторечию.

В современной лингвистике во всем многообразии интонации русского языка выделяются типы — несколько употребительных интонационных конструкций. Интонационные конструкции выделяются и противопоставляются друг другу по выражаемому ими грамматическому значению и фонетическому строению.

В современной речи формируются новые просодические явления: например, в повествовательном невосклицательном предложении сложился особый интонационный тип — повышение тона и изменение темпа речи на конце фразы при смещении центра к концу интонационной конструкции и увеличении длительности звучания. Мы гуляем на свадьбе четвертого в ^городе ||потом едем за ^город ||там мы проводим в коттедже ^пятое ||потом мы возвра^щаемся (р. моб. тел. 15.1.15). .

Происходят интонационные изменения в современной речи и среди неповествовательных конструкций. Так, на коммуникационном месте высказываний волеизъявления ИК-2 формируется интонационная структура с двумя большими концевыми повышениями тона: __ _ / / (Ты хочешь, чтобы я по^ехала с то^бой? Я же вам говорила, что я не могу^ ле^теть! (ТВ 13.8.15).

Происходит просодическое изменение среди восклицательных предложений: значительное повышение тона на последнем слове, пауза и увеличение длительности. Например, в диалоге: — Я тебе всегд^а ||пишу^. Таким образом, создается два интонационных пика — тоновые вершины высказывания, между которыми наблюдается пауза. При этой интонации происходит особое повышение тона последнего слова слога.

Изменение интонационных конструкций связано с грамматической системой языка. Мы отмечаем синтаксическое соответствие фонетических явлений и его изменение. Развиваются интонационные структуры повелительного наклонения в современной русской речи.

1. Формируется интонационная конструкция восклицательного высказывания в форме повелительного наклонения со смещением центра и повышением тона в конце. В ответной реплике разговора: Рот закрóй! __ _ /.

При этом в данной конструкции происходит убыстрение темпа произнесения и сокращение длительности звучания последнего слога. Отмечаются две ее просодические разновидности.

а. конструкция с повышением тона в конце императивного высказывания и увеличением длительности конечного слога: Подойди сюда'! __ __ / . Центровая часть может быть не одна: Иди домо́й быстре'й! __ __ / _ / .

б. конструкция повелительного наклонения с 1 лицом множественного числа, выражаемого повышением тона.

2. Конструкция повелительного наклонения с использованием частицы «а»-усилительной, интонационная структура которой содержит паузу и повышение тона. Эта конструкция реализуется в диалоге: ... — Перестань, ||а! — Замолчи уже, а! __ _ / || / .

3. Интонационная конструкция повелительного высказывания с глаголом в форме прошедшего времени изъявительного наклонения, содержащая повышение тона на этом слове: Отошла от окна! Вышли отсюда! / __ _ - .

Изменением современной просодии является синтагматическое членение речи. Происходит резкое выделение синтагм в устной речи и более явное разбиение высказывания на синтагмы — подъемом тона, длительностью слогов, паузированием и силой ударения на концах. При таком резком выделении синтагм в речевом потоке они выступают как равноправные и однопорядковые в синтактико-семантической структуре и не соответствуют разнообразным логико-семантическим отношениям сочленения и соподчинения синтаксических единиц. Например, в сложном предложении повествовательных жанров: Пенопласт есть, только его не видно, и соединение легкое (уст. р. 10.7.15) __ _ / || __ __ / || \ __ _ .

В целом таким путем изменяется интонация как фонетическая структура в системе русской речи. Это явление оказывает влияние на звуки и их качество. Таким звуковым изменением становится появление удлиненных слогов в конце синтагмы, в том числе безударных удлиненных гласных в них. Фонетическим изменением, сопутствующим интонации, является становление дифтонгов на месте гласных на конце фразы.

М. Н. Шевелева (Москва)

К истории диалектного будущего типа *иму делать, имём делать*

1. Известные во многих северных и среднерусских говорах конструкции типа *иму*+инфинитив со значением будущего времени диалектные словари атрибутируют обычно глаголу *имать* 'брать' или 'иметь' [СРНГ, 12: 190 и др.]. Генетически это формы глагола *ѣти* 'взять, схватить', фиксирующиеся в инфинитивных сочетаниях со значением будущего с XIII в. [Юрьева 2011; Шевелева 2019 и др.], — первичного корневого глагола с тем же корнем *ѣт-*, рано получившего значение СВ. Последующая утрата бесприставочного *ѣти*, *иму* приводила к взаимодействию его парадигмы с *имѣти*, *имѣю* и с итеративом *имати*, замещающим исконную основу презенса *емлю* на неусекаемую *имаю*.

2. Значение будущего инфинитивных конструкций с *иму* развивается на базе значения 'схватить', наиболее частотного у др.-рус. глагола *ѣти*; переносное значение *иму* в составе этих конструкций относится к сфере начинательности: 'схватить' → 'начать' (ср. характеристику диалектного будущего с *иму* как «будущего начинательного» [Потебня 1888: 366]) — очевидно, с подчеркиванием контраста с настоящим. Старейшие примеры *иму*-конструкций сосуществуют в памятниках со свободным употреблением форм типа *иму* в значении 'схватить' (см. смоленские грамоты XIII в.).

3. В конце XIV–XV вв. *иму*-конструкция близка к грамматикализации в будущее, что и происходит в части говоров, видимо, к концу старорусской эпохи. Особенно конструкция употребительна в северо-восточных памятниках и в деловом языке Москвы; в Новгороде и на северо-западе она распространяется скорее всего из северо-восточных говоров и из Центра со сложившимся формуляром делового языка (см. единичные примеры в берестяных грамотах № 364 кон. XIV в. и № 962 XV в., в новгородских деловых грамотах в устойчивых формулах типа: *А имуть чего искати на новгородцехъ или на новоторжцехъ, судъ с новгородцемъ в Новгороде, а с новоторжцомъ в Торжку; или чего имуть искати новгородци или новоторжци на тферитинъ, судъ имъ во Тфери* ГВНП, № 20, 1446–1447 гг.).

4. С XVI в. *иму*-оборот начинает уступать по употребительности инфинитивному обороту с *учну*, позднее активизируется *стану*, что создает впечатление вытеснения будущего с *иму* стремящимся к грамматикализации *учну*. Однако связано это, видимо, прежде всего со стандартом делового языка, где в составе одних и тех же устойчивых формул могут встречаться оба глагола и в XVI — нач. XVII в. *учну* становится более «популярным». Рост употребительности *учати* для обозначения наступления новой ситуации отмечается в этот период и в прошедшем времени, при этом исконная его нефазовая семантика (как и прочих глаголов с корнем *-ча-*), позволяющая сочетаться с непроцессными глаголами, создает иллюзию формализации *учну* в показатель будущего (примеры типа: *и хто у не² в тои дренъ учне^m жити людеи, и намъстници мои рузские и и^x тиуни тѣ^x его людеи не суд^л ни в чем...* АСЭИ, 3, № 66, 1505 г. — ср. формулу *а хто име^m жити твои^x бо^лръ и детеи бо^ларски^x и слу² в моei зчинъ...* во многих грамотах XV–XVI вв.). Грамматикализации оборота *учну* + инфинитив не происходит, что подтверждается и данными говоров, где этот начинательный глагол встречается нечасто. Будущее же с *иму* сохраняется по диалектам или вытесняется в конце XVII в. распространившимся из западных говоров *буду* + инфинитив, отличаясь, очевидно, от последнего ярко выраженным контрастом с настоящим.

ЛИТЕРАТУРА

- АСЭИ, 3 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
 Потелбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Харьков, 1888.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Л., 1977.
 Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.
 Юрьева И.С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.

А. В. Ширкунова (Псков)

О функционировании относительных прилагательных в диалектных высказываниях

Семантическая составляющая адъективного слова заключается в неразрывной связи признака с объектом (лицом, предметом, явлением, действием и т. д.), выполняющим функцию носителя данного признака.

Относительные прилагательные, как известно, обозначают признак опосредованно, через отношение одного предмета к другому. Общая семантика данных прилагательных отражает взаимную связь между объектами реального мира, основанную на смежности или сходстве. Как отмечает М. В. Никитин, «[С]ама форма прилагательного извещает не о слове с признаковой семантикой, а о слове с признаковой функцией» [Никитин 2007: 245]. Эта особенность адъективных сочетаний упоминается в связи с разработкой теории «контекстной семантики»: «Выражения *снежные пушки* и *снежные городки* весьма близки по своей семантике, однако только в предложении можно расчленить эти структуры: в одном случае как структуры с качественным определением (*снежные городки*), а в другом — как функциональные (*снежные пушки*)» [Колшанский 1980: 40]. Таким образом, отсубстантивные относительные прилагательные отражают в своей семантике такие смысловые связи, при которых один предмет является носителем признака другого предмета.

Во многих работах отмечается отсутствие единства в лексикографировании относительных прилагательных и сложившуюся традицию использования отсылочных формул деривационного и релятивного типов (см.: [Родионова 1997]). При этом стремление отдельных словарей к дифференциации контекстной семантики адъективов находит отражение в формулировках предикатного типа, таких как: ‘состоящий из’, ‘изготовленный из’, ‘сделанный из’, ‘похожий на’ и др., что увеличивает число компонентов семантической структуры лексического значения адъективного слова.

В диалектной лексикографии названные проблемы усугубляются стремлением запечатлеть локальную семантику слова, связанную со спецификой его бытования, при необходимости сохранения принципов словаря лингвистического типа. Источником данной публикации послужили материалы «Псковского областного словаря с историческими данными».

Целью работы является раскрытие функции диалектных отсубстантивных относительных прилагательных в установлении связей между наименованиями предметов реального мира. Применение коммуникативно ориентированного подхода к предмету исследования позволяет выявить семантические модели адъективов, а также факты параллельного существования сочетаний адъективного типа (например, *колодезная вода*) и синонимичных им падежно-именных конструкций (*вода из колодца*).

Вступая в различные контекстные отношения, диалектное прилагательное не только сохраняет память о денотате (имени существительном, которым оно мотивировано), но и устанавливает такие валентностные связи, которые отражают реальности традиционного быта, традиционной культуры в целом: *Ф прáзьник пяклí баркáнный пирóк. — Из боркáна пёклí* [пирог] *и картóвашный пяклí* [ПОС 1: 120, 122]; *Он [ершовик] биз урузíл садíцца, навярху нямнóуа бярёставых плафкóф есь; Сеть, плаўкí бярёставыи. — Трубачкь из бярёсты, штоп здымáла сётку квёрху* [Там же: 180–181]; *Лáпти бы́ли бредóвыи и лiповыи. — Лáпти дéлались з брéда, в лясу абдирёш брядíну и дéлаеш. — Брédóвая дудочка из брядíны* [Там же 2: 161, 164].

Таким образом, установление коммуникативных параллелей между сочетаниями с отсубстантивными относительными прилагательными и соответствующими им субстантивно-именными конструкциями в диалектной речи будет служить еще одним методом описания традиционной картины мира диалектоносителя.

ЛИТЕРАТУРА

- Колианский Г. В. Контекстная семантика. М. : Наука, 1980.
Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / Под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л. (СПб.) : ЛГУ (СПбГУ), 1967–2020.

Родионова А. Е. Семантика отсубстантивных относительных прилагательных в системном и коммуникативно-функциональном аспектах: Автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997.

Ю. А. Шкураток (Пермь)

Русские диалектные заимствования в коми-пермяцкой мифологической лексике

Культурное влияние со стороны русского народа на коми-пермяков принято отсчитывать с XI–XII вв. Коми-пермяки занимали обширную территорию Перми Великой, впоследствии большая часть их потомков перешла на русский язык, и этот процесс продолжается до сих пор. Русский «клин» или «остров» (Юрлинский район) делит коми-пермяков на северных и южных [Баталова 1975: 13–16]. Территориальная и конфессиональная близость русских и коми-пермяков позволяла заключать межнациональные браки, происходило взаимное усвоение культуры, языка, в том числе исследуемой нами мифологической традиции и связанной с ней лексики.

Заимствования из русского языка составляют самую большую группу среди названий коми-пермяцких мифологических персонажей [Шкураток, Кротова-Гарина 2021]. Как правило, они обозначают тех же персонажей, что и в русском языке: *лешой*, *домовой*, *банной бес*, *дошлой*, *нечистой*, *вежливец*, *ковдун*, *ковдунья*, *дяв* 'дьявол' и т. п., подвергаясь лишь фонетической и грамматической адаптации [Там же: 72].

Коми-пермяцким языком заимствуются не только названия мифологических персонажей, но и целый ряд глаголов, используемых в мифологических нарративах: *блажитчыны* — казаться, *присьтейтны* — пугать (о действиях злого духа), *путьтитны* —

напускать; *путьтитны икотаэз* — напускать икот («вселяющихся» духов), *уморочитны* — давить, душить (о действиях домового), *чертитны* — чертить, водить вокруг больного места каким-либо предметом, произносятся заговоры, таким образом излечивая болезнь [Материалы... 2020: 156].

Русским по происхождению является и к.-п. глагол *смилиитны* ‘приворожить’. В пермских русских говорах различные приставочные и суффиксальные производные с этим корнем и с тем же значением (*смилиить, осмиливать, присмиливать, присмилиить, смилливать, присмиливать*) обнаруживаются также на территории Коми-Пермяцкого округа — в Гайнском и Юрлинском районах: [А у вас «присушек»-то не делали?] *Нет, нет, не было, не было. Никого мы не смиллили, никого не присмиливали, не осмиливали, нет* (Черепанова Юрл.) [ЭС 2020: 619].

В некоторых случаях как у лексических единиц контактных русских говоров, так и у соответствующих русских заимствований коми-пермяцкого языка обнаруживаются особые значения (например, слово *икота* в русских говорах Юрлинского района и в коми-пермяцких диалектах, в отличие от других территорий, приобретает широкий спектр значений, не связанных с кликушеством, обозначает вселенных колдуном и вызывающих разные болезни духов, различные виды магического вреда).

Таким образом, значительное влияние русских мифологических воззрений отражается и на лексическом уровне: тексты мифологических рассказов коми-пермяков содержат большое количество русских заимствований, касающихся наименований мифологических персонажей и их действий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках проекта № 20-412-590005 «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка».

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
Материалы... — Материалы по коми-пермяцкой демонологии / Авт.-сост. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королёва, И. И. Русинова. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2020. 168 с.

Шкураток Ю. А., Кротова-Гарина А. В. К проблеме классификации названий мифологических персонажей в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 70–80.

ЭС — Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами / И. И. Русина, А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Королёва. СПб.: Изд-во «Маматов», 2019. 832 с.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

**Материалы международной конференции
29–31 октября 2021 г.**

Издание подготовлено к печати

Формат 60×88/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 14
Тираж 150 экз. Заказ №